

Факультет «Социальные и гуманитарные науки»
МГТУ имени Н.Э. Баумана

Отделение общих проблем войны, мира и армии
Академии военных наук

ИНФОРМАЦИОННАЯ АНАЛИТИКА И ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Издательство «Экон-Информ»
Москва 2023

УДК 304:00:316

ББК 60.56:73

И74

Рецензент:

Махнин Валерий Леонидович – заслуженный работник высшей школы, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук, руководитель научного отделения «Военное искусство» Академии военных наук.

И74 Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления / Факультет «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ имени Н.Э. Баумана, Академия военных наук / Под общ. ред. В.Н. Ремарчука, И.В. Бочарникова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2023. – 226 с.
ISBN 978-5-907681-06-4

Коллективная монография **Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления** подготовлена по итогам работы I-й международной научно-практической конференции «Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления: проблемы, перспективы и тенденции реализации и применения», состоявшейся 23 ноября 2022 года в МГТУ имени Н.Э.Баумана. Организаторами конференции выступили факультет «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ имени Н.Э. Баумана совместно с Отделением общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук.

В монографии нашли отражение вопросы, связанные с осмыслением методологических проблем исследования информационной аналитики, анализа тенденций и современной практики применения информационной аналитики и информационных технологий в процессе подготовки и принятия управленческих решений, а также других аспектов информационно-аналитической деятельности.

Материалы монографии могут быть использованы в практической информационно-аналитической деятельности, организации научно-исследовательских работ и подготовки специалистов в области информационной аналитики.

УДК 304:00:316

ББК 60.56:73

ISBN 978-5-907681-06-4

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ УГРОЗ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Белоконь Сергей Петрович

От имени Президиума Академии военных наук рад приветствовать организаторов, участников и гостей научно-практической конференции «Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления: проблемы, перспективы и тенденции реализации и применения».

Важно, что инициаторами проведения сегодняшней конференции являются Отделение общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук и факультет «Социальные и гуманитарные науки», его кафедра «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана. Полагаем, что совместное обсуждение результатов теоретических исследований военных ученых и ученых ведущего технического вуза страны не только позволит его участникам обменяться мнениями и установить долгосрочные творческие контакты, но и выработать консолидированную позицию по обсуждаемым вопросам.

В современных условиях динамичного развития международной, военно-политической и стратегической обстановки в мире тема сегодняшней конференции, безусловно, является очень актуальной. Она непосредственно связана с проблематикой ведения межгосудар-

ственного противоборства во всех сферах общественных отношений: политической, экономической, социальной и духовной.

Информация, информационные и информационно-аналитические технологии стали в настоящее время важнейшим инструментом такого противоборства, мощнейшим оружием гибридной войны, ведущейся объединенным Западом против нашей страны. От того, насколько эффективно нами будет применяться такое «оружие», насколько надежно мы построим защиту от информационно-психологического воздействия противника, во многом зависит успех в этой войне. Поэтому крайне важно при обсуждении имеющихся в этой сфере проблемных вопросов обосновывать и возможные пути их решения. Это позволит придать конференции конструктивный характер, соответствующий ее научно-практическому предназначению.

Желаю всем участникам конференции творческих успехов. Надеюсь, что периодичность ее проведения будет иметь постоянный характер, а результаты обсуждения в ходе конференции проблемных вопросов будут способствовать дальнейшему повышению эффективности научных исследований в области обороны.

В своем выступлении постараюсь кратко показать возможные направления решения одной из важнейших задач Генерального штаба, связанной с совершенствованием методологии стратегического планирования в Российской Федерации в сфере обороны или военного планирования.

Значительную сложность при осуществлении военного планирования представляют проблемы информационно-аналитического характера, непосредственно связанные с созданием эффективного инструментария прогнозирования угроз военной безопасности. Трудность формализации процессов прогнозирования существенно ограничивает возможности по их моделированию и вынуждает ориентироваться на использование преимущественно методов экстраполяции и опроса экспертов, что не всегда позво-

ляет обеспечивать своевременное получение прогнозных данных приемлемого качества.

В соответствии со своим предназначением Минобороны России организует и осуществляет прогнозирование условий и основных параметров будущего вооруженного противоборства. Полученные прогнозные результаты используются для формирования системы исходных данных для военного планирования, подготовки предложений в Стратегический прогноз, Стратегию национальной безопасности и Военную доктрину Российской Федерации, для разработки системы концептуальных документов военного планирования и документов Плана обороны Российской Федерации.

Прогнозы задают исходные установки военного планирования и во многом являются «ориентирами» при обосновании и периодическом уточнении его целей и предлагаемых мер. Это требует обеспечения необходимой точности и достоверности определения возможных условий, форм, способов, средств и других характеристик будущего вооруженного противоборства, непрерывного мониторинга тенденций их изменения под воздействием различных факторов.

Выполнение этих требований может быть осуществлено при условии решения следующих групп имеющихся в настоящее время проблем.

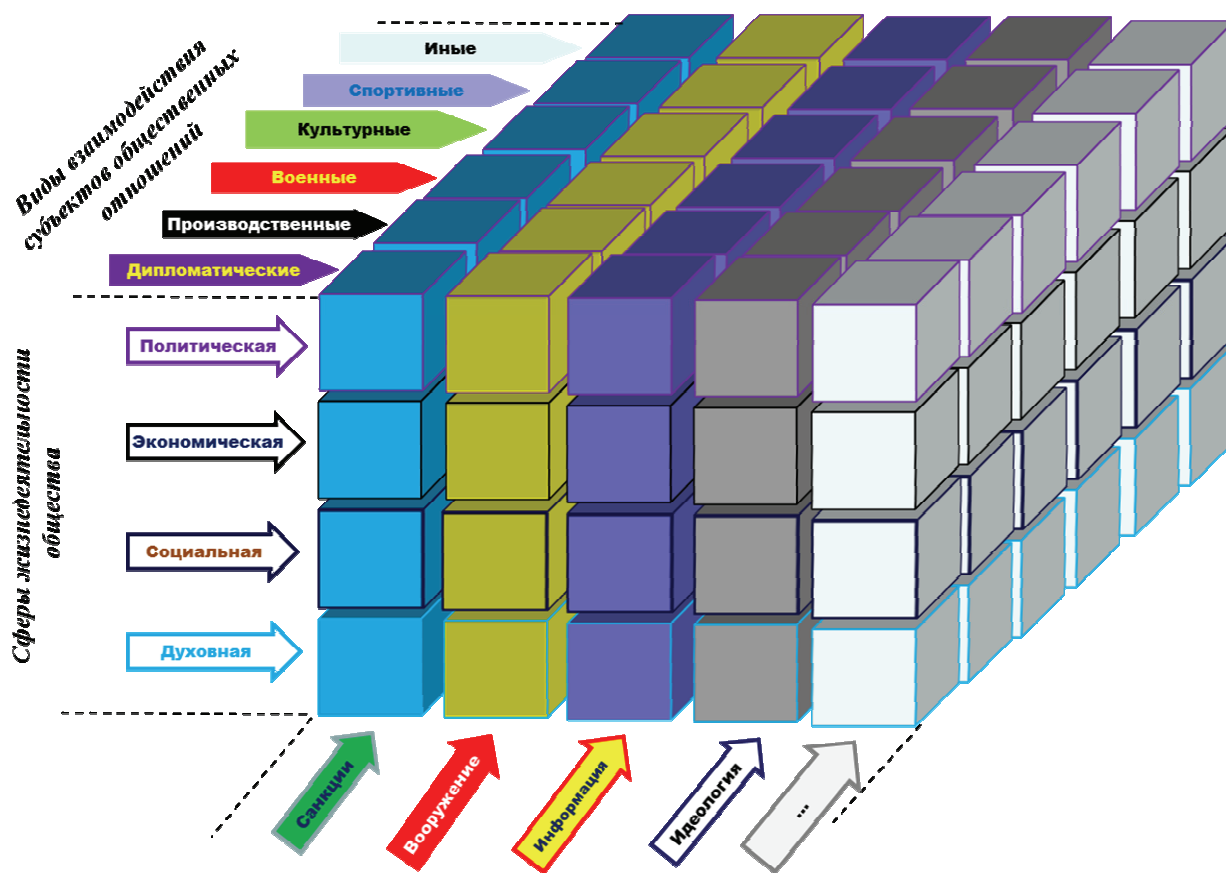
Первая группа – это фундаментальные проблемы военной науки.

Прогнозирование войн будущего непосредственно связано с определением возможных тенденций изменения их содержания. В настоящее время небезосновательно считается, что главное содержание войны составляет вооруженная борьба, а невоенные формы противоборства и соответствующие им средства не являются доминирующими и применяются в качестве дополнительных в интересах достижения целей войны.

Вместе с тем содержание войны постоянно изменяется не только за счет расширения номенклатуры применяемого оружия (то есть, создания принципиально нового и модернизации существующего), форм и способов его применения, но и по причине увеличения масштаба использования политических, дипломатических, экономических, информационных и иных невоенных мер. На последнее, в частности, указывает то, что в обиходе постоянно употребляется множество названий различных видов так называемых «войн» (экономические, информационные, дипломатические и др.).

Применительно к проблематике сегодняшней конференции хотелось бы пояснить то, как мы рассматриваем роль и место информации и информационных технологий в существующей системе общественных отношений. Как показано на Рис. 1 для политической, экономической, социальной и духовной сфер жизнедеятельности общества и множества видов взаимодействия субъектов общественных отношений, включая дипломатические, производственные, военные, культурные и другие, информация является инструментом, посредством которого эти взаимодействия осуществляются. Конечно, при дружественном и враждебном характере взаимодействия субъектов общественных отношений набор информационного инструментария будет значительно различаться.

В перспективе может сложиться ситуация, когда по своему объему и эффективности невоенные меры и средства будут преобладать над военными и актуальным станет вопрос о необходимости пересмотра главного содержания войны и, соответственно, классического ее понимания. Однако поскольку невоенные меры противоборства применяются практически всегда (как совместно с применением средств вооруженной борьбы, так и обособленно), то в случае осуществления такого пересмотра состояние войны станет перманентным, что неприемлемо.

Инструментарий взаимодействия субъектов общественных отношений

Рис. 1. Место войны в процессе жизнедеятельности общества

Положения военной науки четких критериев, определяющих роль, место и возможное соотношение в войне военных и невоенных мер, не устанавливают. Вследствие этого прогнозирование параметров невоенного противоборства будущего (наряду с характером вооруженной борьбы, военными опасностями и военными угрозами) не является обязательным. Таким образом, имеется неопределенность с установлением предметной области прогнозирования, проводимого в интересах военного планирования.

События последних лет подтверждают необходимость акцентирования внимания на все без исключения аспекты межгосударственного противоборства. То есть, хотя практика показывает значительное влияние невоенных мер на обеспечение военной безопасности,

теория военной науки фактически оставляет этот факт без должного внимания, что вызывает необходимость развития соответствующих ее положений.

Представляется целесообразным в теоретическом плане рассматривать обеспечение военной безопасности как единый процесс, реализуемый как в военное, так и в мирное время. При этом главным признаком войны следует считать систематическое применение средств вооруженного насилия. Главное содержание войны по-прежнему будет составлять вооруженная борьба, а невоенные формы противоборства, даже в случае их преобладания и значительной эффективности, следует рассматривать лишь в качестве вспомогательных. В мирное время главными в обеспечении военной безопасности будут являться политические, дипломатические, экономические и иные невоенные меры, а меры чисто военного характера, например, стратегическое сдерживание, следует рассматривать в качестве обеспечивающих их реализацию.

Несмотря на известность и кажущуюся очевидность такого подхода, системному исследованию процесса обеспечения военной безопасности должного внимания до настоящего времени не уделялось, а военной наукой этот вопрос рассматривался лишь как дискуссионный. Вместе с тем его принятие будет способствовать дальнейшей систематизации вопросов обеспечения военной безопасности в рамках единой методологии обеспечения национальной безопасности. В частности, это позволит рассматривать угрозы военной безопасности как составную часть угроз национальной безопасности, вызовет необходимость выделять их в качестве самостоятельной категории, взаимосвязанной с другими категориями в данной предметной области.

Вторая группа – это проблемы терминологического характера.

Для достижения требуемой надежности и точности прогноза важна четкая формулировка предмета прогнозирования.

Известно, что о терминологии не спорят, о ней договариваются. Результаты таких «договоренностей» фиксируются в нормативных правовых документах, содержащих определения ключевых понятий в соответствующих областях правового регулирования. Для сферы обороны главными документами, определяющими используемую терминологию, являются Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹ и Военная доктрина Российской Федерации².

Вместе с тем в терминологическом плане указанные документы нельзя назвать образцовыми. Основные содержательные различия понятийного аппарата, используемого в Стратегии и Военной доктрине, представлены в таблице. Необходимость наличия и сохранения многих из них является неочевидной.

Так, в Стратегии используется понятие «угроза национальной безопасности», но в Военной доктрине, соответствующее ему (для сферы обороны) понятие «угроза военной безопасности» отсутствует, несмотря на его широкое распространение и практическое использование.

Требуют корректировки определения понятий «военная опасность» и «военная угроза», поскольку в них не указаны четкие признаки военных опасностей и военных угроз, требующиеся для их выявления и прогнозирования. Кроме того, в Военной доктрине угрозы невоенного характера, влияющие на обеспечение военной безопасности, содержательно не выделены, отсутствует и терминология, необходимая для определения таких угроз.

¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, далее – Стратегия.

² Утверждена Президентом Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. ПР-2976, далее – Военная доктрина

Таблица 1

Соотношение основных понятий в сферах обороны и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Основные понятия, используемые в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации	Основные понятия, используемые в Военной доктрине Российской Федерации
Национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности национальных интересов РФ от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны	Военная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять
Национальные интересы РФ – объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии	<i>Защита суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности РФ, укрепление обороны страны</i>
Обеспечение национальной безопасности – реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности	<i>Обеспечение военной безопасности</i>
Угроза национальной безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам РФ	<i>Угроза военной безопасности</i>
	Военная угроза – состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию). Военная опасность – состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы

Ряд указанных недостатков может быть устранен в случае нормативного закрепления понятия «угроза военной безопасности». В теоретическом плане это позволит не только рассматривать его в качестве самостоятельной категории, но и провести декомпозицию угроз военной безопасности, представив их как совокупность военных и «невоенных» угроз. При этом в интересах устранения имеющейся тавтологии для названия «невоенных» угроз военной безопасности Российской Федерации целесообразно ввести термин «угроза обороноспособности государства».

На рис. 2 представлен возможный вариант определений в предлагаемой системе понятий. Следует отметить, что в ней не определено место понятию «военная опасность». Полагаем целесообразным рассматривать это понятие в качестве вспомогательного, позволяющего качественно оценивать вероятность возникновения военной угрозы, и дать ему следующее определение: «Военная опасность — совокупность условий и факторов, создающих возможность возникновения военной угрозы».

Прогнозирование не только военных угроз, а всех угроз военной безопасности позволит системно оценивать возможности государства по реализации стратегического национального приоритета «оборона страны» на основе прогнозных данных об угрозах национальным интересам, создающих прямую (с применением средств вооруженного насилия) или косвенную (посредством враждебных действий невоенного характера) возможность нанесения ущерба обороне Российской Федерации.

Следует отметить, что, помимо корректного определения указанных взаимосвязанных понятий и нормативного правового закрепления их, например, в Военной доктрине, потребуется кропотливая работа по обоснованию идентификационных признаков угроз военной безопасности, подходов к классификации угроз и их признаков в интересах дальнейшего развития научно-методического аппарата

выявления и прогнозирования военных угроз и угроз обороноспособности Российской Федерации.

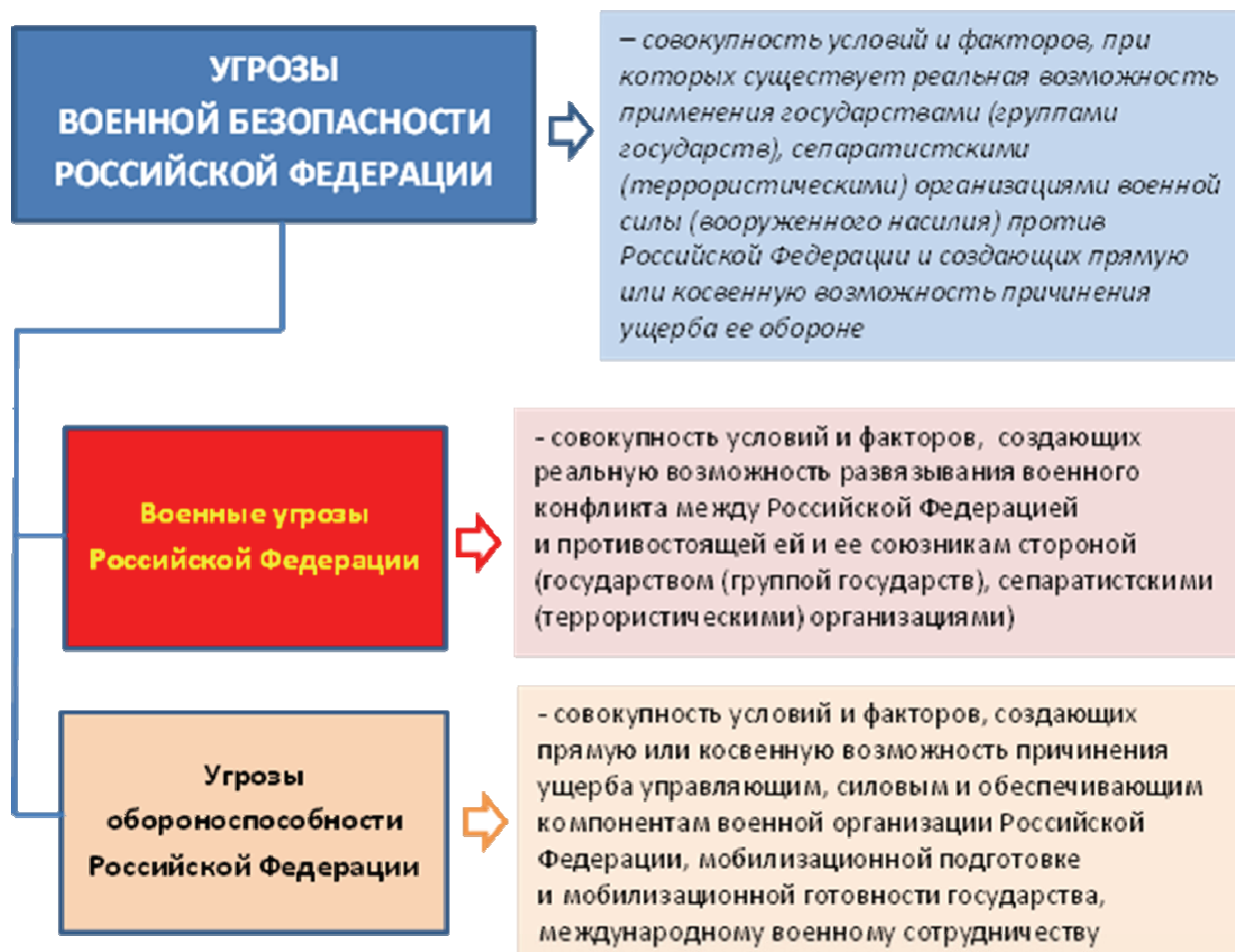

Рис. 2. Вариант определения понятий «угрозы военной безопасности», «военные угрозы» и «угрозы обороноспособности»

Третья группа – это проблемы инструментария прогнозирования.

Научно-методологическое обеспечение прогнозирования угроз военной безопасности Российской Федерации должно способствовать реализации принципов единства, целостности, преемственности, непрерывности и сбалансированности системы стратегического планирования. Это предполагает использование в ходе военного планирования единых исходных данных, общих методологических подходов к моделированию всех процессов, включая прогнозирование,

обеспечение непрерывного мониторинга возможного изменения прогнозных данных под влиянием действующих факторов.

То есть для эффективного научно-методологического обеспечения военного планирования требуется инструментарий, позволяющий осуществлять постоянное отслеживание и прогнозирование ситуации в России и мире, быструю в автоматизированном режиме корректировку принятых программно-плановых документов с учетом появления новых факторов, тенденций и рисков.

Поскольку перспективный инструментарий прогнозирования угроз военной безопасности Российской Федерации не должен быть автономным, необходимо создавать его как составную часть автоматизированной системы стратегического планирования в сфере обороны. В концептуальную основу такой системы может быть положена методология «карты будущего», которая позволяет на единой информационной платформе объединять все процессы военного планирования и создавать динамически обновляемую базу данных, содержащую информацию о произошедших, прогнозируемых и планируемых событиях.

Для выполнения этих требований необходимо дальнейшее развитие существующего научно-методического аппарата. Так, для решения задачи прогнозирования угроз военной безопасности в реальном масштабе времени малопригодными представляются методы опроса экспертов и экстраполяции, а применяемые методы моделирования подлежат значительному совершенствованию.

Следует также учитывать, что в условиях экспоненциального увеличения объема подлежащей анализу информации для выявления и прогнозирования угроз военной безопасности применения только традиционных методов и средств представляется недостаточным. Для создания специализированных проблемно ориентированных инструментариев необходимо более широко использовать технологии анализа слабоструктурированной информации. Их эф-

фективность в настоящее время достигла приемлемого уровня, а высокие темпы развития и внедрения в различные сферы деятельности указывают на перспективность выбора в качестве технологической основы.

С учетом этого представляется целесообразным осуществить разработку интеллектуальной информационной системы выявления и прогнозирования угроз военной безопасности Российской Федерации (ИИС). Такая система, созданная на основе использования средств искусственного интеллекта и анализа больших массивов данных, позволит выявлять существующие и прогнозировать новые угрозы военной безопасности в наиболее вероятных сферах их возникновения, определять источники, причины возникновения, возможные меры парирования и нейтрализации этих угроз.

Поскольку угрозы военной безопасности имеются как в военной, так и многих других сферах, потенциальными потребителями интеллектуальной информационной системы могут стать не только органы военного управления и научно-исследовательские организации Минобороны России, но и профильные структуры других федеральных органов исполнительной власти, аппараты Совета Безопасности и Правительства Российской Федерации, Российская академия наук, Фонд перспективных исследований. В перспективе эта система должна стать действенным инструментарием для решения всеми заинтересованными органами и организациями задач по предназначению, а получаемые с помощью этой системы результаты позволят повысить эффективность существующих систем поддержки принятия решений в области обороны.

Четвертая группа – это проблемы нормативно-правового и организационного характера.

Создание интеллектуальной информационной системы выявления и прогнозирования угроз военной безопасности Российской Федерации – объемная и трудоемкая работа, требующая привлече-

ния значительных интеллектуальных и финансовых ресурсов. Поэтому очень важно уже на начальном ее этапе решить указанные ранее теоретические проблемы и осуществить нормативное правовое закрепление, в том числе в Военной доктрине, уточненных теоретических положений, включая систему взаимосвязанных понятий в сфере обеспечения военной безопасности.

Это позволит избежать распыления усилий и ресурсов на выполнение второстепенных задач и акцентировать работу по созданию такой системы, дальнейшему развитию и реализации методологии выявления, прогнозирования и парирования угроз военной безопасности, подготовке соответствующего научно-методического аппарата.

Межведомственный характер функций ИИС указывает, что для ее создания недостаточно усилий лишь одного Минобороны России и необходимо задействовать в этой работе научный и организационный потенциал всех заинтересованных структур, включая МГТУ им. Н.Э. Баумана и другие ведущие вузы страны.

Это позволит (помимо повышения качества решения задач информационно-аналитического и научно-методологического обеспечения в конкретных областях возникновения угроз военной безопасности) организовать процесс получения исходных данных как из государственных органов, деловых, научных и общественных организаций России, так и из доступных зарубежных источников. Интеграция исходных данных и последующая их обработка с использованием технологий искусственного интеллекта позволят создать необходимую информационно-технологическую основу для функционирования ИИС.

Решение рассмотренных проблем информационно-аналитического и научно-методологического обеспечения прогнозирования угроз военной безопасности позволит повысить эффективность и качество военного планирования и всего стратегического планирования в Российской Федерации.

ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ремарчук Валерий Николаевич

В наши дни ни у кого не вызывает сомнения то, что аналитическая деятельность из ситуативной или «любительской» трансформировалась в деятельность профессиональную. Аналитики различных предметных областей оказывают существенное влияние на динамику всех сфер общественной жизни. Бурно развиваются базы и рынки информации, интеллектуального продукта, методического и программного обеспечения аналитической деятельности.

Особенно широкое распространение профессия «аналитик» приобретает в связи с установками руководства страны на переход к цифре, в широком смысле этого понятия, что, несомненно, влечет за собой многократное увеличение управленческой и иной информации, а, следовательно, еще больше актуализируется профессия информационного аналитика.

Сегодня профессия информационного аналитика представляет человека, «управляющего информацией», это специалист, который занимается сбором, осмыслением определенной информации, на основании которой им делаются целевые (аналитические) выводы [1], готовятся предложения для принятия управленческих решений.

Информация в таком контексте – это не просто сведения, данные и содержание проблемы, а мотивирующие на деятельность

«синтетические» знания. А поскольку в нашем понимании объект информационной аналитики – это сложная социальная система, и, соответственно, при ее исследовании, актуален даже не междисциплинарный, а multidisciplinary подход. При этом речь идет, прежде всего, о социальной информации, представляющей собой совокупность знаний, сведений, данных и сообщений, содержащих общественно значимые смыслы, которые формируются и воспроизводятся в обществе и используются индивидами, группами, организациями, различными социальными институтами для регулирования социального взаимодействия, общественных отношений и процессов.

Следовательно, социальная информация – это информация, циркулирующая в обществе, используемая в управлении общественными процессами. Она несет глубокий след общественных, национальных и иных отношений, отпечаток потребностей, интересов, психических черт коллектива, отношения в котором информация отражает и который пользуется информацией, и всего населения в целом. Эта социальная информация формирует информационное пространство, которое можно рассматривать как предметную область информационной аналитики. Это область информационной смысловой действительности или область идеальных информационных представлений, подлежащая описанию (моделированию) или исследованию. Она состоит из объектов, различаемых по классификационным признакам (свойствам), находящихся в определенных отношениях (связях) между собой и взаимодействующих определенным образом с внешней средой.

Таким образом, предметным полем работы информационного аналитика является, прежде всего, смысловое (в социальном плане) информационное пространство общества, информационные события, явления и процессы, система информационных отношений и взаимодействий членов информационного пространства, основанных на

использовании информации, имеющей определенный смысл. Это предметное поле формирует государственные, научные, бытовые информационные потоки. Все они, пересекаясь и сталкиваясь, создают информационные события, сюжеты, проблемы и т. д., формируют посредством информации социальные отношения, вносят, создают и меняют привычные социальные смыслы, что приводит к определенной социальной динамике. Самыми острыми столкновениями информационных потоков представляются информационное противоборство и информационные войны. Главной мишенью в информационных войнах является массовое сознание и психика, трансформировать которые возможно, только используя специализированную информацию.

Именно поэтому информационная аналитика призвана анализировать информацию, потенциально способную стать массовой (воздействующей на массовое сознание). Можно сказать, что анализ потенциально актуальной и реально значимой для социума информации есть основная цель и суть информационной аналитики.

Вместе с тем, при подготовке информационных аналитиков мы столкнулись, как и в любом новом деле, со следующими проблемами, которые имеют место как на теоретическом, так и на методологическом уровне. Многие из них практически не исследованы, в частности:

- сущность информационного общества, его содержание, элементы, законы и закономерности, действующие внутри;
- понятие и сущность информационных отношений;
- информационные потребности, ценности;
- понятие информационного события, технологии работы с ним;
- роль и место в информационном обществе социальных смыслов и технология работы с ними и т.д.

А ведь именно эти знания позволяют понять прохождение информационных потоков, их влияние на общество, и на этой основе при необходимости можно обеспечить противодействие нежелательному информационному влиянию.

Когда-то мы уже это проходили, вспоминается 1983 г., когда Ю.В. Андропов сказал: «Если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общества, в котором живём и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным методом проб и ошибок» [2].

К сожалению, примерно так и мы действуем и сейчас в новом информационном обществе.

Между тем, это не мешает аналитике как виду деятельности одинаково быть востребованной в бизнесе, в политике, в иных социальных сферах, но особенно она актуальна на государственной службе. Поэтому, не дожидаясь теоретических решений, приходится решать практические задачи по подготовке специалистов в области информационной аналитики.

Драйверами этого процесса выступают, современные информационные технологии. Если стратегические задачи XX века решались за счет использования физики, математики, механики и немного развивающейся информатики, то XXI век, стал более «междисциплинарным» с сильной опорой на компьютерные технологии. Это требует в, свою очередь, понимания информационного, цифрового общества, глубокого знания компьютерных технологий, понимания и проникновения в социально-гуманитарные технологии, поскольку социальные перемены стали чрезвычайно динамичны.

Это особенно актуально, когда Россия превратилась в полигон применения новых социально-информационных технологий и борьбы глобальных тенденций, усугубленной внутренними про-

тиворечиями и переживаемой стадией собственной исторической эволюции (процессы демократизации, экономические реформы, информатизация). Все эти сложные цивилизационные процессы порождают интенсивные информационные потоки, информационные всплески, отражающие на информационном уровне их взаимодействие.

Мы исходим из того, что сегодня информационная аналитика призвана анализировать информацию, потенциально готовую стать массовой (воздействующей на массовое сознание), способствующую принятию управленческих решений. Можно сказать, что анализ потенциально актуальной и реально значимой для социума информации есть основная цель и суть информационной аналитики.

Исходя из цели, можно выделить основные субъекты информационной аналитики:

- все виды государственной службы;
- частные корпорации, фирмы, организации;
- крупные политические партии и общественные объединения;
- средства массовой информации и коммуникации, которые одновременно могут выступать в роли субъекта и в роли инструмента информационной аналитики.

Перечисленные субъекты отличаются общей особенностью: для успешного функционирования им необходимо в совершенстве владеть методологической базой исследования информационных процессов и социальных систем, в которых эти процессы развиваются.

И здесь мы подходим к деятельности аналитика, поскольку своей профессиональной деятельностью он стремится ответить на вопрос, что происходит в информационном пространстве с той или иной информационной проблемой или событием, каковы

векторы и тенденции их развития. Его задача – раскрыть внутренний смысл происходящего информационного события или процесса, объяснить, почему оно произошло, как будет развиваться, как этим информационным событием можно управлять, как на него следует реагировать, какие информационные последствия следует предотвратить.

Отталкиваясь от целевого предназначения информационной аналитики, можно сказать, что технологически она вбирает в себя диагностику информационных явлений, прогнозирование их развития и моделирование дальнейшей их динамики. В целом можно сказать, что информационная аналитика является составной частью аналитической деятельности, и все базовые цели, задачи, ключевые исследовательские методы свойственны также и ей.

Поэтому к целям информационно-аналитической деятельности мы относим:

- диагностику происходящих информационных событий и процессов;
- вариативное прогнозирование развития информационных событий и процессов;
- моделирование ситуации (создание моделей управления информационными событиями и процессами, а также создание моделей поведения людей в контексте развивающихся событий или процессов).

Попытаемся очертить профессиональный профиль современного информационного аналитика, работающего в сфере социальной проблематики:

- умение сформулировать потребности заказчика в цель аналитического задания;
- владение технологиями интеллектуального и компьютерного сбора, обработки и структурирования социальной информации;

- способность с помощью аналитических технологий исследовать предметную область анализа и выработать предложения по оптимизации выявленных проблем;
- владение технологиями моделирования предметной области³ [3] (социальных процессов и явлений);
- умение работать с явными и скрытыми смыслами в информационных потоках;
- знание аналитической документации, умение ее разрабатывать, визуализировать и представлять заказчику и лицу, принимающему решения;
- владение методами моделирования и документирования социальных процессов;
- владение широкими коммуникативными навыками.
- способность руководить социальными IT-проектами;
- высокая обучаемость и стремление к инновациям.

Особое место сегодня в социальном управлении играет анализ смыслового контента информационного потока. Аналитическая деятельность, в зависимости от предметной области, может преследовать различные цели, но основная – выявление и разъяснение смысла происходящих событий или процессов. И это не случайно, поскольку именно смыслы ведут за собой общество, потому что они формируют систему видения окружающего мира. В зависимости от картины мира человека возникают мотивации на те или иные действия. Картины мира существуют не только на уровне страны, но и на уровне семьи. Именно отсюда мы берем свои цели. Мы движемся туда, куда нас зовут наши смыслы. Это новые, весьма острые риски и угрозы, возникающие в системе государствен-

³ Предметная область – сфера деятельности человека, выделенная и описанная в соответствии с некоторыми целями. Описание предметной области включает: предметы (объекты, процессы, явления); отношения между выделенными предметами и/или их частями; взаимодействия между предметами, их частями и отношениями, возникшие в результате осуществления деятельности человека.

ного управления, которые необходимо видеть, распознавать, блокировать либо противодействовать им.

Современное ускорение воплощения идей и смыслов происходит благодаря бурному развитию социальных технологий. Социальные технологии (высокие социально-гуманитарные технологии) мы можем определить как комплекс взаимосвязанных по целям задачам сил и средств (психологических, информационных, идеологических и т.д.), направленных на достижение поставленной цели вне зависимости от интересов и задач общества и населения субъекта воздействия⁴, или как их еще называют «высоких гуманитарных технологий». Влияние таких технологий на общество громадно, неслучайно аналитики, эксперты все громче говорят о том, что «главными технологиями сверхдержавы XXI века будут технологии стратегического и исторического прогноза, проектирования будущего, высокие гуманитарные технологии, методы сборки и разборки исторических субъектов» [3]. Поскольку «в ходе развития пятого и шестого технологических укладов были созданы и получили глобальное развитие организационные, информационные и когнитивные технологии, позволяющие формировать в заданном формате цели, ценности, мотивации поведения как больших социальных групп, так и отдельных личностей в интересах заказчика и вне контроля со стороны суверенного государства» [4].

Таким образом, информационная аналитика призвана анализировать информацию, потенциально способную стать массовой (воздействующей на массовое сознание). Можно сказать, что анализ потенциально актуальной и реально значимой для социума информации есть основная цель и суть информационной аналитики.

⁴ Социальные технологии (высокие социально-гуманитарные технологии) мы можем определить как комплекс взаимосвязанных по целям задачам сил и средств (психологических, информационных, идеологических, информационных и т.д.), направленных на достижение поставленной цели, вне зависимости от интересов и задач общества и населения субъекта воздействия.

В завершении сформулирую некоторые результаты по подготовке специалистов в области информационной аналитики:

1) сформированы основы системы подготовки специалистов-аналитиков, владеющих современными методами информационно-аналитической работы, компьютерными и математическими методами анализа объективной реальности. Идет работа по созданию портфолио типовых аналитических технологий для различных уровней и подсистем государственного управления и местного самоуправления;

2) настойчиво, через практики и стажировки идет работа по формированию системы рекрутинга и социального продвижения аналитиков как важнейшей части интеллектуального капитала общества, его национального достояния. Пытаемся сформировать социальную систему стимулов для овладения аналитической деятельностью;

3) завершено развертывание системы распределенных ситуационных центров как основных аналитических структур в системе государственного управления – рабочих мест информационных аналитиков;

4) в области национальной безопасности особое внимание уделяется проблемам высокого интеллекта, развития аналитических технологий, кадрового обеспечения, организации мониторинга сложных и судьбоносных проблем общества;

5) идет работа по подготовке учебно-методической литературы и информационно-компьютерного обеспечения аналитической деятельности. Есть попытки заложить инфраструктуру рынка интеллектуального продукта и аналитических технологий, использовать зарубежный опыт организации аналитической работы в органах государственной власти, налаживать сотрудничество с аналитическими центрами.

Литература и источники:

1. Шепель В.М. Профессия мыслитель: Креативное пособие по аналитике. М.: Изд-во ИТРК, 2016. С. 14
2. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года. <http://biblio.kz/m/articles/view>.
3. Малинецкий Г.Г. Новая реальность и будущее глазами синергетика. <http://www.intelros.ru/pdf/ps/02/9.pdf>.
4. Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века. Доклад Изборскому клубу. <https://izborsk-club.ru>.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЪЕКТНО-ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ АНАЛИТИКИ

Смульский Сергей Владимирович

Развитие информационных технологий на рубеже XX–XXI веков оказало существенное влияние на все стороны жизни человека, общества и государства, изменило функциональный характер многих профессий, способствовало появлению новых видов профессиональной деятельности, возникновению и развитию сети Интернет, которая стала новым способом социального взаимодействия, создало условия для цифровизации многих функций государства. В результате произошедших изменений мы живем в новом, информационном обществе, которое уже само становится силой, меняющей человека. Данное обстоятельство нашло отражение в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, где информационное общество определяется как общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан [1]. Само информационное общество становится новой средой, в которой существует, живет и продолжает развиваться человеческая цивилизация. Особенности новой среды жизни человечества таковы, что они меняют условия жизни в различных сферах неравномерно, соответственно и адаптация человечества к изменившимся условиям проходит медленно,

порой мучительно, с преодолением проблем, которые на первый взгляд кажутся неразрешимыми. Со временем люди находят решение таких проблем, и иногда эти решения оказываются неожиданно простыми. Однако некоторые проблемы, вызванные изменением условий жизни людей, пока не имеют своего решения, что приводит к конфликтным процессам в рамках отдельных государств и в системе межгосударственных отношений в целом.

Глубина содержания подобных проблем пока не ясна человечеству до конца. В частности, это, как представляется, можно сказать о противоречии, возникающем между расширяющимся процессом универсализации ценностей, интересов, форм жизни в различных обществах, развитию которого способствует новая информационная среда, с одной стороны, и противодействием этому явлению, которое также растет в современном мире в силу актуализации традиционных культурных ценностей и идеалов различных народов, с другой стороны.

Универсализация связывается обычно с глобализацией, которой придается объективный характер, в силу чего обосновывается бессмысленность воспрепятствования этому процессу. Однако последние годы весьма существенно изменили отношение людей к глобализации и ее пониманию как неизбежной стадии развития человеческого сообщества. Глобализм формирует не только новую архитектуру международных экономических отношений, но и новую культуру, свои ценности и идеалы. Транснациональные корпорации, как главные экономические элементы глобального мира, разрушают национальную экономику и лишают государства национального суверенитета. Это обстоятельство еще в 2002 году было отмечено Патриком Дж. Бьюкенненом, который в своей книге «Смерть Запада» писал, что также как «...глобализм есть антитеза патриотизма, так и транснациональная корпорация есть антитеза традиции. С ее приспособляемостью и аморальностью эта корпорация не имеет и не может иметь «корней» – она способна дейст-

зовать в любой системе. С эффективностью как основным принципом деятельности она не нуждается в верности работников и «привязке» к конкретной нации или государству. С биржевыми курсами и капиталовложениями как основами ее существования она готова пожертвовать всем во имя получения прибыли [3, 314].

Новая информационная среда также существенно меняет самого человека, формируя в нем иную психологию восприятия мира, другое отношение к себе подобным, иное понимание общества и многое другое. Появляются новые возможности, которые ранее были неведомы человеку. Вместе с этим, возникают и новые ограничения, с которыми раньше людям не приходилось сталкиваться. Изменения, которые происходят в людях, позволяют исследователям вести речь о развитии теории поколений [4] и появлении в короткие промежутки исторического времени новых поколений людей, таких, к примеру, как X, Y, Z, в развитии которых существенно увеличивается объем новых черт и характеристик, которые определяются ростом количества новейших технологий. Причем, количество таких технологий нарастает все быстрее и быстрее. Отмечая данное обстоятельство, американский эксперт-футуролог Бретт Кинг приводит далеко не полный перечень технологий, которые за последнее, весьма непродолжительное время стали создавать «ткань жизни» современного общества. «... Искусственный интеллект, редактирование генома, наномасштабное производство, беспилотный транспорт, робототехника, портативные и встраиваемые цифровые устройства, по мнению Б. Кинга, будут определять следующую эру человеческой цивилизации» [5, 65]. Грядущую эпоху Б. Кинг именует эпохой Homo Augmentus, или эпохой дополненной реальности. Причем, как справедливо отмечает Б. Кинг, на этот раз изменения явным образом сосредоточены вокруг индивида. Грядущие перемены, по мнению Б. Кинга, затронут прежде всего частную жизнь, сделав её совсем непохожей на жизнь предыдущих поколений.

Изменения, которые происходят с человеком в условиях новой информационной среды, и сегодня позволяют исследователям вести речь о том, что на смену человеку одного типа возможно приходит человек другого типа. В частности, некоторые авторы пишут о трансформации человека из *homo faber* в *homo informaticus* [7]. Причем такая трансформация абсолютно не вызывает безграничного оптимизма и беспредельной эйфории. Ряд исследователей, к примеру, считает, что «... информационализация социума выводит на арену «человека альтернативного», в котором слишком мало специфически человеческого. Новая популяция постлюдей, объединенных на искусственной основе при помощи СМИ, оказывается творчески несостоятельной, неспособной к созданию принципиально оригинального. Homo Informaticus – это жертва высоких технологий, печальный пленник бесконтактного символического бытия и, вместе с тем, житель глобальной деревни, повелитель физического пространства, руководящий миром посредством «кликанья» кнопкой пульта ДУ. Разгадка нового человека отчасти кроется в природе информации, отчасти – в природе информационной среды, внутри которой он существует [8]. Учитывая отмеченное, представляется важным сказать, что задача исследования природы информационной среды заслуживает не только пристального внимания ученых, но и является насущной необходимостью.

Как уже было отмечено, в процессе развития информационного общества не только появляются новые профессии, но и обретают свое новое содержание и свои новые формы различные виды профессиональной деятельности, существовавшие всегда. Сегодня это можно сказать о таком виде профессиональной деятельности, как информационная аналитика. Термин «аналитика» сам по себе многозначный. В зависимости от области знаний или деятельности, в контексте которых присутствует употребление данного термина, последний будет приобретать различное содержание (например,

аналитика в структуре формальной логики, аналитика в геометрии, аналитика как часть философских систем, аналитика как разновидность философии и т.д.).

В настоящей работе речь пойдет об информационной аналитике как области практической деятельности человека, связанной со сбором, обработкой, систематизацией и использованием социальной информации, востребованной в конкретных условиях для формирования человеком собственного отношения к происходящим событиям, выработки ценностных ориентиров, практических жизненных установок и, в конечном счете, целостного мировоззрения, а также для принятия управленческих решений в социальной сфере. Иными словами, речь идет об информационно-аналитической работе, ориентированной на удовлетворение потребностей в осмыслении социальных явлений и процессов.

В научной и учебной литературе для обозначения данного вида деятельности нередко используется понятие «информационная аналитика» [9]. Думается, что это вполне уместно, хотя иногда и вызывает определенные вопросы, наподобие «есть ли аналитика не информационная?». Похожая ситуация возникает и с понятием «системная аналитика», которым обозначается IT-специалист широкого профиля, отвечающий за сбор требований к системе, осуществляющий проектирование технического решения и постановку задачи команде разработки [10]. Здесь сразу хочется задуматься может ли аналитика быть несистемной или бессистемной. В меньшей степени, но все же возникают подобные вопросы и по отношению к финансовым аналитикам, бизнес аналитикам, аналитикам рынков, аналитикам ценных бумаг, продуктовым аналитикам, веб-аналитикам, инвестиционным аналитикам, интеграционным аналитикам, аналитикам DataScience, вирусным аналитикам и т.д. Ведь все они работают с информацией и поэтому в какой-то степени тоже являются информационными аналитиками. Часть вопросов в отношении не-

которых профессий снимается профессиональными стандартами, в которых указано название профессии (специальности) и определены трудовые функции. Это относится, например, к профессиям «бизнес-аналитик» и «системный аналитик». Некоторое непонимание названий профессий (специальностей) связано, как представляется, с тем, что в ряде случаев приставка к слову «аналитик» характеризует предмет профессиональной деятельности (компьютерный аналитик, аналитик DataScience, вирусный аналитик, лингвист-аналитик и т.д.), в других случаях добавление к слову «аналитик» относится к нелокализованной объектной области деятельности (системный аналитик, информационный аналитик и т.д.), а еще в одном ряде случаев добавление к слову «аналитик» может означать частично локализованную область деятельности (военный аналитик, международный аналитик, медицинский аналитик и т.д.).

Объект информационной аналитики – информация в ее неразделенном состоянии. Иными словами, это весь объем информации. Любая тематическая сфера может быть выделена из этого объема в соответствии с решаемой аналитиком задачей, и тогда она становится профессиональным полем конкретной аналитики (системной аналитики, бизнес-аналитики, компьютерной аналитики и т.д.). Относительно объекта аналитики можно сказать, что человек не может анализировать всю информацию вообще. Это так. Но здесь представляется важным отметить, что объем доступной информации определяется возможностями информационно-компьютерных технологий. Эти технологии постоянно развиваются, следовательно, расширяются возможности доступа к все большему и большему объему информации. С другой стороны, способность анализировать тематические и перекрестные области информации (в том числе и на иностранных языках с применением всего арсенала аналитических методов) характеризует профессиональную квалификацию аналитика. Здесь ситуация имеет сходство с пониманием объекта исследо-

вания такой науки, как физика, которая изучает природу, то есть весь мир окружающих нас природных явлений. Все эти явления ученый-физик также не в состоянии охватить своим сознанием. Поэтому процесс развития знания сопровождается его дифференциацией, разделением на тематические блоки и специализацией исследователей в рамках определенного направления исследований. Такой же представляется и ситуация, возникшая в связи с пониманием объекта аналитики. Наличие значительного количества сфер профессиональной аналитической деятельности отражает профессиональную локализацию областей такой деятельности в рамках общего объекта и профессиональную специализацию аналитиков. Таким образом, мы не можем не отметить, что локализация профессиональной области конкретной аналитики представляет собой сложную задачу, решение которой требует предварительного определения общеметодологических позиций исследователя, которые и будут определять возможное поле результатов, а также возможный характер интерпретации этих результатов.

В плане выявления предмета информационной аналитики методологический подход, как представляется, может определяться в контексте поиска исходных, предельно широких принципов, критериев и возможных ограничений, позволяющих в большей или меньшей степени вести речь о решении задачи локализации предмета реальности, пределы которой являются сферой функционирования информационной аналитики как системы научных знаний и области практической деятельности.

Вопрос локализации предмета *информационной* аналитики предполагает выяснение особенностей восприятия и понимания аналитики. По крупному, аналитику возможно воспринимать в трех аспектах:

- **аналитика** как имманентное свойство, присущее мыслительной деятельности человека (анализ как естественная, интуитивная декомпозиция объекта исследования);

- ❑ **аналитика** как практическая деятельность человека (создание, освоение и внедрение аналитических технологий на основе новых инструментов аналитической деятельности, появляющихся в результате технического прогресса);
- ❑ **аналитика** как система научных знаний о структуре, способах и методах исследовательской деятельности.

Первый выделенный нами аспект можно подробно не комментировать, если воспринимать аналитику как изначально присущее человеку свойство его мыслительной деятельности. Здесь аналитика выступает как некий инструмент, который наш мозг использует для исследования различных явлений. Стремление человека нечто целое «разобрать» на части, его составляющие, чтобы узнать, как это целое устроено, вероятно, существовало всегда, и уж, по крайней мере, до того, когда были разработаны современные методы осуществления процедур аналитического исследования. Хуже было с тем, чтобы вернуть все обратно (последующий синтез), поскольку большинство природных объектов перестают быть функциональными после предметной декомпозиции. Возможно, данное обстоятельство способствовало развитию абстрактного мышления, позволяющего мысленно разделять исследуемые объекты на элементы, их составляющие. Как бы то ни было, аналитические приемы, как представляется, свойственны человеческому мышлению. Возможно, разгадка этого свойства откроет нам тайну естественного интеллекта и будет способствовать более продуктивному движению по пути создания искусственного интеллекта. Способность к аналитическому восприятию мира – это важное предположение, которое свидетельствует нам о том, что аналитическое мышление до сих пор представляет для человечества определенную загадку. Оно само должно быть проблемой, решением которой полезно заниматься.

Здесь, как представляется, есть некоторые параллели с математикой. Сегодня уже описаны факты, свидетельствующие о том, что люди умели считать ещё в те времена, когда не знали, что такое счёт и не представляли себе чисел. А еще установлено, что количество способны различать и некоторые животные. Все эти факты позволяют предположить, что и способность к счёту, возможно, также является врожденной, присущей человеческому мышлению. Так, к примеру, Анри Пуанкаре отмечал о пользе для математики заниматься размышлениями о самой себе. «...Размышляя о себе, математика, по мнению А. Пуанкаре, тем самым размышляет о человеческом уме, создавшем ее, тем более, что среди своих творений он создал математику с наименьшими заимствованиями извне. Вот чем полезны некоторые математические исследования, каковы, например, исследования о постулатах, о воображаемых геометриях, о функциях со странным ходом. Чем более эти размышления уклоняются от наиболее общепринятых представлений, а следовательно, и от природы прикладных вопросов, тем яснее они показывают нам, на что способен человеческий ум, когда он постепенно освобождается от тирании внешнего мира, тем лучше мы ум познаем и в его внутренней сущности» [11, 390]. Учитывая сказанное, представляется важным отметить, что аналитика как врожденная способность человеческого мышления призвана постоянно анализировать саму себя, искать источники этой способности, чтобы расширить общее понимание того, как работает человеческий ум.

Второй отмеченный нами аспект понимания аналитики как практической деятельности человека связан с технологиями аналитической деятельности, освоением новых инструментов, как интеллектуальных, так и технических. Такие технологии представляют собой логически и организационно связанные этапы решения практических задач, соответствующие этим задачам методы их решения, процедуры ресурсной поддержки практической деятельности на

каждом этапе. Применительно к предметному полю информационной аналитики, это алгоритмы, методы и инструменты сбора, обработки, представления и использования информации. Иначе говоря, информационный аналитик работает с определенными объемами тематической информации, как правило, с целью поддержки процесса решения конкретных практических задач. В качестве таких тематических разделов информации могут быть миграционные базы данных, данные из области социального обеспечения и социальной поддержки, данные о реакции населения на происходящие события, сведения, характеризующие достигнутые результаты в рамках выполнения государственных и программ и корпоративных проектов и многое другое. В целом, рассматривая аналитику как сферу профессиональной деятельности людей, важно отметить, что ядро предметной области такой деятельности будут составлять технологии работы с информацией. Однако всегда нужно понимать, что такие технологии могут отличаться друг от друга в зависимости от тематической направленности информации, с которой работает аналитик. Последнее определяет профессиональный характер деятельности специалиста-аналитика.

Третий аспект понимания аналитики определяется восприятием её как системы научных знаний о структуре, способах и методах исследовательской деятельности. Здесь сразу возникает вопрос о статусе аналитики, суть которого состоит в том, можно ли аналитику считать наукой, областью научной деятельности. Ведь аналитику иногда связывают со способностью человека находить некий сакральный смысл в исследуемых явлениях, событиях, вещах. Такой сакральный смысл либо не связан совсем с конкретными фактами, либо имеет весьма отдаленное отношение к ним. В силу этого, аналитика отрывается от почвы конкретных фактов и возносится до неуловимых форм чувствования. Имеют ли эти умозрительные «чувствования» какое-либо отношение к науке?

Думается, что поиски сакральных смыслов можно оставить за самостоятельной формой сакральной рефлексии, расширяющей пространство особого мироощущения. Аналитика как форма исследовательской деятельности сформировалась на основе способности нашего ума с опорой на практическое применение определенных, выработанных человечеством приемов, методов и подходов осуществления анализа объектов исследования различной сложности. В силу этого, предметным полем аналитики в понимании ее как исследовательской деятельности становится сам анализ как процесс исследования в совокупности с принципами, закономерностями и собственными правилами осуществления такой деятельности.

В качестве общего вывода представляется важным отметить, что в перспективе развитие современных и появление новых технологий приведет к существенному расширению сферы интеллектуальной профессиональной деятельности. Вполне вероятно, что данное обстоятельство будет способствовать увеличению областей занятости, где профессиональная аналитика станет самостоятельной профессией. Скорее всего, появятся новые «аналитические» профессии и мы не сможем обойтись, возможно, без семейного аналитика, ресурсного аналитика, эко-аналитика, стратегического аналитика, а также аналитиков в совершенно различных областях функционирования государства и общества. В каждой из таких областей деятельность аналитика будет иметь свои особенности, обусловленные характером технологий работы с определенной тематической информацией, а также, конкретными методами и инструментами. Но общим, в видимой перспективе, останется представление о том, что объектом деятельности аналитика является информация, а предметное поле такой деятельности определяется характером технологий работы с информацией. С учетом того, что информация сама по себе имеет разнообразную тематическую направленность, то в зависимости от этого в будущем могут формироваться профессиональные сферы аналитической деятельности.

Литература и источники:

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ukaz_203.pdf.
2. Бьюкеннен П.Дж. Смерть Запада: Пер. с англ. А. Башкирова / П.Дж. Бьюкеннен. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
3. Бочарников И.В. Цифровизация в России: проблемы и приоритеты. В книге: Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны и армии Академии военных наук. М., 2020. С. 163–170.
4. Generations : the history of America's future, 1584 to 2069 / William Strauss and Neil Howe/ New York : Morrow, 1991. 538 p.
5. Кинг Б. Эпоха дополненной реальности. М.: Олимп-Бизнес, 2018. 528 с.
6. Ремарчук В.Н. Управление смыслами как инструмент современной политики: технологии, вероятные последствия // Этносоциум и международная культура. 2019. № 2 (128). С. 9–21.
7. Юрьева Л.Н. Компьютерная зависимость – аддикция общества, основанного на знаниях. <https://cyberpsy.ru/articles/k-society-addiction/?ysclid=lb3zgt8s7j643163362>.
8. Цуканов Е.А. Место информационной среды в экосистеме «человек – социум». <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main>.
9. Курлов А.Б. Основы информационной аналитики. М.: Юрист, 2009. 150 с.
10. Системный аналитик: чем занимается и как им стать. <https://gb.ru/posts/sistemnyj-analitik-chem-zanimaetsya-i-kak-im-stat?ysclid=lb2d7oupkf443525302>.
11. Пуанкаре А. О науке: Пер с фр. / Под ред. Л.С. Понтрягина. 2-е изд., стер. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1990. 736 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ АНАЛИТИКИ

Катков Олег Николаевич

Организацию практической подготовки специалистов в области информационной аналитики следует рассматривать как одно из обязательных направлений деятельности в рамках решения ключевых стратегических задач развития университета, среди которых наиболее масштабны «поддержание и развитие междисциплинарной и multifunctional природы инженерного образования, реализуя основной принцип русской инженерной школы: образование через практику»⁵.

Заявленная междисциплинарность и multifunctionality – не дань моде, но необходимое условие достижения долгосрочной цели «обеспечения мирового лидерства РФ в инженерной деятельности». Инженерное лидерство – многоплановая задача, предусматривающая не только активизацию инженерно-технических разработок, но и формирование особого состояния инженерной социальной среды: ментального пространства, непрерывно насыщаемого обновляющимися знаниями, технологиями и культивируемой потребностью в их поиске.

⁵ Из стратегии развития МГТУ им. Н.Э. Баумана, заявленной на встрече с М.В. Гординым 25.10.2022 г.

Особую роль играет и комплекс мер по усилению интеллектуального суверенитета страны, не ограничивающегося лишь препятствованием «утечке мозгов». В условиях непрерывно нарастающего информационного противостояния необходимо на практике решать задачу организации обратного потока знаний – привлечения знаний и полученного опыта наших соотечественников, в том числе и некогда покинувших страну. Речь должна идти не столько об их физическом возвращении, сколько о создании специализированных сетевых интернет-ресурсов, виртуальных рабочих площадок. И технический аспект этой проблемы далеко не самый сложный, по сравнению с социально-психологическим.

Таким образом, вполне обоснованно можно говорить, что обеспечение технологического прорыва, конкурентоспособности нашего инженерного образования – комплексная социо-техническая задача, требующая общности усилий специалистов как инженерных, так и социально-гуманитарных специализаций. Именно эта потребность подтолкнула к созданию, в свое время, аналитической кафедры на базе социально-гуманитарного факультета ведущего технического вуза страны.

Следуя заявленной на данной конференции логике рассмотрения информационно-аналитических технологии в контексте социального управления, необходимо отразить управленческую специфику формирования практических компетенций наших студентов – будущих аналитиков.

Первый и, казалось бы, очевидный принцип, который должен быть реализован в рамках традиционного подхода к практической подготовке – сначала знания, потом практические навыки. Этот подход позволяет рассчитывать на то, что обеспеченный знаниями мозг легче примет практические навыки. Но именно у будущих аналитиков это далеко не всегда применимо.

Традиционная образовательная парадигма, предусматривающая передачу обучающемуся знаний, некогда накопленных преподавателем, в современных условиях далеко не всегда оправдывает себя. Та скорость, с которой формируются новые знания, особенно в сфере IT и прикладной информатики, заставляет сочетать традиционные образовательные процессы усвоения знаний с обретением умений и навыков, будущими аналитиками в процессе реальной работы или стажировки в аналитических структурах.

Современные бакалаврские программы подготовки аналитиков, построенные по традиционной схеме, предусматривают получение практических навыков в формате летних производственных практик. Но потребность в постоянном и активном обновлении компетенций заставляет многих ответственных студентов этим не ограничиваться и уже на втором, третьем курсе трудоустраиваться на постоянной основе, что все-таки негативно влияет на традиционный образовательный процесс. Приобретая в процессе трудовой деятельности некоторые, как правило, достаточно узкие практические навыки, студент вынужден сокращать время, необходимое для самостоятельной внеаудиторной работы, что негативно сказывается на качестве обучения.

Можно пытаться противодействовать этому, но зачастую безуспешно. Закрывать глаза тоже – не лучшее решение. Под эти условия надо подстраиваться. Вопрос лишь в том – как это технологически осуществить? Ответ на этот вопрос заключается в ключевой идее «Русского метода подготовки инженеров» – сочетании образования и практической деятельности студента.

Прежде всего, необходимо исходить из тех установок, что под обыденной практической деятельностью аналитика следует понимать именно обретение нового знания. Необходимо также осознавать, что освоение новых, еще не получивших достаточного распространения методов аналитической работы – не самоцель. И далеко

не всегда новации оказываются эффективнее использования отработанного инструментария, проверенных информационно-аналитических платформ, опыт работы с которыми может и должен сформироваться у студентов в рамках лабораторных работ. Но эти доводы в пользу традиционных методов явно недостаточны, так как обновление инструментария и технологий происходит намного быстрее, чем формируется методика преподавания. Выход – в рациональном сочетании учебного процесса и практической деятельности.

Участвуя в процессе организации летних студенческих практик, можно заметить, что, возвращаясь с практики, студенты достаточно часто приносят знания, еще не дошедшие до университетских аудиторий традиционным путем. Именно эти знания должны быть не просто внимательно проанализированы, но и включены при необходимости в базу знаний кафедры. То есть речь идет о необходимости запуска трансфера знаний – «организационной системы и процессов, посредством которых знания, включая технологии, опыт и навыки, передаются от одной стороны к другой».⁶ Речь, таким образом, идет об организации встречных потоков знаний – как от преподавателя к студенту, так и обратно – от студента к преподавателю.

Организация трансфера знаний требует создания соответствующей организационной инфраструктуры. В качестве таковой можно рассматривать лабораторию ФСГН, способную стать рабочей площадкой как для организации практической подготовки студентов на протяжении всего учебного процесса, так и для научно-практической деятельности. Таким образом, выявляются три ключевых направления деятельности лаборатории:

- учебная деятельность (организация выполнения лабораторных работ в рамках учебного процесса);

⁶ <http://www.unn.ru/site/about/ofitsialnye-svedeniya-i-dokumenty/strategiya-transfera-znaniy>.

- научно-исследовательская деятельность (организация выполнения научно-исследовательских работ в интересах университета, факультета и организаций партнеров);
- проектная деятельность (организация деятельности проектной платформы для реализации проектов информационно-аналитического профиля).

Учитывая широкий спектр возможных тематик в трех направлениях деятельности, возникает необходимость реализации эффективной и достаточно сложной системы управления лабораторией, так называемой системой сбалансированной матрицы управления, обеспечивающей создание и функционирование систем служб лаборатории и проектных объединений.

Первый и ключевой проект, реализуемый лабораторией, связан с концептуальным и рабочим проектированием самой лаборатории. Сформирована соответствующая проектная команда, разработавшая эскизную версию организационной структуры лаборатории.

При создании структуры формируемых в лаборатории служб команда оттолкнулась от представлений о необходимых общеорганизационных функциях, реализуемых лабораторией в интересах, прежде всего, нашего университета и ФСГН.

К таким функциям в рамках реализации учебного направления деятельности, следует отнести, прежде всего, разработку системы лабораторных занятий по освоению новых инструментов информационного анализа. Не менее значимой рассматривается необходимость создания специализированных виртуальных образовательных площадок, в рамках которых можно организовать трансфер знаний. Очень важен и круг задач по формированию партнерства факультета СГН с действующими организациями аналитического профиля.

В рамках научно-исследовательского направления деятельности особое внимание уделяется исследованиям возможностей больших интеллектуальных сетей для решения сложных аналитических

задач. Предполагается, что рациональное сочетание возможностей традиционного гуманитарного интеллекта с преимуществами систем автоматизированного анализа данных и искусственного интеллекта способно сгенерировать линейку научно-технических новаций в информационно-аналитической сфере. Например, создание систем, способных прогнозировать реакции социальных сообществ на информационное воздействие, в современных условиях особенно актуально.

Большую ценность имеет и решение задачи по формированию «устойчивого мнения об университете как о безусловном лидере в области инженерного образования и развитие бренда»⁷. Фактически речь должна идти об организации научного обеспечения процессов репутационного сопровождения нашего университета. Именно эту задачу можно рассматривать как одну из ключевых для ФСГН и лаборатории.

Большинство работ по созданию новаций на базе лаборатории ФСГН ведется в формате проектной деятельности, что обосновывает формирование соответствующего методологического комплекса и инфраструктуры проектного управления.

Развиваемую в ФСГН лабораторию необходимо рассматривать и как организационную площадку практической подготовки будущих аналитиков в том числе и формате производственной практики на университетской базе. Данный формат позволит сделать возможным сотрудничество факультета с организациями, имеющими в том числе и ограничения по допуску на свои территории студентов для прохождения производственных практик.

Также можно рассматривать перспективы сотрудничества лаборатории с партнерами по разработке и освоению новых аналитических технологий.

⁷ Из стратегии развития МГТУ им. Н.Э. Баумана, заявленной на встрече с М.В. Гординым 25.10.2022 г.

Литература и источники:

1. Бочарников И.В. Цифровизация в России: проблемы и приоритеты. В книге: Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны и армии Академии военных наук. М., 2020. С. 163–170.
2. Политология / Пусько В.С., Гришнова Е.Е., Ремарчук В.Н., Бочарников И.В., Галаганова С.Г., Ламинина О.Г., Легчилин В.В., Макаренков Е.В., Щеглов И.А. Москва, 2020.
3. Ремарчук В.Н. Управление смыслами как инструмент современной политики: технологии, вероятные последствия // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 2 (128). С. 9–21.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Бочарников Игорь Валентинович

У любого противоборства, в том числе, конечно же, в информационной сфере, есть свои законы, принципы, правила и иные обязывающие нормы, игнорирование которых заведомо ставит в невыгодное положение органы военного и государственного управления при принятии и реализации решений военно-политического характера.

При этом, очевидно, есть как универсальные, так и особые специфические требования, определяемые характером и содержанием текущего противоборства, решаемых в ходе него задач, а также в целом развития военно-политической ситуации, обеспечения интересов и безопасности страны.

В качестве универсальных принципов информационно-аналитического обеспечения деятельности органов управления принято считать: целенаправленность, актуальность, активность, достоверность, альтернативность, обоснованность, системность, объективность, непрерывность, гибкость и другие правила, способствующие принятию эффективных решений. Данные положения применимы как в повседневной деятельности органов государственного и военного управления, так и в чрезвычайных ситуациях,

специфика которых определяет необходимость разработки и реализации соответствующих мер.

В условиях проведения Специальной военной операции данные требования обретают особую остроту и значимость, обусловленные, с одной стороны, характером решаемых задач по денацификации и демилитаризации Украины и недопущении превращения ее в территорию, с которой исходили бы угрозы военного характера России, а с другой, – тем масштабным участием в конфликте стран так называемого коллективного Запада во главе с США. Это делает текущий конфликт не просто локальным, а, по сути, глобальным с учетом состава вовлеченных в него сторон, и используемых военно-политических потенциалов.

Следует отметить, что у нас в стране накоплен значительный опыт информационно-аналитического обеспечения ведения подобного рода войн и вооруженных конфликтов, соотносимых с современными событиями. Причем этот опыт как позитивный, так и негативный. В качестве примера крайне негативного опыта следует отметить события Первой мировой войны с высочайшим уровнем патриотического подъема на ее начальном этапе, сошедшем на нет уже через пару лет из-за предательства политических элит и масштабной дестабилизации внутривнутриполитической ситуации, сокрушивших тысячелетнюю российскую государственность. В результате война, начинавшаяся как Отечественная, усилиями радикальных политических структур трансформировалась сначала в империалистическую, а затем, после подписания Брестского договора (3 марта 1918 года), как и предполагали лидеры РСДРП (б), – в Гражданскую, продолжавшуюся ровно пять лет и по своей ожесточенности превзошедшую Первую мировую. В результате, как и предсказывал К. Клаузевиц, «Россия победила сама себя» [4]. Молодая Советская Россия победила Россию монархическую, успешно развивавшуюся на протяжении столетий. Победила, в том числе за счет

того, что сумела сначала противопоставить значительную часть общества руководству страны и осуществить революцию, а затем внедрить в общественное сознание более привлекательные ценности – «светлого будущего» – и нейтрализовать всякого рода протестные акции, в том числе посредством воздействия на акторов, формирующих мировоззрение населения. Чего, например, стоит так называемый «философский пароход»⁸, 100-летие которого отмечалось в августе 2022 года. Были и другие акции, в том числе репрессивного характера, но все же, ключевую роль в утверждении Советской власти сыграла эффективная информационная и пропагандистская работа с населением страны.

В отличие от Первой, Вторая мировая война, ставшая для СССР с 22 июня 1941 года Великой Отечественной, напротив, явилась непревзойденным образцом единения органов государственного и военного управления с населением страны. Что во многом также стало следствием грамотной работы в сфере информационно-аналитического обеспечения принимаемых решений, а также работы с населением страны, в том числе на оккупированных территориях страны. Всенародная поддержка стала ключевым фактором мобилизации советского общества на отражение агрессии и достижение победы над нацистской Германией. Как отмечал в своих «Воспоминаниях» маршал Советского Союза Г.К. Жуков, «крупнейшие битвы и целые войны выигрывают те войска, которые отличаются железной волей к победе, осознанностью цели, стойкостью духа и преданностью знамени, под которым они идут в бой» [3, 239]. Именно это было свойственно Красной армии и советскому обществу в целом в годы Великой Отечественной войны, что и предопределило ее победоносное завершение.

⁸ Философский пароход – собирательное название не менее пяти рейсов пассажирских судов доставивших из Петрограда в Штеттин (Германия) 81 высланного из Советской России оппозиционного представителя интеллигенции. Вместе с членами семей общее число высланных из страны составляет, по разным данным, 228 или 272 человека. *Прим. автора.*

Безусловно, подготовка войск, их оснащение и обучение являются важнейшими составляющими достижения победы, но без информационно-аналитического обеспечения и сопровождения даже самые подготовленные войска терпят поражения. Эту аксиому очень хорошо усвоило военно-политическое руководство США после поражения во вьетнамской войне, когда мощнейшая американская группировка войск ничего не смогла сделать с мотивированными на победу плохо вооруженными и недостаточно обученными вьетнамскими отрядами сопротивления. Война показала, что для успешного ведения боевых действий даже против более слабого противника, военного и технологического преимущества недостаточно. Необходимо информационно-психологическое превосходство, достигаемое не только средствами вооруженных сил, но и на государственном уровне.

Выводы из этого поражения США были сделаны вполне рациональные и касались, во-первых, анализа возможностей достижения победы при минимальных потерях в живой силе, как важнейшего фактора влияния на общественное мнение, а, во-вторых, – необходимости тщательного планирования, организации и осуществления информационных операций по нанесению поражения противнику как до начала боевых действий, так и в ходе вооруженного противоборства. На практике это было апробировано в войне в Заливе (1990–1991 годы) в рамках операций «Щит пустыни» и «Буря в пустыне», в преддверии которых американскому военно-политическому руководству удалось сформировать негативный имидж Ирака и его руководства и сформировать международную антииракскую коалицию.

Еще более значимые меры по информационному обеспечению были реализованы в ходе агрессии НАТО против Югославии весной 1999 года. Непосредственно боевым действиям предшествовала мощная пропагандистская кампания, имевшая цель дискре-

дитировать политический курс руководства Югославии, сформировать среди населения западных стран «образ врага» и обеспечить моральную поддержку агрессии. В интересах навязывания единого мнения о действиях натовских войск в этой стране все сведения о боевых действиях исходили только из одного источника – пресслужбы НАТО в Брюсселе. Сотни аккредитованных журналистов за отсутствием другой информации были вынуждены тиражировать тенденциозные натовские версии. Одновременно американская авиация беспощадно уничтожала югославские средства информационного вещания. Более 40% радио- и телевизионных передатчиков, ретрансляторов в Югославии было выведено из строя или повреждено. В итоге американцам удалось создать выгодную для себя информационно-психологическую среду вокруг войны в Югославии и заручиться поддержкой не только общественного мнения в своих странах, но и ряда международных организаций и структур [7].

Сами по себе результаты агрессии (для США и их союзников), таким образом, обрели в значительной степени характер не военной, а информационной победы.

Все это чрезвычайно актуально для современного развития российской государственности и непосредственно решения задач Специальной военной операции, в рамках которой России противостоит не только и не столько киевский режим, а, прежде всего, США со своими союзниками, использующими Украину в качестве средства изматывания России и нанесения ей поражения. Именно этим обусловлена та массированная финансовая, военно-политическая и военно-техническая поддержка киевского режима.

И если по масштабам текущая Специальная военная операция не сопоставима с Первой и Второй мировыми войнами, то по своему влиянию на мировые политические процессы, она, безусловно, имеет не меньшее значение, поскольку речь идет о том, каковым

по ее итогам будет мировой порядок и какова в этом мировом порядке будет роль России.

Более того, судя по последним заявлениям В. Зеленского, в частности, в ходе его визита в США 21 декабря 2022 года речь идет и о судьбе России, которую они уже в союзе с США якобы уже победили. Несмотря на абсурдность подобного рода заявлений, относиться к ним нужно очень серьезно, поскольку они отражают реальные цели американского руководства, курирующего В. Зеленского и непосредственно вовлеченного в конфликт на стороне Украины.

С учетом значимости хода и результатов Специальной военной операции, очевидно, целесообразно проанализировать реализацию основных направлений информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственного и военного управления с тем, чтобы предложить ряд мер по повышению их эффективности.

В данном случае вполне уместно обратиться к триединой формуле Сунь-цзы, сформулированной им два с половиной тысячелетия назад. «Вершина воинского искусства, по словам Сунь-цзы, заключается не в том, чтобы одержать сто побед в ста битвах, а в том, чтобы повергнуть врага без сражения. Самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости» [8].

Применительно к текущей ситуации в плане информационно-аналитического сопровождения Специальной военной операции эти положения реализуются с точностью до наоборот.

Мы пытаемся разбить не замыслы, а самого противника в лице коллективного Запада, с его мощнейшим информационно-аналитическим потенциалом. И, очевидно, что в этом направлении мы не преуспели. Более того, мы поставлены в условия ситуативного реагирования. Ждем, когда в отношении нас будут приняты

очередные провокационные и дискредитирующие меры. И только после этого как-то начинаем реагировать. Но и это реагирование зачастую является запоздалым, невнятным и, соответственно, неэффективным.

Ярчайшим примером подобного «невнятного» реагирования является, например, реакция российских официальных структур на принятие парламентами Литвы, Польши, Чехии и некоторых других стран коллективного Запада России спонсором терроризма. Вместо того чтобы признать на официальном уровне эти страны пособниками того же терроризма или же нацизма (в данном случае украинского) и напомнить о том, что само их существование является следствием доброй воли России, наши официальные структуры выразили лишь озабоченность неадекватностью западных парламентариев. Это, в свою очередь, лишь спровоцировало новый виток информационного прессинга и дискредитации России структурами коллективного Запада. В данном случае вполне уместно напомнить выражение Н. Макиавелли, по словам которого «уступая угрозам в надежде избежания войны, мы не достигнем цели, потому что тот, перед которым мы так явно сробели, не удовольствуется первой уступкой, потребует других и будет тем притязательнее, чем больше будет встречать уступчивости» [5]. Очевидно, что данная макиавеллевская аксиома отражает современные политические реалии в вопросах дискредитации России и непринятия соответствующих мер со стороны российских органов государственной власти.

С учетом того что ситуация развивается динамично и практически ежедневно происходят резонансные события, в которые вовлечена Россия, их интерпретация стала одним из важнейших направлений информационного противоборства.

Конечно же, преимущество коллективного Запада в информационно-аналитической сфере очевидно. Во многом это объясняется

тем, что США и их союзники в преддверии прогнозируемого обострения отношений с Россией основательно «зачистили» свою информационную сферу, запретив деятельность не только подразделений российских информационных агентств RT и Sputnik, но и любых информационных структур, которые хоть как-то выбивались из общей парадигмы утверждения в массовом сознании русофобских мировоззренческих установок.

Показателен в этом плане запрет в феврале 2021 года деятельности трех телевизионных каналов Украины (ZIK, NewsOne и «112 Украина»), представлявших оппозиционные политические силы Украины. Пришедший к власти на волне обещаний кардинального улучшения социально-экономической и политической ситуации в стране и утверждения демократических прав и свобод, лидер движения «Слуга народа», сыгравший главную роль в одноименном сериале В. Зеленский, уже через полтора года своей президентской каденции начал утверждать тоталитарные методы борьбы не только с оппозицией, но и с любым инакомыслием. В сентябре 2021 года В. Зеленский фактически приостановил на неопределенный срок деятельность Конституционного суда.

Эти и другие явно узурпаторские деяния не нашли соответствующего отклика в европейском и американском общественном сознании в силу того, что официальные структуры США и ЕС уже тогда начали готовиться к противостоянию с Россией, в авангарде которого и начал действовать В. Зеленский.

Примечательно, что давление на СМИ на Украине со стороны В. Зеленского началось едва ли не сразу же после его визита в ноябре 2020 года в Британию, где, помимо встречи с премьер-министром Б. Джонсоном, украинский президент удостоился приема у руководителя британской внешнеполитической разведки (МИ-6) Р. Мура. Случай беспрецедентный в мировой практике, поскольку глава суверенного государства удостоивался аудиенции у чиновников дру-

гой страны. Данная практика, скорее, характерна для лидеров колониальных стран. Но очевидно, что подобного рода комплексами В. Зеленский не был обременен, поэтому сама встреча, равно как и произошедшая в сентябре 2021 года встреча в Пентагоне того же В. Зеленского с министром обороны США Л. Остином, носили не протокольный, а рабочий характер. По всей видимости, именно в ходе этих встреч прорабатывались вопросы, в том числе информационно-аналитического, информационно-психологического и иного обеспечения, в том числе организации провокаций и инсценировок против России и ее воинских контингентов.

Все это является свидетельством того, что в современном информационном противоборстве мы имеем дело не только и не столько с информационно-пропагандистскими структурами киевского режима, сколько с курирующими его американскими и, в еще большей мере, с британскими спецслужбами и подразделениями информационно-психологической борьбы.

Слишком очевиден почерк английских спецслужб, особенно в плане таких инсценировок, как массовые захоронения в Буче, обстрел роддома и драматического театра в Мариуполе, а также другие постановочные акции, которые в перспективе станут основой фабрикации дел по обвинению России в так называемом «трибунале по Украине», создаваемым также по инициативе США и Британии.

К этому следует добавить утверждение в политическом пространстве коллективного Запада принципов и норм англосаксонского тоталитаризма с его контролем информационной сферы. В этом и заключается феномен единого антироссийского фронта, сформированного в Европе в настоящее время. И этот фронт будет действовать исключительно в интересах США, даже если это будет противоречить национальным интересам европейских стран и народов. Это особенно стало очевидным на фоне украинского кризи-

са, в рамках эскалации которого весь коллективный Запад был мобилизован на борьбу с Россией во всех сферах жизнедеятельности: политике, экономике, культуре, информации и т.д.

Пока мы находимся в режиме ожидания, наши противники консолидирует свои ряды авторитарными и даже тоталитарными методами. Очень активно реализуется принцип: кто не с США и коллективным Западом, тот против демократии и всего «цивилизованного», тот враг, который подлежит уничтожению, в том числе в буквальном физическом плане, а также морально-нравственном отношении посредством получившей в последние годы технологии «cancel culture» – «культуры отмены».

При этом мало кто из внешнеполитических акторов способен противостоять данному информационному прессингу. Этим и объясняется та поддержка антироссийских акций как на уровне Генеральной ассамблеи ООН, так и на других международных площадках.

Таким образом, мы знаем, кто наш противник, знаем или должны знать его возможности и уязвимые стороны. Соответственно, основные усилия должны быть направлены на предупреждение и нейтрализацию враждебных России акций.

Крайне важным в этой связи является разработка и реализация скоординированной на государственном уровне политики освещения событий в зоне проведения Специальной военной операции, а также враждебных по отношению к России действий стран коллективного Запада.

С учетом того, что наиболее значимым является преимущество США и стран коллективного Запада в подаче информации и ее интерпретации, очевидно, следует принять меры по преодолению информационной блокады России. Очевидно, что абсолютно нет необходимости «пробиваться» с освещением хода Специальной военной операции, а также в целом событий на Украине в информационном поле коллективного Запада, поскольку любая инфор-

мация, поступающая из российских источников будет заведомо объявлена пропагандой или же попросту заблокирована. Поэтому любые действия в этом направлении будут безрезультатны. Вместо этого целесообразно использовать информационные ресурсы дружественных стран, а также тех государств, где нет доминирования позиции США, в отличие от европейских и ряда других зависимых от них стран. Речь, прежде всего, идет об авторитетных китайских, индийских, а также арабских и в целом азиатских новостных агентствах, неподконтрольных американским медиа-корпорациям, например, таким как «Аль-Джазира», «Хуаньцю шибао» (она же «Глобал таймс»), Indiatimes и других изданиях с многомиллионной и даже миллиардной аудиторией. Именно они, а не CNN и BBC способны воздействовать на большую часть аудитории Планеты. И тот факт, что их ресурсы не используются для продвижения позиции России по украинскому кризису, свидетельствует об отсутствии какой-либо деятельности в этом направлении менеджмента наших информационных холдингов. Руководители наших СМИ в данном вопросе почему-то занимают в значительной мере нейтральную или попросту отстраненную позицию в освещении событий, связанных с СВО и в целом необъявленной войны коллективного Запада России.

Единственное, в чем активны наши СМИ – это в обсуждении хода Специальной военной операции и текущих событий. Но это обсуждение принимает характер шоу – ток-шоу. У нас на каждом телеканале аналитики, причем один «крупнее» другого. И все занимаются одним и тем же – объяснением происходящего. А на самом деле все то, что они производят, называется информационным мусором. Ничего кроме дезориентации общественного сознания, это не дает. Поэтому при всем уважении к ведущим федеральных каналов, все же очевидно, что их роль в информационном обеспечении СВО непродуктивна.

И очевидно, что в данном случае, по словам А.В. Манойло, «мы ведомые, а не ведущие». Это, в свою очередь, является следствием нашей очень слабой информационной политики по противодействию антироссийским акциям. По сути, в плане информационно-аналитического обеспечения СВО нам навязали правила и заставили играть по этим правилам. Вследствие этого, на уровне информационного обеспечения мы почти ничего не делаем для того, чтобы разрушить коллективный Запад или, по крайней мере, пробить в нем брешь, хотя возможности для этого были, есть и еще будут.

Даже провокационный ракетный удар по территории Польши 15 ноября 2022 года не поколебал поддержку со стороны коллективного Запада Украины. Это был именно тот случай, когда автоматически должна была вступить в действие пресловутая 5 статья натовского Договора, поскольку речь шла о вооруженном нападении на члена альянса. Понятно, что ответный ракетный удар по территории Украины не мог произойти, но сам факт ракетного обстрела территории Польши – чрезвычайно резонансное событие, по крайней мере, для общественного мнения польского, да и в целом европейского сообщества. То, что эта тема постепенно уходит с новостных лет Запада, понятно. Не понятно, почему она у нас уходит. Само это событие беспрецедентно по своей провокационности и вследствие этого является исключительно резонансной темой, из которой необходимо было бы извлечь максимальную пользу для ослабления протектората Польши киевского режима, но, к сожалению, этого не произошло.

Помимо этого, чрезвычайно резонансными темами для текущей ситуации являются:

- деятельность американских биологических лабораторий;
- массовые нарушения прав человека, издевательства над гражданским населением;
- коррупция и многое, многое другое, чем богата украинская действительность.

Эти темы также почему-то не находятся в фокусе как российского, так и зарубежного общественного мнения.

Очевидно, что освещение событий не должно осуществляться с позиций неопределенности и спорности. Оно должна носить утверждающий, активный характер. Пока же наши робкие попытки по информационному обеспечению и непосредственно воздействию на общественное сознание населения как своей страны, так и противника носят в значительной мере оборонительный характер.

Между тем, речь идет уже не только об информационном противоборстве, а об информационной войне. А здесь вполне уместно использовать выражение Талейрана о том, что «война слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным». Это, конечно, утрированное выражение, но определенный смысл в этом есть. Война – это не только удел армии или военного руководства, это общегосударственная задача, это задача общества.

Достаточно вспомнить, например, какую роль в информационном обеспечении победы Советского Союза в Великой Отечественной войне сыграли Совинформбюро и его диктор Юрий Левитан.

Каждый день драматических событий Великой Отечественной войны начинался со сводки от Советского Информбюро. Голос легендарного диктора Юрия Борисовича Левитана знал каждый гражданин Великой страны. Эффект от его информационного обеспечения был настолько велик, что Гитлер считал его своим личным врагом.

Подобного рода информированности о событиях в зоне СВО нашему обществу сейчас не хватает. То, что у нас в перерывах между рекламами каких-то товаров зачитываются сводки Минобороны, дискредитирует официальные источники и не способствует доверию им, особенно, когда очевидны какие-либо нестыковки или неточности. И это не решает проблему информационного обеспечения, а, напротив, наносит ей ущерб.

Важнейшим направлением информационного обеспечения Специальной военной операции должно стать формирование убежденности в победе как у военнослужащих, так и у остальных граждан нашей страны. И эту убежденность должны формировать наши информационные ресурсы, а не гадать и не обсуждать, что произойдет и что могло бы произойти. Думается, что руководителям этих ведомств пора выходить из зоны комфорта и исполнять свой гражданский долг или же на их место должны быть назначены те, кто в состоянии обеспечить должное информационно-аналитическое сопровождение и освещение событий СВО.

Помимо этого, крайне важно, принять меры по дегероизации лидеров коллективного Запада, особенно тех, кто находится в авангарде русофобской политики (США, Британии, Польши, Прибалтики и Украины). Все они очень щепетильно относятся к своему имиджу и у всех из них в активе есть поступки и действия, так или иначе порочащие их и занимаемые ими должности. Это и есть то уязвимое место в политической структуре, воздействие на которое способно подорвать к ним доверие и уважение к ним населения данных стран.

По опыту пятидневной войны по принуждению войны Грузии к миру в августе 2008 года всего лишь два информационных сюжета, растиражированных СМИ, сыграли ключевую роль. Поддержка М. Саакашвили сошла на нет после того, как по мировые СМИ показали его жующего свой галстук, а также его бегство от гула самолета. После этого быть союзником М. Саакашвили стало быть неприлично и от него отвернулась большая часть лидеров стран коллективного Запада, в том числе и США.

Очевидно, что по отношению к руководству наиболее русофобских стран вполне приемлемо освещение подобного рода действий. Речь в данном случае идет о дегероизации и дискредитации противника как об одном из основных направлений информационного противоборства. Достаточно посмотреть, как изображается Россия и ее руко-

водство в странах коллективного Запада и самой Украины. Крайне негативно. Конечно же, мы не можем опускаться до их уровня, но и воспринимать их как вполне респектабельных представителей киевского режима, руководства США, Британии, Польши и лимитрофных стран Балтии и других русофобских образований также не имеем права.

В данном случае вполне уместно обратиться к опыту дискредитации противника в годы Великой Отечественной войны, хотя бы на примере работ наших замечательных художников Кукрыниксов. Помимо этого, дискредитации противника в тот период были посвящены все средства массовой информации, коммуникации и информационного воздействия на массовое сознание.

Важнейшей задачей информационно-аналитического обеспечения Специальной военной операции является консолидация общества. В данном случае нельзя быть в стороне или между войной и миром. Государство и гражданское общество должны быть едины в решении этих задач, в том числе и информационного обеспечения проведения Специальной военной операции. Только таким образом, мы сможем нейтрализовать преимущества противника в информационной сфере.

И здесь также вполне уместно вспомнить опыт Великой Отечественной войны.

Одной из наиболее острейших проблем Красной армии на начальном этапе войны был дефицит снарядов. Эту проблему успешно решил назначенный И.В. Сталиным в первые дни войны наркомом боеприпасов выпускник МГТУ имени Баумана Б.Л. Ванников. Он, помимо повышения производительности выпуска продукции на заводах, создал целую сеть кустарных мастерских по выпуску боеприпасов и патронов, в которых работали домохозяйки, пенсионеры, школьники, конечно же, под надзором инженеров. И они давали фронту всю необходимую продукцию. Потребности фронта, в том числе в патронах и снарядах, были в полной мере удовле-

творены. А в 1943 году Красная армия добилась превосходства над противником в том числе в обеспечении боеприпасами и в целом взрывчатыми веществами.

Подобного рода кустарные мастерские по производству информационной продукции для обеспечения СВО должны быть созданы и у нас. У нас много различного рода блогеров, хакеров, да и вообще специалистов IT, но в значительной мере они предоставлены сами себе. А это неправильно. В данном случае они должны быть объединены для решения общегосударственных задач.

Для того чтобы победить противника в лице США и их европейских и украинских клиентов, необходимо обеспечить мировоззренческое превосходство.

В свое время наши деды и прадеды победили не просто немецкий, а европейский нацизм. Отсюда та ожесточенность по отношению к России современных наследников недобитых нацистов 30–40-х годов XX столетия. Поэтому сама по себе Специальная военная операция по денафикации и демилитаризации Украины является, по сути, полномасштабной войной с нацизмом, его последователями и потомками. Это продолжение Великой Отечественной войны, и именно так она и должна восприниматься в российском обществе. Исходя из этого, нам необходимо формировать сакральный характер борьбы с европейским и украинским нацизмом, искать союзников и создавать очаги сопротивления в той же Европе и Украине. А это предполагает использование широкого спектра информационно-аналитических технологий.

Таким образом, очевидно, что в плане информационного обеспечения Специальной военной операции у нас много проблем, но и много возможностей, которые необходимо использовать. Главное, что этими процессами необходимо управлять на государственном уровне, а не отдавать их на откуп кому бы то ни было. В этом залог нашей победы и соответственно обеспечения национальных интересов России.

Литература и источники:

1. Бочарников И.В. Украинский кризис в условиях современных геополитических трансформаций // Вестник Академии военных наук. 2022. № 1 (78). С. 4–12.
2. Бочарников И.В. Тоталитаризм первой половины ХХІ века – постдемократический, англосаксонский // Вестник ученых-международников. 2022. № 2 (20). С. 104–120.
3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. Том. 1. С. 239.
4. Клаузевиц К. О войне. М.: Наука, 1994. С. 223.
5. Макиавелли Н. О военном искусстве. М.: Воениздат, 1939. С. 16.
6. Овсянникова О.А. Противоборство в информационной войне (на примере украинского кризиса) // Вестник Академии военных наук. 2022. № 2 (79). С. 37–41.
7. Петров В.П., Петров С.В. Информационная безопасность человека и общества. Учебное пособие. М.: ЭНАС, 2007.
8. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955.
9. Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности / Под общ. ред. В.Н. Баранова, П.А. Дульнева, И.В. Бочарникова.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДИВЕРСИИ В КОНФЛИКТЕ НА УКРАИНЕ

Манойло Андрей Викторович

Современный мир находится в состоянии нарастающей турбулентности и хаотизации системы международных отношений, типичной чертой которой являются гибридные войны, торговые войны и цветные революции. Вместе с тем обострение отношений России с Западом на данном этапе носит не случайный, а объективный характер и обусловлено самим ходом исторического процесса. Переменными величинами в этом процессе являются лишь конкретные обстоятельства и формальные поводы столкновения России и Украины, спровоцированного Западом, готовившим этот конфликт, как минимум, все последние 10 лет.

Первые месяцы Специальной военной операции на Украине дали уникальный опыт использования различных форм и методов информационной и психологической борьбы в реальных боевых условиях. При этом нельзя утверждать, что с началом Специальной военной операции на Украине (СВО) в технологиях информационных войн появилось что-то новое; напротив, мы видим возвращение к старым, давно известным методам специальной пропаганды, порядком подзабытым в эпоху монополии на информационные операции специальных служб, ведущих свои оперативные игры на каналах ОТКС (2014–2021 гг.). В самом деле, начало СВО привело не прогрессу технологий информационной войны, а, напротив, к их

регрессу: стратегические информационные операции и оперативные игры разведок отошли на второй план, уступив место более простым и массовым идеологическим диверсиям, провокациям, довольно простым формам дезинформации и фейкам.

Связано это было, в первую очередь, с недостатком времени для планирования и реализации тонких многоходовых оперативных комбинаций типа «дела Скрипалей» или «Аргентинского кокаина» [3], и, в не меньшей мере, в отсутствии кадров, способных в такие оперативные игры играть.

Оценка оперативной обстановки

Российская сторона, начиная СВО, рассчитывала провести ее быстро, только силами военных, подписав мирный договор. В этом плане ставка делалась на внезапность, на эффект неожиданности (мировое сообщество, шокированное началом СВО, должно было «впасть в ступор» и на некоторое время ограничиться только эмоциональной рефлексией) и на то, что, когда мировое сообщество наконец опомнится, война уже закончится, а победителей, как известно, не судят (Крым это показал). В условиях быстрого и победоносного продвижения союзных сил вглубь территории Украины от сил информационных операций требовалось только элементарное – постоянно поддерживать боевой дух наступающих вооруженных сил вбросами лозунгов и патриотической риторики, самой простой и примитивной, достаточной для эмоциональной накачки и подзарядки бойцов и командиров. Считалось, что в этих условиях для настоящих информационных операций (специальных разведывательных операций на каналах ОТКС – оперативных комбинаций и игр специальных служб), подготовка к которым может занимать от 6 мес. до полутора лет, времени просто не останется. Значит, они не нужны.

Что касается украинской стороны, то она в целом оказалась готова к информационным мероприятиям союзных сил, имея на

начало СВО грамотно выстроенную американскими специалистами систему центров психологических операций, укомплектованных национальными кадрами, прошедшими подготовку в разведцентрах США, с руководством, напрямую подчиняющимся американским разведывательным службам (ЦРУ, РУМО) и британской МИ-6. При этом сами центры оказались напрямую интегрированы в разведывательную сеть США – в статусе региональных командований, получая приказы непосредственно из разведцентров и прямой доступ (с известными ограничениями, разумеется) к разведывательной информации, добываемой АНБ, ЦРУ, РУМО и др. разведками США. В результате, когда началась СВО, российская сторона столкнулась не с «колониальными войсками», обученными американскими инструкторами «европейской тактике» ведения информационной войны, а с самими разведками США, Великобритании и др., действующими «под чужим флагом» и делающими свою работу руками украинских националистов. В этих условиях западные разведки сохранили способность организовывать масштабные провокации и проводить на их основе оперативные комбинации (такие, как инцидент в Буче), но первые 2–3 месяца они также были вынуждены переключить своих украинских пособников на решение задач боевого слаживания (чтобы те просто не разбежались), ограничив их боевое применение производством массовой пропаганды, простых и не менее примитивных фейков, дезинформации, идеологических диверсий. В результате на тактическом уровне и здесь наметился регресс, характеризующийся скатыванием к использованию грубо сделанных идеологических подделок, легко разоблачаемых противоположной стороной, как только пройдет вызванный ими мгновенный шоковый эффект.

Формы и методы информационной борьбы

В результате в противостоянии России и США в информационной сфере (в которой украинская сторона используется амери-

канской разведкой в роли плацдарма и контрагента) с началом СВО произошла следующая перестройка всей структуры проводимых нашими странами специальных мероприятий – они выстроились в четыре яруса:

- стратегические информационные операции (Буча, с прицелом на международный трибунал);
- спецпропаганда (разложение противника, дискредитация его лидеров, подрыв политической стабильности);
- фейки (создание ажиотажа и паники с целью отвлечения сил и средств противника на негодный объект);
- оперативные игры (с олигархами, готовыми ради личного спасения на все; т.н. «переговоры о мире»).

На вершине этой пирамиды по-прежнему остаются стратегические информационные операции – оперативные комбинации, способные дать стратегический эффект в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Прежде, в период «после Крыма» (с 2016 по 2021 гг.), этот вид операций был доминирующим: к ним относятся и «дело Скрипалей», и «Допинговый скандал с WADA», и «дело об аргентинском кокаине», и «захват группы т.н. вагнеровцев в Беларуси в 2020 г.», и даже т.н. «дело об отравлении Навального» [3]. Но с началом СВО их число резко сократилось, и сегодня мы можем указать только один пример такой операции, развернувшейся вокруг инцидента в Буче, и несколько инцидентов, которые, возможно, тоже рассматриваются США как «крючки» для новых оперативных комбинаций: «обстрел российскими войсками Запорожской АЭС» (риск ядерной катастрофы), «Россия – спонсор международного терроризма»⁹, «ракетный удар по торговому центру в Кремен-

⁹ «Принято/согласовано в сенате: резолюция принята в сенате с поправкой и исправленной преамбулой путем голосования». См.: Сенат США призвал включить Россию в список стран – спонсоров терроризма. // РИА Новости. 2022, 28 июля. URL: <https://ria.ru/20220728/rossiya-1805547333.html>

чуге»¹⁰, «применение Россией химического оружия на Донбассе»¹¹ и т.д. по своим целям и пошаговой схеме «Инцидент в Буче» полностью повторяет «Дело Скрипалей» [4], и недавнюю операцию США против Беларуси, связанную с побегом в Польшу авиадиспетчера О. Галегова, давшего показания по делу Ryanair¹². Цель таких операций – выдвижение обвинений в адрес руководства страны-противника в совершении военных или иных преступлений (как правило, против человечности), терроризме, геноциде, применении ОМУ (а в случае с посадкой Ryanair – в воздушном пиратстве) и посадить его на скамью международного трибунала (по примеру С. Милошевича).

Второй ярус этой пирамиды в зоне СВО занимает спецпропаганда – меры, направленные на разложение противника, дискредитацию его лидеров, подрыв политической стабильности внутри воюющего государства; эти методы составляют не менее 80% от всего объема разведывательно-диверсионной и подрывной деятельности в информационном пространстве, проводимой обеими сторонами в зоне СВО и за ее пределами (нами – в поддержку СВО, украинцами – против). Применяемые в этом вооруженном конфликте формы и методы спецпропаганды не отличаются от тех методов, которым обучали еще в советских военных академиях; единственная разница современной спецпропаганды от пропаганды советского периода – каналы связи и доведения управляющего воздействия до целевых аудиторий (прежде всего, социальные сети

¹⁰ 27 июня 2022 г.

¹¹ «U.S. officials have obtained intelligence that Russia's announced military pullback from Ukraine's border was a deliberate ruse to mislead the United States and other world powers, four officials said Thursday, as President Biden offered a bleak warning that the Kremlin will launch an attack "in the next several days."». См.: U.S. intelligence shows Russia's military pullback was a ruse, officials say. // The Washington Post. 2022? Feb. 17. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/17/ukraine-russia-putin-nato-munich/>

¹² Defector Helps Build Case Against Belarus Over Ryanair Flight It Forced Down. // NYT. 2021, Dec. 8. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/08/world/europe/belarus-poland-ryanair-plane-dissident.html>

и мессенджеры), которые позволяют спецпропагандистам действовать точно, адресно, избирательно.

Третий ярус занимают фейки – специфическая форма дезинформации, которые в данном конфликте применяются массово с целью насаждения страха, паники, ажиотажа, распространения слухов, разжигания ненависти и – впервые – с целью отвлечение сил и средств противника на негодный объект.

Особенно хорошо это видно на примере украинской пропаганды. С момента начала СВО украинская сторона поставила производство фейков на конвейер: их стали производить массово, очень низкого качества, пытаясь задавить российскую контрпропаганду лавиной резонансных разоблачений, инсайдов, компромата и клеветы. При этом о качестве фейков, по-видимому, не думали – их «клепали» едва ли не «на коленке», и все, кому не лень: от сотрудников центров специальных психологических операций до волонтеров. При этом даже в тех случаях, когда попадались качественно сделанные фейки, в них специально добавляли разного рода нестыковки, позволяющие противнику их заметить (то есть, «клюнуть» на них, как на приманку), выявить и публично разоблачить. В результате на выявление и разоблачение этих фейков и были отвлечены практически все без исключения силы и средства российских ведомств, хоть что-то понимающие в информационных операциях. К тому же, выяснилось, что разоблачать такие топорно сделанные фейки легко, выглядят эти разоблачения эффектно, дают хорошую статистику «побед», которая очень нравится руководству. По-видимому, это и было главной целью массовой фейковой атаки: как только все кадры переключились на отлов и разоблачение фейков, некому стало заниматься настоящими информационными операциями – такими, как инцидент в Буче.

СВО выявила еще одно предназначение фейков – инструмент скрытого управления противником, мотивируя его на сознательное

тиражирование фейков по собственным каналам коммуникации (подконтрольным ему СМИ, социальным сетям, мессенджерам). Выяснилось, что фейки:

- обеспечивают повтор, тиражирование и распространение украинской пропаганды путем воспроизведения фейков на российском телевидении и в электронных СМИ;
- создают каналы доведения дезинформации и вредоносных идеологических установок до широкой российской аудитории (благодаря попаданию их в российские СМИ и особенно на телевидение на ток-шоу; в результате оказывается, что одиозный фейк, который и видел-то в сетях двадцатка человек (да и тем он не интересен), попадает на экраны российского телевидения в какой-нибудь передаче типа «Антифейк»¹³ и разносится на многомиллионную российскую аудиторию, причем делается это добровольно, безвозмездно, без какого-либо принуждения с украинской стороны;
- формируют «эффект ведомого» (возникает в том случае, если противник увлекается разоблачением подсовываемых ему фейков, забывая о том, что в фейках может быть закодирована последовательность команд, управляющих подсознанием человека напрямую, незаметно для его сознания; в этом случае противник послушно следует той линии обсуждения, которую ему навязывают с помощью вброса фейков, каждый раз модифицируя его сознание новыми «инъекциями» вредоносной информации и «ведя» его как волка по красным флажкам к тем выводам и оценкам, которые выгодны укронацистам. Тем самым фейки становятся инструментом нейролингвистического программирования);

¹³ Передача на Первом канале российского телевидения. <https://www.1tv.ru/shows/antifeyk>

- создает канал OSINT (получения разведывательной информации из открытых источников путем снятия информации с противника в виде ответной реакции так называемых «прокремлевских спикеров», входящих в идеологический пул, на открытых площадках – федеральных ток-шоу; многие из них получают т.н. «темники», которые и озвучивают в меру своих талантов – как правило, достаточно близко исходному тексту, по которому можно судить о планах, настроениях, уверенности/неуверенности в собственных силах и, главное, о том, что реально боятся «там», в центрах принятия решений).

Действительно, благодаря специфике функционирования административного аппарата и его тяге к «демонстрации результатов» вышестоящему руководству, причем «нарастающим итогом», украинские фейки (специально сделанные с дефектами – так, чтобы их было сравнительно легко заметить и разоблачить) подхватываются российскими структурами, ответственными за контридеологическую борьбу, продвигаются на каналы центрального телевидения, где их сначала повторяют дословно, то есть, тиражируют, а затем, как правило, устами крайне сомнительно выглядящих, потрепанных жизнью «экспертов» (или людей, назвавшихся таковыми) пытаются опровергнуть. При этом аудитория запоминает сам фейк (так как он идет первым, и он же создает первое впечатление, которое потом крайне сложно перебить) и совсем не запоминает лепет приглашенных «спикеров» или «экспертов». Затем этот же фейк подхватывают нью-медиа, и уже они добирают те аудитории, которые не охватили телеканалы и их ресурсы в сети Интернет. Таким образом, получается, что большую часть работы по обеспечению успешности проводимых противником идеологических диверсий по распространению фейков за украинцев делаем мы же – российская сторона, сами этого не осознавая. Это мы зачастую пре-

доставляем им свои СМИ в качестве каналов доведения фейков на российскую же аудиторию, добровольно и без принуждения.

Этот механизм распространения фейков, на самом деле, не нов и полностью соответствует основному принципу специальных информационных разведывательных операций: противника надо простимулировать только один раз; все остальное он должен сделать сам: собственными руками завалить свою же тайную операцию, раскрыть свою агентуру и быть при этом совершенно уверенным в том, что он все делает правильно, потому что другого выхода у него нет.

На четвертом – самом нижнем по интенсивности, но не по значению, – ярусе ведения информационной войны против России расположены оперативные игры, ведущиеся иностранными разведками (ЦРУ и МИ-6, но не только) с российскими олигархами, банкирами, руководителями госкорпораций – с теми, чьи интересы, в основном, на Западе [2], и кто боится потерять свои активы в Лондоне, Женеве и др. местах. Это – серьезный страт, имеющий влияние на принятие политических решений. Кроме того, их капитал – не национальный, а часть мирового транснационального капитала, неразрывно связанный с ним множеством связей. Первым «звонок» для этой категории граждан стали аресты их яхт; очевидно, что это только начало. Иностранцам связи с олигархами нужны, прежде всего, для организации насильственной смены власти в РФ – для реализации госпереворота по венесуэльскому сценарию (повторению т.н. «Венесуэльского прецедента» [5] в российских условиях), или по сценарию гибридной цветной революции в Беларуси в 2020 году (которая сама является дальнейшим этапом развития технологии «Венесуэльского прецедента»), или для финансирования изнутри массовых протестов по сценарию выборов в Мосгордуму в 2019 году (имевшие также внутренние источники финансирования). Начало СВО на Украине создало условия как для осуществления классиче-

ских разведывательных подходов к этим олигархам, так и для их последующего шантажа.

Таким образом, с началом СВО на передний план выдвинулись классические приемы спецпропаганды (известные еще по холодной войне) и примитивные фейки с грубыми дефектами «сборки», вытеснив собой с ТВД более тонкие инструменты организации идеологических диверсий – оперативные комбинации и оперативные игры спецслужб. То же самое, по нашим наблюдениям, отмечалось и у западных «партнеров» киевского режима – они тоже спешили как можно скорее и примитивнее опорочить репутацию Российской Федерации и ее Вооруженных Сил, как будто опасались, что СВО завтра кончится и они не успеют заскочить в «последний пропагандистский вагон». На протяжении всех месяцев СВО российских специалистов по информационным операциям не покидало ощущение того, что западная пропаганда делается в спешке, на ходу, и, порой, случайными людьми. Это видно в фейках, которые довелось разоблачить в рамках проекта «Вбросам.нет»¹⁴. Между тем, после начала СВО многие задачи по денацификации и демилитаризации Украины до конца еще не решены, и с течением времени нам следует ожидать возвращение на поле боя стратегических информационных операций, таких, как «дело об аргентинском кокаине», «дело Ryanaig» и пресловутое «дело Скрипалей», адаптированных под новый театр военных действий.

Литература и источники:

1. Бобров А.К. Циклы российско-американских отношений в постбиполярный период (1991–2021 гг.). // Вопросы политологии. 2022. № 1. С. 164–180.
2. Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Новые поколения внешнеполитических доктрин России. // Международная жизнь. 2022. № 6. С. 8–19.

¹⁴ <http://www.vbrosam.net/>

3. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность: Ч. II // Вестник МГОУ. Электронный журнал. Серия Политология. 2021. № 2.
4. Манойло А.В. Дело Скрипалей как операция информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 1.
5. Манойло А.В. Современная практика информационных войн и психологических операций. Вирусные технологии и эпидемии каскадного типа на примере операции по разоблачению агента влияния ЦРУ, бывшего вице-президента Венесуэлы Диосдадо Кабельо 17-21/08/2019 // Национальная сигурност. 2019. № 3. С. 3–8.
6. Тиханычев О.В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 36.
7. Цыганков П. А. «Гибридные войны»: понятие, интерпретации и реальность // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: сб. М.: Изд-во Москов. университета, 2015.
8. CortrightD., LopezG. A. Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft // New York: Rowman & Littlefield. 2002. P. 256.
9. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics // Russia in Global Affairs. 2019. No. 2. С. 108–125.

ПРОКСИ-РАЗВЕДКА И КЛАССИФИКАЦИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ АКТОРОВ НА ПРИМЕРЕ США

Ромачев Роман Владимирович

Прокси-разведка

Прокси-разведка – это оказание разведывательных услуг негосударственными разведывательными акторами в интересах государственного заказчика (как правило, государственного разведывательного актора или высшего руководства страны как напрямую, так и через агентов влияния). Прокси-разведка ведется как коммерческими компаниями, так и некоммерческими организациями (фондами, НКО).

Вместе с тем, если рассуждать о «proxу intelligence» именно как о разновидности аутсорсинга, то нельзя говорить об использовании актора «втемную», потому что, получая государственный контракт, частный подрядчик знакомится с целями и задачами сотрудничества.

Под *разведывательными услугами (РУ)* стоит понимать высокоинтеллектуальный сервис по информированию (снятию неопределенности при принятии управленческого решения) заказчика или дезинформированию (с целью оказания выгодного влияния на представляющие интерес области) как потенциального, так и реального противника, конкурента, соперника.

Разведывательная услуга – это сервис, который может быть оказан провайдером разведывательных услуг (ПРУ) как самостоятельно, то есть без использования вспомогательных технологических инструментов, полагаясь лишь на свои компетенции, знания, опыт, так и с помощью специализированных разведывательных решений.

Под *разведывательным решением* (РР) подразумевается такая сфера деятельности, которая своей целью ставит инструментальное, техническое, технологическое, финансовое и иное сопровождение и поддержку оказания разведывательных услуг.

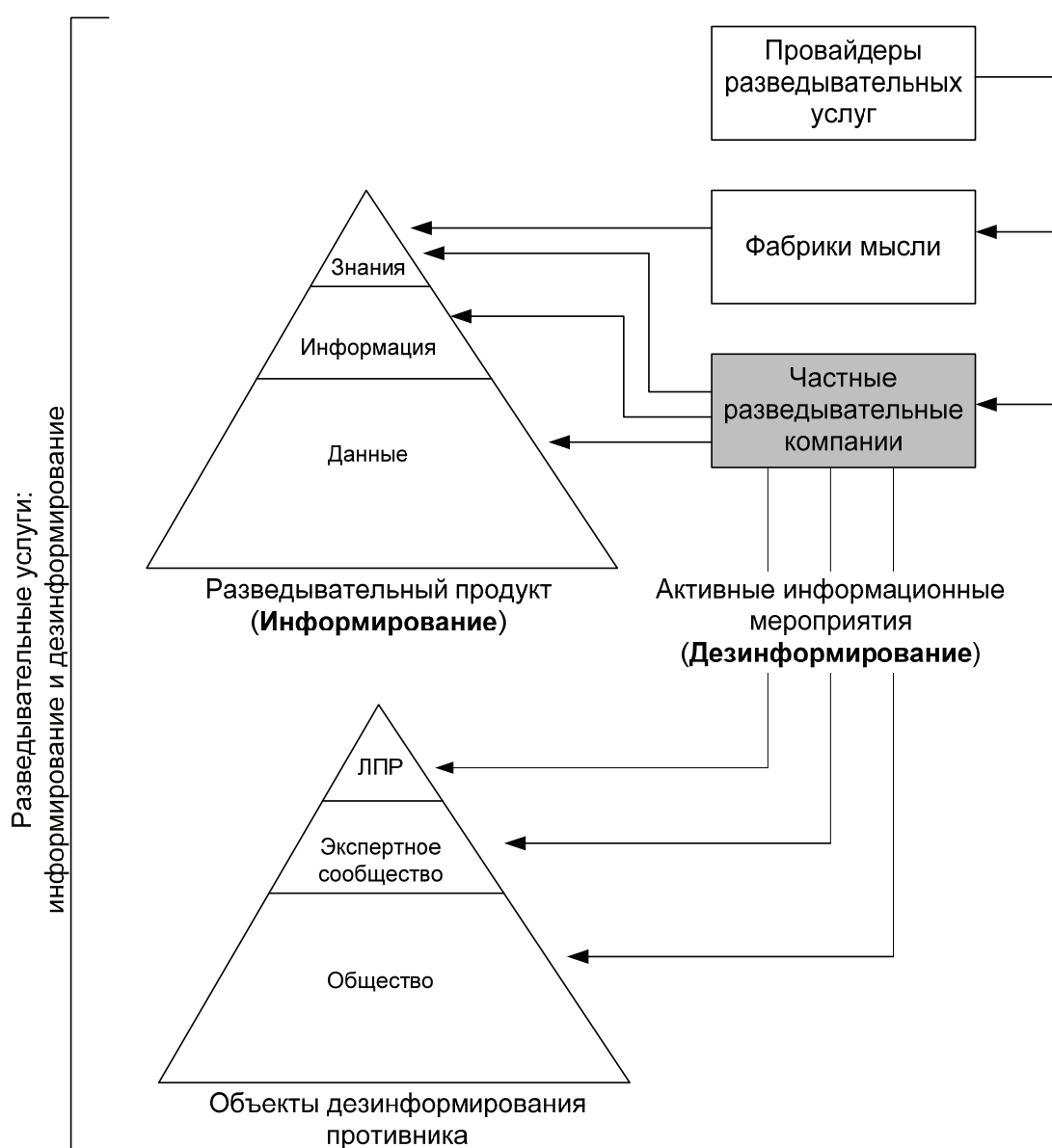

Схема 1. Разведывательные услуги

Все разведывательные услуги можно коротко охарактеризовать как информирование заказчика и дезинформирование противника. При этом под информированием подразумевается предоставление как данных, так и информации и синтез на их основе новых знаний, аналитических выводов, форсайта (прогнозирование). Дезинформирование противника осуществляется также на трех уровнях:

1. Дезинформирование общества.
2. Дезинформирование экспертного сообщества, ЛОМов¹⁵.
3. Дезинформирование ЛПР¹⁶.

Очевидно, что в современных конфликтах государственные разведывательные акторы США не имеют такой гибкости в действиях как их коммерческие подрядчики. Во многом это связано с рядом причин:

1. Серьезный контроль законодательной власти над разведывательным сообществом и «прозрачность» в их деятельности.
2. Ограниченность в бюджете.
3. Наличие дипломатических и репутационных последствий в случае разоблачения разведывательной активности в стане противника.
4. Требование значительных компетенций, которые растут достаточно быстро и за которыми государственные акторы, в отличие от частных, явно не успевают.

Все это привело к формированию еще в XIX веке в США отрасли частной разведки, которая на сегодняшний день является самой капиталоемкой в отличие от аналогичных отраслей других стран.

¹⁵ Лидеров общественного мнения.

¹⁶ Лица принимающие решения.

Классификация разведывательных акторов США

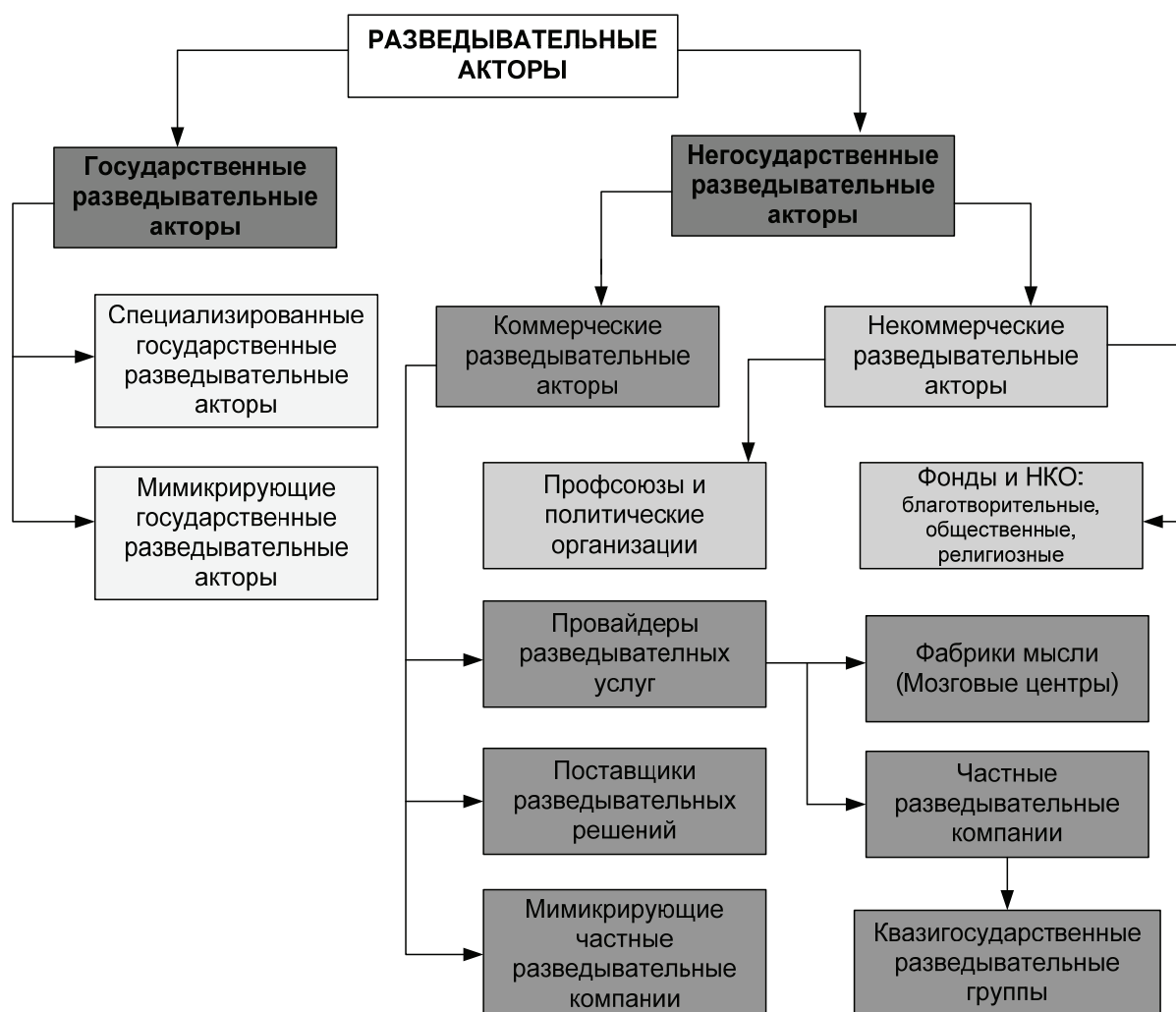

Схема 2. Классификации разведывательных акторов

Государственные разведывательные акторы – органы государственной разведывательной системы, прямо подчиняющиеся главе государства, применительно к США – ЦРУ (Центральное Разведывательное Управление¹⁷), АНБ (Агентство Национальной Безопасности¹⁸), или подчиняющиеся главе государства через руководителя ведомства, например – РУМО (Разведывательное Управление Министерства Обороны¹⁹).

¹⁷ Central Intelligence Agency, CIA

¹⁸ National Security Agency, NSA

¹⁹ Defense Intelligence Agency, DIA

Классификация государственных разведывательных акторов США:

Государственные разведывательные акторы – акторы разведывательной деятельности, полностью подконтрольные государственным институтам.

Специализированные государственные разведывательные акторы (СГРА) – ведомства, целями и задачами которых являются сбор и анализ разведывательной информации. Деятельность государственных специализированных разведывательных акторов регулируется законами государства, нормативными документами, актами, положениями, например, применительно к ЦРУ – «Законом о ЦРУ 1949 года». В США применительно к СГРА упоминается термин – «Разведывательное сообщество США», в которое входит 17 разведывательных служб.

Мимикрирующие государственные разведывательные акторы – государственные организации, чья деятельность направлена на иные задачи и функции, например, продвижение демократии, продвижение гласности, развитие политической конкуренции в третьих странах, чьи действия, так или иначе направлены на выполнение разведывательных задач, таких как вербовка и «выращивание» агентов влияния; проведение информационных операций; сбор и анализ информации об устройстве политической системы в регионе и т.п. К таким организациям можно отнести Агентство США по международному развитию²⁰. Все мимикрирующие акторы подчиняются главе государства через курирующие их ведомства, например, USAID – через Государственный Департамент США. Деятельность государственных мимикрирующих разведывательных акторов может регулироваться как Указом Президента (например, применительно к USAID), так и ведомственными нормативными актами, приказами и т.п.

²⁰ United States Agency for International Development, USAID

Классификация негосударственных разведывательных акторов США:

Негосударственные разведывательные акторы – частные организации, как коммерческие, так и некоммерческие, в составе учредителей которых отсутствуют государственные органы власти и чья деятельность прямо или косвенно связана с проведением разведывательных операций по сбору и анализу информации или ее распространению, или созданию инструментов для реализации этих функций.

Коммерческие разведывательные акторы – субъекты предпринимательской деятельности, сфера услуг которых включает в себя:

- сбор и анализ информации, распространяемой по открытым каналам связи;
- сбор информации с применением различных методов у людей (источников);
- синтез знаний о рисках, угрозах и возможностях;
- научно-техническая разведка;
- разработка систем сбора и анализа информации, систем распространения информации, аналитических систем с использованием искусственного интеллекта, систем киберразведки, систем прогнозирования и т.п.;
- проведение активных информационных мероприятий;
- обучение технологиям сбора и анализа информации, технологиям распространения контента, технологиям манипуляции в открытых каналах связи, технологиям ведения киберопераций и т.п.

Деятельность коммерческих разведывательных акторов лежит исключительно в правовом поле, то есть применение незаконных методов и технологий выведывания информации, таких как прослушивание телефонных переговоров, взлом электронного ящика,

пытки, шантаж и т.п. – недопустимо, за исключением согласованных с СГР спланированных действий при участии в тайных операциях на территории третьих стран.

Стоит отметить, что ни в одной стране частные разведывательные акторы не являются субъектами оперативно-розыскной деятельности, США в данном случае не исключение.

Классификация коммерческих разведывательных акторов:

Провайдеры разведывательных услуг (ПРК) – предприятия, специализирующиеся исключительно на РУ. В свою очередь, ПРК можно разделить на:

Фабрики мысли (мозговые центры, think tank) – предприятия (аналитические центры), специализирующиеся на синтезе знаний о рисках, угрозах и возможностях как в интересах деловой сферы, так и в интересах геополитики и национальной безопасности. Яркие представители таких акторов:

- RAND Corporation;
- Team B.

Частные разведывательные компании (private intelligence company) – организации, специализирующиеся на полном спектре разведывательных услуг, от добычи данных и информации, ее обработки, до синтеза знаний, аналитических выводов, форсайта (прогнозе), способные на проведение активных информационных мероприятий. Могут аккумулировать в себе смежные компетенции, например, такие как у поставщиков разведывательных решений, а именно: разработка инструментов, технологий и программно-аппаратных решений. Представители таких акторов:

- CACI International Inc.;
- Kroll Inc.;

В этом классе отдельно можно выделить *квазигосударственные разведывательные группы* – частные разведывательные компании, созданные по тайной инициативе специальных государственных разведывательных акторов, но «де-юре» никаким образом к ним не относящиеся. Как правило, существование таких организаций строго засекречено, и об их деятельности становится известно спустя десятилетия, и благодаря рассекреченным документам, либо в ходе разоблачения, утечки или какого-то громкого скандала. Яркие представители таких акторов:

- The Pond;
- The Gehlen Organization;
- Task Force 157.

Поставщики разведывательных решений (intelligence solution) – разработчики прикладных решений по сбору и анализу информации, синтезу знаний, прогнозированию и т.п. Яркие представители таких акторов:

- PalantirTechnologiesInc.;
- Itek Corporation;
- Booz Allen Hamilton Inc.

Мимикрирующие частные разведывательные компании – частные коммерческие организации, чья деятельность направлена на предоставление иных услуг или производство продукта, не связанного напрямую с разведывательным сервисом. Как правило, разведывательные услуги у таких организаций являются побочным видом заработка. Например – частные военные компании, предоставляющие услуги военного консалтинга, сопровождения вооруженной охраны, охраны промышленных объектов в горячих точках и т.п. Яркие представители таких акторов:

- Xe Services LLC;
- American Business ConsultingInc.

Некоммерческие разведывательные акторы – негосударственные, некоммерческие фонды или организации. Яркие представители таких акторов:

- Национальный фонд демократии²¹;
- Vernon Fund.

Вывод: негосударственные разведывательные акторы в США стали полноправным участником процесса принятия политических решений применительно как к внешней, так и к внутренней политике США. Недаром, журналист и исследователь отрасли частной разведки Тим Шоррок в своей статье заявил: «Эта безотчетная олигархия шпионов контролирует информацию, которой руководствуются наши военные и гражданские лидеры».

Литература и источники:

1. Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4.
2. Tim Shorrock. Spies for hire. New York.: Simon & Schuster, 2008 439 с.
3. Ромачев Р.В. История частной разведки США. М.: Горячая линия – Телеком, 2022.
4. Сноуден Э. «Личное дело». М.: Эксмо, 2020.
5. Ромачев Р.В. «USAID», Р-Техно, 2022, <https://r-techno.com/files/USAID.pdf>.
6. Ромачев Р.В., Антонов Р.О., Атланов К.Н., Гайдар О.С., Сперанский Д.В. «NED», Р-Техно, 2022, <https://r-techno.com/files/NED.pdf>
7. Tim Shorrock. «5 Corporations Now Dominate Our Privatized Intelligence Industry». <https://www.thenation.com/article/archive/five-corporations-now-dominate-our-privatized-intelligence-industry/>«The Nation» 08.09.2016 г.

²¹ National Endowment for Democracy, NED

О ПЕРСПЕКТИВНЫХ ФОРМАХ УПРАВЛЯЕМЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ США С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ И ПОДХОДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ИМ

Кулаков Андрей Анатольевич

Распад Советского Союза (1991 г.) способствовал свободному движению капитала в мировом масштабе, а американские транснациональные корпорации (ТНК) и американские транснациональные банки (ТНБ) получили в своё распоряжение практически всю экономику и ресурсы большинства стран мира. В новых геополитических условиях США продолжили формирование (на основе идеологии неоколониализма) американоцентричной системы глобального доминирования Запада.

В начале XXI века монопольное экономическое и военное доминирование США в империи Запада обеспечило им статус единственной сверхдержавы. Следствием этого стал разрыв в сверхдоходах американских ТНК и ТНБ, с одной стороны, и всех остальных стран мира, с другой стороны. Незападные государства и, прежде всего Россия и Китай (заявившие о своем суверенитете), стали мешать США, обслуживающим интересы американских ТНК и ТНБ, получать сверхдоходы за счет разграбления ресурсов незападных

стран. Поэтому против России и Китая США стали направленно использовать арсенал враждебных действий, важнейшим компонентом которого являются информационные войны, которые способны бескровно разрушать противника.

В условиях «гибридной войны» США с использованием неонацистской Украины против России, американские информационные войны стали рычагом политической консолидации стран Запада и обеспечения тотальных враждебных действий Запада против России. В этой связи актуализируется роль эффективного информационного противоборства спецслужб России в борьбе с США, что достижимо на основе знания планируемых США целей, объектов информационного воздействия и содержания основных американских информационных технологий.

Целью настоящей статьи является анализ информационных войн, их видов, основных информационных технологий, используемых США для создания управляемого хаоса в информационном пространстве Российской Федерации и её союзников, а также основных подходов Российской Федерации по противодействию им.

В условиях глобализации и информационного общества всё большее значение в межгосударственном противоборстве государств приобретают информационные войны, которые позволяют США бескровно переформатировать сознание (ценности, установки, модели поведения) поколений молодежи стран-конкурентов.

Рассмотрим сущность и содержание информационных войн.

Феномен информационных войн или информационного противоборства противоборствующих сторон зародился с появлением древних государств и армий. Затем в течение примерно двух тысячелетий происходила эволюция методов и приемов информационно-психологического воздействия на население и военнослужащих противника, которые с появлением информационно-коммуникационных средств (в XX веке) стали качественно дру-

гими, что обусловило создание технологий ведения «информационных войн».

Первое упоминание о применении информационно-психологического (психологического) воздействия на войска противника приписывают карфагенскому военачальнику Ганнибалу Барку (247–183 до н.э.). Заклятый враг Римской республики «распространял слухи о превосходстве карфагенской армии на территории противника, применял устрашающую окраску на доспехах воинов. А также не допускал влияния слухов противника среди военнослужащих карфагенской армии» [цит. по: 14, с. 73].

Благодаря своему гению Ганнибал утверждал, что «чтобы защитить своё государство, надо предвосхитить противника и первым информационно воздействовать на его население и войска». Это позволило военачальнику (опытному практику) понять и осмыслить главные сущностные признаки информационного противоборства. Переводя их на современный язык (парадигмы мышления постмодернизма), можно сформулировать их следующим образом:

1) информационное противоборство появляется на военной стадии межгосударственных отношений и ведётся военными силами для нанесения информационного ущерба врагу;

2) для снижения морально-психологического (или духовного) потенциала населения и военнослужащих армии противника необходимо использовать, как достоверную, так и ложную информацию;

3) для укрепления морально-психологического (духовного) потенциала своего населения и военнослужащих своей армии необходимо защищать (ограждать) их от слухов и деструктивных психологических воздействий со стороны противника, укреплять (пропагандировать) собственные ценности.

В последующие столетия информационное противоборство зависело от уровня интеллектуального и культурного развития полководцев и не всегда учитывалось в вооруженном насилии.

С появлением ракетно-ядерного оружия и бурным развитием информационно-телекоммуникационных технологий роль информационного противоборства резко возросла в межгосударственном противоборстве США и России.

Рассмотрим подходы зарубежных и российских аналитиков, изучающих информационные войны к раскрытию их сущности и содержания.

Современные зарубежные исследователи при рассмотрении информационных войн США опираются в основном на работы американского политолога Джина Шарпа и военных экспертов Джозефа Одера, Денниса Стила, а также на теоретические разработки Командования по обучению и доктринам вооруженных сил США (например, Устав 525-5 «Операции. Силы XXI»), в которых констатируется, ряд основополагающих политических установок, используемых США в информационной войне против России. Это, прежде всего, следующие: «в условиях неопределенной («гибридной») войны с противником вооруженные силы США должны вести информационное противоборство, которое должно заключаться в применении информационных (информационно-психологических) операций различной направленности, киберопераций против военных и гражданских объектов противника, с использованием информационных технологий таким образом, чтобы достигать дестабилизации социально-политической обстановки и деморализации населения противника, паники личного состава его вооруженных сил, наибольшей смертности их в боевой обстановке, наивысшей защищенности своего населения и войск» [цит. по: 16, с. 64–65]. Содержание этапов американских информационных технологий осуществления информационно-психологических воздействий на население нашей страны и методики кибервоздействий на военные и гражданские объекты России в открытой печати аналитики зарубежных стран не рассматривают.

Анализ литературы по теме исследования показал, что в российском научном сообществе наблюдается отсутствие единства по вопросу определения понятия и классификации видов информационных войн США. В частности, российские исследователи выделяют 8–10 видов (типов) информационных войн, ведущихся США против стран конкурентов, которые при ближайшем рассмотрении сводятся лишь к информационно-психологическим операциям США, что, по нашему мнению, искажает реальную ситуацию.

Прежде дадим авторское определение информационной войны.

Информационная война – форма межгосударственного противоборства в информационном пространстве, осуществляемая с целью: а) нанесения ущерба информационным системам, информационным процессам и информационным ресурсам военных, государственных и критически важных объектов противника; б) массовой психологической обработки населения и личного состава вооруженных сил противника для дестабилизации социально-политической обстановки, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны.

Необходимо также ввести ряд пояснений (уточнений).

Во-первых, информационная война ведется непрерывно. В мирное время информационная война реализуется в форме информационных (пропагандистских) кампаний, осуществляемых государственными СМИ; в военное время информационные войны ведут силовыми структурами государства.

Во-вторых, в определение не были включены признаки кибервоздействия и обеспечения безопасности своих информационных ресурсов, которые бы значительно усложнили его (с этой путаницей сталкиваются все исследователи информационных войн).

Под «**информационным ресурсом**» следует понимать не только технические системы, но и сознание человека (предложено экс-

пертом В.К. Новиковым); а в содержание информационных войн следует также включать «комплекс воздействий на информационные ресурсы противника и мероприятия спецслужб России по защите информационной безопасности своих информационных ресурсов» [12, с. 192].

В-третьих, в информационной войне США объектом информационного воздействия является психика человека и её компоненты – сознание (воздействие на него осуществляется с помощью убеждающего информационного воздействия) и подсознание (воздействие на него осуществляется с помощью внушающего информационного воздействия).

В-четвертых, защита собственного информационного ресурса России должно обеспечиваться с помощью «зашумления сигнала противника, затруднения доступа его к конфиденциальным ресурсам, с помощью мер контрпропаганды спецслужб России, маскировки объектов, государственно-патриотического воспитания молодежи и др.» [см.: 6, 7, 9].

Исходя из определения сущности информационной войны и оговоренных уточнений можно выделить следующие **виды информационных войн**, ведущихся США против Российской Федерации:

1) ментальная война – противоборство в информационном пространстве, связанное с последовательным (долговременным – 5–20 лет) разрушением с помощью специально отобранной информации социально-культурного кода народов России, через разрушение их традиций, культуры, родного языка (российские исследователи данный вид войн также называют «контентная война», «поколенческая война»);

2) поведенческая война – противоборство в информационном пространстве, связанное с внешним (оперативным) управлением больших социальных групп населения противника с использо-

ванием искусственного интеллекта и информационных технологий «подталкивания» политизированной молодежи к радикальным социальным протестам (путем внедрения в их сознание шаблонов агрессивного поведения, навязанных ЦРУ с помощью сетевых игр и внушения через социальные сети);

3) кибернетическая война (кибервойна) – противоборство и противостояние в кибернетическом пространстве, связанное с целенаправленным, деструктивным воздействием ЦРУ на информационные потоки с целью снижения эффективности управления (за счет искажения, разрушения и отъёма информации) с военных, государственных и критически важных объектов Российской Федерации.

Смысл информационного противоборства невозможно раскрыть без использования понятий «информационно-психологическое воздействие» и «кибервоздействие». Определим данные понятия.

Информационно-психологическое воздействие – это направленное действие сил (спецслужб США) по доведению до населения противоборствующей страны (России) специально отобранной информации, влияющей на психику (чувства, ценности, психологические установки и модели поведения) людей для формирования прогнозируемых США ценностных норм, психологических установок и поведенческих реакций, отвечающих американским национальным интересам.

Кибервоздействие – это разрушение и изменение (модификация) различных информационно-телекоммуникационных систем и используемого в них программного обеспечения на военных, государственных, критически важных объектах жизнедеятельности городов Российской Федерации и взятие управления этими системами принудительно на себя (под внешнее управление США).

Опасность информационно-психологического воздействия заключается в постепенном (практически неосознаваемом) подчинении

воли молодого (неискушенного опытом) гражданина Российской Федерации определенному деструктивному стереотипу поведения.

Анализ работ ведущих российских экспертов по проблеме информационного противоборства России и США – О.Г. Карповича, А.В. Манойло, К.С. Стригунова, А.И. Петренко, В.К. Новикова, Л.В. Савина убеждает, что в условиях перехода США к военной стадии «гибридной войны» с использованием нацистской Украины против России, роль различных видов информационных войн США меняется. Относительно снижается роль ментальной войны (в силу её долговременных целей) и **возрастает роль поведенческих войн и кибервоздействия (кибервторжения)**. Сочетание политтехнологии ЦРУ кибервоздействий (кибервторжения на военные, государственные и критически важные объекты страны жертвы) и информационно-психологического воздействия на оппозиционные силы способно, по оценкам экспертов ЦРУ, в кратчайшие сроки (1–2 года) создать в стране-жертве ситуацию «кризиса власти» (или так называемого «управляемого хаоса»). Данные условия, как известно, используются США для смены враждебных политических режимов и передачи власти проамериканскому правительству [см.: 6, 9, 12, 16].

В начале третьего десятилетия XXI века, по мнению российского аналитика Л.В. Савина, «политтехнологи ЦРУ и военные эксперты вооруженных сил США рассматривают *поведенческие войны* (с использованием искусственного интеллекта) и *кибервоздействие* в качестве перспективных форм управляемых политических трансформаций для дестабилизации обстановки в России и странах ближнего зарубежья» [16, с. 65].

Используя рассмотренный выше понятийный инструментарий, перейдем к рассмотрению основных американских информационных технологий, используемых (координируемых) политтехнологами ЦРУ в странах ближнего зарубежья.

В российском научном сообществе принято выделять две основные американские информационные технологии: долговременного и краткосрочного воздействия на страну-жертву.

Под долгосрочной информационной технологией российские аналитики [1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 14, 15] понимают комплекс организационных мер, процедур подготовки и доведения (через СМИ и социальные сети) информации, влияющей на чувства, ценности, психологические установки и модели поведения различных социальных групп населения. Примером использования долговременной информационной технологии является фашизация населения Украины, которая осуществляется направленно в течение 30 лет.

Под краткосрочной информационной технологией российские аналитики [7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15] понимают американские информационно-психологические воздействия, связанные с ложной трактовкой актуальных информационных поводов, которые маскируют истинные намерения США. Примером использования США технологии краткосрочного воздействия являются подрывные действия США против президента Республики Белоруссия А.Г. Лукашенко. Известно, что в 2019–2020 гг. политтехнологи ЦРУ с помощью информационно-психологических воздействий (с задействованием кибервойск ОВС НАТО и «Telegram-канала Nexta») в информационном пространстве за несколько месяцев «раскачали» ситуацию в Республике Белоруссия до состояния «кризиса власти».

Рассмотрим подробнее содержание названных выше информационных технологий США.

Долгосрочная информационная технология

Долгосрочная (или неограниченная во времени) серия информационно-психологических воздействий США на фокусную страну становится возможной, как правило, при насаждении политтехнологии ЦРУ агентов влияния в политической элите фокусной страны. В этой ситуации объект воздействия может неограниченно

долго подвергаться скрытому управлению (манипулированию). Для этого может быть использована информационная технология «Окна Овертона».

Удивительно, но это действительно научно обоснованная технология. Американский социальный психолог Джозеф Овертон (1960–2003 гг.) изучал закономерности и стереотипы социального поведения. Опираясь на теорию социальных конфликтов, Овертон утверждал, что человек в силу своей социальности не может жить один, в нем генетически заложен страх «изгнания из человеческого племени». Ученый доказал, что как психосоциальное существо, человек не может быть вне общества и его (даже негативных) установлений. Поэтому алгоритм пошагового изменения рамок восприятия людей ситуации через изменение *дискурса*²² в СМИ можно считать условными рамками реальности общества на данном историческом этапе. Другими словами, «окна Овертона» – это набор неких стадий (этапов) уточнения общественной повестки от «радикально», «приемлемо», «разумно», «популярно» и до «государственная норма», когда все обязываются что-то делать.

Целевые установки информационной технологии «окна Овертона» – заставить человека принять новые ценности через убеждение и внушение новой поведенческой установки и моделей поведения. Так можно, например, внедрять ценности однополрой любви, необходимости трансгендеров или поэтапно нацифицировать взгляды молодежи, превращая болельщиков в нацистские военизированные формирования (штурмовые отряды). Поэтому для политтехнологов ЦРУ «окна Овертона» – это инструкция (алгоритм) по использованию национальных СМИ для формирования деструктивного общественного мнения практически и провоцирования паники (через устрашение населения) в стране-жертве.

²² **Дискурс** – это термин, обозначающий генеральную тему, наиболее обсуждаемую в СМИ на рассматриваемом этапе.

Типовой алгоритм информационного воздействия «окон Овертона» можно представить в виде шести стадий:

1 этап. «Немыслимо», в ходе которого в обществе организуются научные исследования и проводятся научные конференции по изучении «возникшей проблемы». В национальных СМИ формируется образ актуальной научной проблемы.

2 этап. «Радикально», в ходе которого наряду с научными симпозиумами появляется клуб радикальных сторонников данной проблемы. Помимо национальных СМИ, к обсуждению научной проблемы подключаются социальные сети.

3 этап. «Приемлемо», в ходе которого в социальных медиа страны вводится новый термин, по другому обозначающий проблему и формируется образ важной общественной проблемы. В СМИ периодически проводятся общественные дискуссии, а в крупных городах проводятся митинги в защиту сторонников решения данной общественной проблемы.

4 этап. «Разумно», в ходе которого, с одной стороны, поддерживается обсуждение роли и значения в общественной жизни рассматриваемой проблемы, а с другой, – в общественное мнение с помощью эмоциональных видеосюжетов на телевидении (выступления политиков и общественных деятелей на телешоу), внушается установка на терпимое отношение к самому факту наличия данной проблемы) и целенаправленно формируется и поддерживается «эталонный» информационный образ.

5 этап. «Популярно», в ходе которого продолжают публичные обсуждения проблемы во взрослой аудитории, но параллельно информационный образ существующей проблемы в СМИ усиливается через показ репортажей о восприятии проблемы самими носителями данной проблемы. Далее постепенно разворачивается общественная дискуссия с учетом мнения мировых СМИ. Появляется множество статей и новостных передач с результатами проведен-

ных опросов людей в разных странах и разных категорий на данную тему.

6 этап. «Государственная норма», в ходе которого в законодательный орган страны вносится законопроект, который гласит, что отныне бывшая проблема должна считаться разновидностью нормы. В СМИ роль данного законопроекта подается как исключительно важная. В обществе создаются массовые организации за принятие законопроекта. Проблема в полной мере переносится и в мировые СМИ, входит в политический оборот, поддерживается бизнес-элитой страны (ради получения сверх прибыли). С принятием законопроекта технология переходит на этап необратимости процесса трансформации общественного мнения. В СМИ делаются выводы о победе здравого смысла над предрассудками прошлого.

Говоря об особенностях реализации долгосрочной информационной технологии США на Украине и в странах Европы, необходимо отметить «её **затратность** (несколько млрд долларов) и **значительное количество задействуемых сил спецслужб США** (несколько десятков государственных и частных каналов доведения информации на территории стран Европы, около 5000 военнослужащих кибервойск вооруженных сил США и ОВС НАТО) для обеспечения устойчивости в демонизации России, фашизации украинского населения и населения стран Европы» [16, с. 71].

Российские аналитики выделяет три основных канала и характерных для них способа информационного воздействия США на индивидуальное и массовое сознание стран-конкурентов:

1) **убеждающее информационное воздействие**, которое обращено к сознанию и достигается с помощью правил аргументации для целевой социальной группы;

2) **внушающее информационное воздействие**, которое обращено к подсознанию индивида и достигается с помощью яркой образной речи и эмоциональных видеосюжетов;

3) влияние через игровую ситуацию, которое использует такие методы психологического воздействия, как *подражание* и *психологическое заражение*. Игровая ситуация предполагает «погружение» зрителя или пользователя ПЭВМ, использующего «Интернет», в ситуации вынужденного (агрессивного) ролевого действия, постепенно программируя его психику на деструктивную поведенческую установку (например, на агрессивное поведение).

Таким образом, долгосрочная информационная технология США рассчитана на условия мирного времени (мирной стадии «гибридной войны»), когда политтехнологи ЦРУ могут последовательно реализовать пять подготовительных этапов и получить «результат» в виде узаконенной государством ранее неприемлемой «нормы» (шестой этап данной технологии).

Краткосрочная информационная технология

Оперативные информационно-психологические воздействия США на фокусную страну реализуется в условиях кризиса (на военной стадии «гибридной войны») и составляют содержание краткосрочной информационной технологии США.

Основой для тайных операций ЦРУ в информационной сфере являются *каналы доведения информации*, которые создаются ЦРУ заблаговременно в третьих странах, как правило, в виде частных (вымышленных) юридических лиц (например, польский коммерческий проект ЦРУ – это известный «Telegram-канал Nexta», который был создан в 2015 г.). В период его боевого применения (для инициации госпереворота в Республике Белоруссии) работу польского телеграмм-канала официально осуществляли 7 человек (директор, два журналиста, четыре видеоблогера). На самом деле их работу в информационном пространстве «обеспечивали 30 журналистов ведущих западных СМИ, 300 агентов информационного воздействия в промышленно развитых странах Европы и 500 военнослужащих кибервойск вооруженных сил США и ОВС НАТО, что позволило реа-

лизовывать до 1 млн направленных информационных вбросов в сутки в социальные сети стран Европы» [11, с. 65].

Опираясь на исследования ведущих российских экспертов [6, 9, 10, 11, 12, 14, 15] в области информационного противоборства с США, можно утверждать, что **краткосрочная технология информационно воздействия США на фокусную страну** имеет ряд обязательных этапов:

1 этап. Выбор объектов воздействия (информационной атаки).

2 этап. Определение референтных каналов вброса информации.

3 этап. Разработка легенды происхождения информационного вброса.

4 этап. Ликвидация вбрасываемой информации.

5 этап. Тестирование стандартных (типичных) реакций объекта информационной атаки.

6 этап. Проведение информационного вброса.

Кратко рассмотрим содержание названных этапов.

1 этап. Выбор объектов воздействия (информационной атаки).

При выборе объектов информационного воздействия основное внимание политтехнологи ЦРУ сосредотачивают на персонализированных политических личностях (главе государства, главе правительства и их окружении), на представителях политической элиты, приближенной к высшей власти и политически активных социальных группах населения, фокусной страны для чего осуществляется планирование информационно-психологических воздействий на очередной год. Если первые лица государства и их ближний референтный круг известны, то общество «следует последовательно информационно сегментировать на целевые социальные группы и фокусировать внимание на тех, которые могут быть особенно подвержены информационной манипуляции США» [16, с. 173].

2 этап. Определение референтных каналов вброса информации.

Референтными являются те каналы, которым выбранный объект информационной атаки ЦРУ доверяет и из которых он получает основной поток ежедневной информации о текущих событиях, происходящих в стране и мире (именно к ним он привык). Информацию, следующую по другим медийным каналам, объект просто не воспринимает, «не видит» и стереотипно не воспринимает.

Задачу определения наиболее вероятных референтных каналов для осуществления через них информационных вбросов «решают информационно-аналитические отделы ЦРУ» [16, 74]. Именно они ведут постоянный мониторинг информационного пространства фокусной страны, выявляя интересы и ценности всех субъектов политического процесса, участие политических лидеров в общественной жизни государства.

В условиях информационного общества самым эффективным каналом распространения вбрасываемой информации ЦРУ являются социальные сети (Facebook, LiveJournal, Twitter, Telegram, WhatsApp) в ГИКС «Интернет». Они выполняют роль не только площадки общения, но и служат неким детонатором информационного, а затем и социального взрыва (протеста). Политтехнологи ЦРУ постоянно предупреждают своих агентов информационного воздействия: «Если информационный вброс будет осуществлен через нереферентный (для конкретной личности) канал информации (в социальных медиа), то объект просто на него не прореагирует» [16, с. 75].

3 этап. Разработка легенды происхождения информационного вброса.

Разработка прикрытия для информационного вброса ЦРУ касается, прежде всего, первых лиц государства и приближенных к ним представителей политической элиты фокусной страны. Самым простым объяснением, рекомендуемым политтехнологами ЦРУ, активистам оппозиционных сил является «хищение спецслужбами другой

страны секретной информации, которая передана правозащитникам фокусной страны или другим лицам», сведения о которых не разглашаются в интересах их безопасности [см.: 16, с. 76].

Наиболее сложным вопросом при разработке легенды информационного вброса ЦРУ в адрес первых лиц фокусного государства и их окружения является «ссылка в ней на компетентные источники происхождения вбрасываемой компрометирующей информации» [16, с. 78]. Для того чтобы информации можно было доверять, по правилам ЦРУ, источник её происхождения о первых лицах обязательно должен быть компетентным:

«иметь (по роду выполняемой деятельности) доступ к секретным сведениям, представленным СМИ в информационном вбросе;

иметь прямое отношение к той сфере деятельности, к которой относятся сведения, содержащиеся в информационном вбросе;

обладать, по роду своей служебной деятельности, статусом (это может быть сотрудник администрации президента, правительства, конгресса, министерства обороны), способным в случае утечки в публичное пространство (случайной или преднамеренной), сразу вызвать общественный резонанс с далеко идущими последствиями (паника, политический кризис, отставка чиновников)» [16, с. 79].

4 этап. Ликвидация вбрасываемой информации.

Для придания достоверности вбрасываемой ЦРУ информации «проводится тайная операция ЦРУ для подтверждения легенды происхождения информационного вброса» [16, с. 80]. Главный смысл этой информационной операции состоит в том, чтобы прикрыть информационный вброс ЦРУ в социальные медиа страны-жертвы ссылкой на утечку информации из закрытых каналов конкретного ведомства фокусной страны путем создания иллюзии, что сведения секретного характера появились по причине халатности и неосторожности в их сохранности высокопоставленными чиновни-

ками. Как только противнику становится известным факт утраты закрытой информации, одновременно в информационные каналы идет информационный вброс.

Главным признаком, отмечает аналитик Л.В. Савин, легализации вбрасываемой ЦРУ информации в рамках проводимой операции информационно-психологического воздействия является «признак абсолютного доверия к ней со стороны всех социальных медиа (СМИ и социальных сетей) и со стороны всех политически активных социальных групп фокусной страны» [16, с. 81].

Следующий признак того, что информационный вброс ЦРУ состоялся, по мнению Л.В. Савина, заключается в том, что «после публикации нужных ЦРУ материалов начинается активная работа спецслужб фокусной страны в отношении того журналиста (блогера социальных сетей), который разместил «любопытные» для общества сведения» [16, с. 83].

5 этап. Тестирование стандартных (типичных) реакций объекта информационной атаки.

Тестирование стандартных реакций проводится сотрудниками кибервойск на предмет изучения реакции объекта информационной атаки и связанных с ним целевых аудиторий (социальных групп населения) на так называемый «легкий укол в СМИ» в виде зондирующих общественное мнение фокусной страны «пробных информационных шаров». Этот этап обязателен, так как по результатам считывания и анализа ответных реакций объекта «нужно убедиться в следующем: достигаем ли объект информационной атаки в ходе проведенного информационного вброса или нет; какова эффективность выбранных референтных каналов конкретного лица; насколько результативна управляемость задействованных сил и средств» [16, с. 84]. Если есть недостатки в избранной организационно-технологической схеме информационных вбросов США, то они устраняются немедленно, если же схема работает без сбоев, то опе-

рации информационно-психологического воздействия на избранный объект продолжают в плановом режиме.

6 этап. Проведение информационного вброса.

Для достижения максимального эффекта, отмечается в исследованиях [3, с. 27; 9, с. 148], политтехнологи ЦРУ используют многочисленные каналы доведения информации (вбросов) в информационное пространство фокусной страны. По мнению автора, *комплексная многокаскадная циклическая модель информационных вбросов США в информационное пространство фокусной страны* может иметь следующий вид (рис. 1). «Информационная машина» США (или «мировые СМИ») представляет собой десятки государственных и частных информационных агентств и каналов доведения информации в США и странах Запада, сотни профессиональных журналистов из всех стран мира, участие которых в специальных информационно-психологических (дезинформационных) операциях США оплачивается дополнительно.

Данная многокаскадная модель позволяет США применять метод информационно-психологического воздействия с кумулятивным эффектом в отношении целевых социальных групп или даже в отношении одного и того же объекта (политического лица), последовательно подводя его к необходимому психо-эмоциональному состоянию.

Такая высокая скрытность, избирательность и результативность, по мнению политолога О.Н. Маслова, достигается «современными информационно-коммуникативными технологиями, опирающимися на аналитические разработки сценариев информационных войн «мозговых центров» ЦРУ и плановую дезинформационную деятельность тысяч профессиональных военнослужащих кибервойск вооруженных сил самих США и их союзников по НАТО» [10, с. 18–19]. Очевидно, что для информационного противодействия США в информационной сфере Российской Федерации необходимы соответствующие затраты и подготовленные силы спецслужб России.

Рис. 1. Комплексная многокаскадная циклическая модель информационных вбросов США в информационное пространство фокусной страны

Необходимо подчеркнуть, что большинство российских исследователей [6, 9, 10, 12] под краткосрочной (оперативной) информационной технологией США понимают лишь её заключительный этап, игнорируя предыдущие этапы подготовки ЦРУ самой фейковой информации. Большой ошибки в этом, по нашему мнению, нет, так как на население фокусной страны оказывает негативное воздействие сам факт *информационной атаки США*²³ (на избранный объект информационно-психологического воздействия), который противоборствующее государство (и его соответствующие органы и силы) должны информационно парировать (нейтрализовывать).

При этом большинство российских исследователей справедливо выделяют в информационных атаках США два основных вида информационного воздействия:

1) манипулятивное информационное воздействие (с использованием при подаче информации в СМИ психологического метода внушения) – для воздействия на малограмотные слои населения и молодежь фокусной страны;

2) пропагандистское информационное воздействие (с использованием при подаче информации в СМИ психологического метода убеждения) – для воздействия на политическую элиту, интеллигенцию, образованные слои населения, когда необходимо подробно разъяснять и логически аргументировать позицию, перетягивая на свою сторону неопределившиеся и колеблющиеся политически активные социальные группы населения.

Анализ работ ведущих российских экспертов [6, 9, 10, 11, 12, 14, 15] в области информационного противоборства убеждает, что

²³ **Информационная атака США** – это спланированная, целенаправленная и массированная последовательность информационных вбросов, разделенных периодами информационной «тишины», согласованных по времени, целям, задачам и объектам информационно-психологического воздействия, результатом которых является формирование ЦРУ заранее запрограммированного общественного мнения (мнения конкретного лица), а следовательно, и его поведения (психологических установок).

в условиях «гибридной войны» США против России поведенческие и кибервойны могут вестись спецслужбами США как от имени политических партий и общественных движений, так и от имени террористических организаций, военизированных националистических формирований и сообществ хакеров.

Указанные социальные группы, подчеркивает политолог А.В. Коротаев, «ставят перед собой цель подчинить себе систему ценностей отдельного гражданина и общественное мнение общества» [8, с. 194], что обуславливает их «предсказуемость» для общественных ожиданий, а, значит, может быть использовано в информационных атаках ЦРУ, реализуемых «от имени» этих радикальных социальных групп. Организации, преследующие подобную манипулятивную цель, часто воздействуют самостоятельно через социальные медиа на сознание (методами убеждения) и подсознание (методами внушения) населения посредством скрытых манипуляций, что иногда «случайно» совпадает с подрывными задачами политтехнологов ЦРУ.

Традиционно для воздействия на общественное мнение и сознание индивидуальных пользователей сети «Интернет» политтехнологи ЦРУ используют правдивую информацию (в малых количествах) и дезинформацию («фейковая информация») в связи с информационным поводом. Такую конструкцию политтехнологи ЦРУ называют стратегическим мифом. Эта дезинформационная структура позволяет при внедрении в общественное сознание от имени различных субъектов политического процесса (политических лидеров, оппозиционных сил и др.) исказить или заменить (на несколько недель) целостное восприятие реальности большинства социальных групп на фрагментарное с ложными и искаженными взглядами (которое можно использовать для «раскачивания ситуации» или для дестабилизации социально-политической обстановки). Далее организаторам специальных информационных

воздействий необходим новый каскад правдоподобной дезинформации, но на основе учета эффекта от первой «порции» воздействия [15, с. 133].

Результативность агрессивных информационных поводов и краткосрочной информационной технологии, используемых США против России, заметна в консолидации стран Запада (на фоне противостояния Специальной военной операции России на Украине). По мнению политолога Е.В. Гориной, США информационно дирижируют Европой, население которой «погрузилось в состояние русофобского угара и иллюзию своей расовой исключительности и невероятной экономической и военной силы» [4, с. 20–21].

Вместе с тем **каскадный характер информационных атак США** в целом и дезинформационных информационно-психологических операций США в частности представляется, по мнению автора, **уязвимым звеном краткосрочной американской информационной технологии**. На примере Белоруссии можно сказать, что даже при комплексном задействовании США возможностей своих союзников на стратегическом (мировые СМИ в странах Запада), оперативном (телеграмм-каналы в Республике Польша и странах Балтии); внутривосточном (национальные СМИ и видеоблогеры в социальных сетях) уровнях следующий этап информационно-психологической операции (в рамках поведенческой информационной войны США) не начинался без оценки (в течение нескольких дней, а иногда и недели) ответной реакции атакуемой стороны (на предыдущий каскад информации).

С переходом Запада к тотальной «гибридной войне» против России наша страна оказалась в экономической и информационной блокаде Запада. В этих условиях рассинхронизация спецслужб России в деле противодействия информационно-психологическим операциям США, которые реально угрожают национальной безопасности Российской Федерации, недопустима.

Для противодействия комплексным информационно-психологическим воздействиям США по дискредитации Российской Федерации в странах Запада и ближнего зарубежья «требуется создание принципиально новых подходов и соответствующей им структуры, что позволило бы России преодолеть изолированность различных ведомств» [7, с. 162]. Другими словами, в тотальной «гибридной войне» Запада против нашей страны требуется качественный и количественный переход на новый уровень межведомственной координации спецслужб России и заинтересованных федеральных органов исполнительной власти в деле отражения информационных атак стран Запада (координируемых США) в глобальной информационной сфере.

Подобная **межведомственная координация спецслужб России** и заинтересованных федеральных органов исполнительной власти по вопросам информационного противоборства Российской Федерации с Западом, по мнению автора, возможна **на уровне заместителя секретаря Совета Безопасности Российской Федерации**, а обеспечение этой деятельности может быть возложено на соответствующее **новое информационно-аналитическое управление (департамент) Аппарата Совета Безопасности Российской Федерации.**

Суммируя рассмотренные выше положения, можно утверждать, что развязав против России тотальную «гибридную войну» Запада, сами США не осмеливаются вступить в прямое противостояние с Российской Федерацией. Сегодня видно, что военно-политическому кризису на Украине США хотят придать затяжной, экспансивный характер. Для этого Вашингтон осуществляет милитаризацию стран Европы и ближнего зарубежья, а население этих стран фашизируется с помощью информационно-психологических операций.

Таким образом, информационная сфера суверенных государств становится важнейшим пространством геополитического противо-

бортсва. Сегодня поведенческие информационные войны и кибератаки на военные и государственные объекты фокусных стран рассматриваются США в качестве перспективных форм управляемых политических трансформаций по приведению к власти в них марионеточных политических режимов. Поэтому знание целей, объектов информационного воздействия, основных американских информационных технологий, особенностей их боевого применения и их уязвимых мест позволит спецслужбам России эффективно осуществлять информационное противоборство в «гибридной войне» с США. Вместе с тем, качественное усиление контринформационных воздействий России, по мнению автора, возможно только за счет координации спецслужб России на межведомственном уровне (например, на уровне заместителя секретаря Совета Безопасности РФ).

Литература и источники:

1. Бартош А.А. Взаимодействие в гибридной войне // Военная мысль. 2022. № 4. С. 6–24.
2. Бочарников И.В. Цифровизация в России: проблемы и приоритеты. В книге: Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны и армии Академии военных наук. Москва, 2020. С. 163–170.
3. Воронова О.Е., Трушин А.С. Современные информационные войны: стратегии, типы, методы, приемы: монография. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021.
4. Горина Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности: монография. М.: Издательство «ФЛИНТА», 2022.
5. Грачева Г.В. Информационно-психологические операции во внутриполитической борьбе в России в современных условиях // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний. М.: Издательство «Инфра-М», 2009. 328 с.
6. Карпович О.Г., Манойло А.В., Стригунов К.С., Петренко А.И. Основные аспекты информационной войны против России в рамках текущего Украинского кризиса // Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / Под общ. ред. В.Н. Баранова, П.А. Дульнева, И.В. Бочарникова. М.: Издательство «Экон-Информ», 2022. С. 149–163.

7. Костина А.В. и др. Культура как фактор национальной безопасности современной России. Значение и ролевая модель: монография. М.: Издательство «ЛЕНАНД», 2021.

8. Коротаев А.В. Катализаторы политических переворотов. От акций протеста к смене власти. Анализ и моделирование процессов дестабилизации на примере модернизирующихся социально-политических систем: монография. М.: Издательство «Едиториал УРСС», 2021.

9. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2021.

10. Маслов О.Н. Инфокоммуникационные технологии в «мягких» конфликтах XXI века: монография. М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2020.

11. Материалы экспертных оценок и прогнозов российских политологов международной политики и хода специальной военной операции Российской Федерации на Украине в телепередаче «Большая игра» Первого канала. Эфир от 31.08.2022 г. [http:// https://www.1tv.ru/shows/ big-game/vse-video/31.08.2022](http://https://www.1tv.ru/shows/big-game/vse-video/31.08.2022).

12. Новиков В.К. «Дранг нах Остен» – сценарии информационных войн в действии: монография. М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2021.

13. Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Убеждающее воздействие в сфере делового общения: монография. М.: Издательство «ИНФРА-М», 2022.

14. Панарин И.Н. Информационная война и коммуникации: монография. М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2019.

15. Пугачёв В.П. Управление свободой: монография. М.: Издательство «ЛЕНАНД», 2017.

16. Савин Л.В. Стрелы кентавра. Кибервойна по-американски: монография. М.: Издательский дом «Кислород», 2020.

ТЕХНОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ, ПРИВЯЗАННЫХ К ПОЛИТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫМ СОБЫТИЯМ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Стригунов Константин Сергеевич

В данной работе рассматриваются информационные операции как часть информационной войны [1] с привязкой к конкретному событию, имеющему большое социально-политическое значение. Проведению подобного рода операций способствует тот факт, что в момент события (например выборов и т.п.) общественно-политическая система объекта-мишени переходит в нестабильное, подобное кризису состояние. Ставки растут, а потому динамика событий нарастает не только в количественном отношении, но и в качественном, особенно при появлении новых (например внешних), дестабилизирующих факторов – пандемии, мирового экономического кризиса, военной угрозы и т.п. Именно в этих условиях появляется возможность сравнительно незначительным воздействием, не требующим серьезных ресурсозатрат, ощутимо повлиять на результат события.

Это становится возможным именно вследствие перехода системы в нестабильное состояние, когда даже единичный вброс, совершенный в нужный момент и с правильно выбранным содержанием, способен на выходе дать мощный эффект, который может усилиться, если сделана серия вбросов.

Когда такого условия (события) нет, а система находится в сравнительно стабильном состоянии (без социально-экономического и политического экстремума), то вероятность достижения схожего эффекта кардинально падает. Для влияния на процессы внутри политической системы государства при таких условиях нужны многоходовые, сложные и ресурсозатратные операции уровня «Дело об отравлении Скрипалей» [2, 3]. Только в этом случае возникают серьезные шансы на успех, когда продуманная, тщательно спланированная многоэтапная операция вскрывает защитные рубежи (информационную оборону) объекта-мишени и меняет его поведение в соответствии с замыслом осуществляющего эту информационную операцию субъекта.

Чаще всего инициаторы вброса не обладают мощными ресурсами, поэтому всерьез они могут рассчитывать на результат, только если будут действовать путем составления вброса с тщательно продуманным содержанием и не менее тщательно продуманным временем и алгоритмом его внедрения в информационное поле. О теоретических и практических аспектах проведения такого рода операций далее пойдет речь.

1. Теоретические аспекты

Внедрение вброса обладает некоторыми особенными свойствами, и в зависимости от условий различаются способы его эффективного отражения. Среди способов внедрения вбросов в информационное поле можно выделить два основных:

1) Единичный вброс (или как часть многоходовой комбинации) может осуществляться без привязки к какому-либо социально-политически значимому событию с целью нанести урон объекту-мишени путем оказания на него необходимого влияния. Тогда вброс распространяется в сети и СМИ, модифицируется, усиливается и в определенный момент исчерпывает свой потенциал. В случае многостадийных сложных информационных операций воздей-

ствие идет с повышением ставок и каждый раз наносит все большее воздействие на объект-мишень, что сопровождается политическими и/или иными негативными последствиями для него. Однако в случае грамотных действий объект-мишень (его система информационной обороны) в состоянии эффективно отразить вброс, информационную атаку или информационную операцию. Здесь не будут рассматриваться меры противодействия им; лишь констатируем, что это возможно. Однако существует условие, которое существенным образом осложняет защиту и снижает эффективность отражения вброса. Таковым условием как раз и является наличие привязки к конкретному социально-политически значимому событию.

2) Привязанный к конкретному событию вброс опасен тем, что если точно рассчитать его время внедрения в информационное поле и правильно составить его содержание, т.е. политически и информационно-психологически выверено, с учетом организационных, культурных и административно-бюрократических особенностей государственной и общественной системы, в которой находится объект-мишень, то существуют способы резко снизить возможности объекта-мишени по эффективному отражению такого вброса. Всё дело в том, что мгновенно отразить подобную атаку чрезвычайно сложно; ее нужно вовремя зафиксировать, дать ей оценку, продумать и согласовать ответные действия с последующим их осуществлением. Зачастую этому мешают сугубо человеческие и организационные факторы, как, например:

- банальное разгильдяйство;
- слабая (постоянная или ситуационная) согласованность действий элементов системы защиты объекта-мишени;
- длинное «плечо доклада» (значительное количество иерархических уровней ведомства, которое отвечает за информационную оборону, что приводит к запаздыванию управляющих команд с самого высокого уровня органи-

зации, вследствие чего они слишком поздно доходят до исполнителей, ответственных за непосредственное противодействие вбросу);

- боязнь конкретным ответственным лицом (или лицами) взять на себя инициативу и нести ответственность за успех или провал контрмер.

Есть и другие факторы, но это не главное. Важно то, что всегда существует время реагирования на вброс²⁴. Следовательно, должно существовать условие, при котором возможно быстро и с положительным результатом прервать вброс, перехватив повестку дня в информационном поле, тем самым нейтрализовав негативное воздействие от вброса. Не вызывает сомнений, что время эффективного отражения вброса (для 2-го типа условий, т.е. с привязкой к конкретному политически значимому событию) должно быть строго меньше времени между моментом вброса и конкретным событием. Далее это время будет именоваться *операционным интервалом*, определяемым как время от момента вброса до события, на которое этот вброс должен повлиять. Из сказанного следует важное условие:

$$T_{эо} < T_{ои}, \quad (1)$$

где $T_{эо}$ – время эффективного отражения вброса, а $T_{ои}$ – операционный интервал.

В течение операционного интервала осуществляется информационно-психологическое воздействие на должностных лиц, представителей СМИ, общественных деятелей, население и пр., являющихся элементами политической, административной и об-

²⁴ Вариант, в котором вброс перебивается *случайным* и чрезвычайно резонансным по своему характеру событием, затмевающим эффект от вброса, здесь не рассматривается.

щественной системы, в которой находится объект-мишень. Диапазон целей такого воздействия может быть чрезвычайно широким – от кардинального изменения поведения конкретного должностного лица до инициации внутриполитического кризиса в интересах инициатора вброса.

Отражение вброса не может быть эффективным, когда оно осуществлено после или строго во время прохождения события, но при условии, если само событие имеет критически важное значение. Иными словами, если вброс оказал воздействие на само событие, то любая последующая реакция объекта-мишени (опровержение, отрицание, перебивание повестки дня контрвбросами, комбинациями всего перечисленного и т.п.) не будет иметь никакого значения. Это объясняется тем, что оказанное вбросом влияние на событие вызовет прежде всего политические последствия, которые нельзя отыграть назад в рамках существующих правил. Например, в случае с выборами в государстве это означает, что после них нельзя устроить перевыборы, отменив предыдущие. Этот фактор – крайне важный, и он имеет принципиальное значение для инициатора вброса вследствие двух аспектов:

1) при условии грамотного выбранного времени и содержания вброса, привязанного к конкретному событию (например, к выборам), у объекта-мишени резко снижаются возможности для эффективного отражения вброса, поскольку он ограничен датой события – с одной стороны, а с другой стороны, дефицит времени и фактор неожиданности вынуждают ответить на вброс без достаточной проработки, что повышает риск допустить ошибку и не отразить вброс, а напротив, усилить его непредуманными действиями;

2) поскольку вброс привязан к событию, когда система находится в нестабильной, разбалансированной фазе, это дает возможность добиться значимого эффекта (например, дезорганизации выборов) при скромных ресурсозатратах.

Однако второй тип условий (вброс с привязкой к конкретному событию) имеет еще одну особенность. Дело в том, что с высокой долей вероятности сам по себе вброс не сможет вызвать мощный общественный резонанс, непосредственно оказывающий дезорганизующее воздействие на событие (например, процесс выборов). Причина тому состоит в том, что у инициаторов вброса, действующих с ограниченными ресурсами, элементарно не будет мощного информационного усилителя, который и создал бы необходимый общественный резонанс от вброса, чье назначение состоит в оказании дезорганизующего воздействия на значимое событие. В таком случае момент достижения общественного резонанса – *кульминации* – и момент вброса не совпадают между собой. Возникает эффект расщепления, а неравенство (1) модифицируется и приобретает следующий вид:

$$T_{\text{зо}} < T_{\text{ои}} + T_{\text{вн}}, \quad (2)$$

где $T_{\text{зо}}$ – время эффективного отражения вброса, $T_{\text{ои}}$ – операционный интервал, а $T_{\text{вн}}$ – время нарастания, т.е. время между моментом вброса и кульминацией, в течение которого происходит нарастание общественной реакции («нагоняется волна») на вброс, апофеозом которой и становится кульминация (поднятый вбросом шум достигает пика). После этого немедленно начинается операционный интервал, когда вызванный общественный резонанс непосредственно и значимо влияет на общественно-политическую систему, частью которой является объект-мишень, с тем чтобы изменить событие в соответствии с замыслом инициатора вброса. В этом случае операционный интервал $T_{\text{ои}}$ следует отсчитывать не от момента самого вброса, а от кульминации до момента события.

Приведем пример. Перед выборами президента 2016 года тогда еще директор ФБР Джеймс Коми сделал заявление о новых шагах в расследовании дела об электронной переписке экс-госсекретаря

Хиллари Клинтон. Само заявление было изложено в письме Конгрессу, и примечательно то, что его содержание стало известно за 11 дней до выборов 2016 года (тогда они состоялись 8 ноября) [7, 8]. Этот фактор оказался чрезвычайно значимым; не зря сторонники Клинтон впоследствии назвали действия Коми «политическим убийством», ведь Х. Клинтон проиграла выборы, и письмо директора Дж. Коми здесь сыграло не последнюю роль. В этом случае момент вброса и кульминации практически совпали между собой по одной простой причине: Дж. Коми, в силу занимаемого им высокого поста, сам по себе являлся мощным резонатором. Как только в СМИ узнали о его уведомительном письме Конгрессу, это немедленно вызвало эффект разорвавшейся бомбы. У инициаторов вброса своего Коми, скорее всего, не будет, поэтому эффект разорвавшейся бомбы практически гарантированно не может быть достигнут в момент вброса; к нему нужно идти с помощью определенного алгоритма действий, последовательности шагов (как минимум, в течение времени нарастания и, вероятно, после него), о чем подробнее будет сказано ниже на примере конкретной технологии.

Полагаем, оптимальный диапазон, в который должна попасть кульминация, составляет от 7 до 12 дней до события (например, выборов). Если операционный интервал будет меньше 7 дней, то, вероятно, информационный резонанс не успеет в достаточной степени повлиять на событие в соответствии с замыслом инициаторов вброса. И напротив: если операционный интервал (промежуток между кульминацией вброса и событием) превысит 12 дней, то возникает риск того, что защитные системы объекта-мишени успеют эффективно отразить вброс. Чем больше операционный интервал превысит верхнюю границу в 12 дней, тем больше вероятность эффективного отражения вброса объектом-мишенью, поскольку у него для этого будет больше времени, а значит, и возможностей для анализа ситуации, просчета последствий и осуще-

ствления эффективного контрвброса с целью перебить резонансный эффект от самого вброса²⁵.

С учетом вышесказанного, вброс с целью оказания деструктивного воздействия на событие, вероятнее всего, должен быть осуществлен приблизительно за 8–10 дней до момента, когда он предположительно сумеет вызвать резонансный эффект, т.е. точки кульминации, после достижения которой начнется операционный интервал. Во время операционного интервала достигнутый в точке кульминации общественный резонанс должен будет влиять на общество и политическую среду объекта-мишени до дня события (например дня голосования) включительно. Выбор содержания вброса играет критически важную роль, но здесь мы не касаемся этого вопроса, поскольку он выходит далеко за рамки статьи, в которой речь идет только о технологии внедрения информации резонансного содержания.

Подытоживая, отметим, что ключом к успеху в информационных операциях, привязанных к политически значимым событиям, может быть правильно выбранное содержание вброса, его время внедрения в информационное поле и систематическая работа по усилению его резонансных характеристик через специальную технологию массовой обработки запросами СМИ, чиновников,

²⁵ Существует частный случай, когда отражение вброса контрвбросом (или иной формой эффективного перехвата повестки дня) осуществлено до события, т.е. соблюдается условие (1), однако эффективным оно не является. Такое явление наблюдается тогда, когда контрвброс осуществлен, например, за 1 или 2 дня до самого события. С высокой долей вероятности в таком случае эффективно отразить атаку не получится, поскольку вброс уже окажет нужное его инициаторам воздействие на общественное сознание. Например, в случае с выборами по инерции население будет голосовать с учетом указанного вбросом воздействия. Исключение составляет случайное и экстраординарное событие, вероятность появления которого пренебрежительно мала. Например, новость: «10 апреля 202... года КНДР нанесла ядерный удар по американской базе Андерсен на острове Гуам». В подобном случае вброс перебивается независимо от того, в какой момент произошло это чрезвычайное событие – даже в последний день перед событием, на которое должен был повлиять вброс. Однако в силу крайней малой вероятности этот сценарий можно не учитывать.

оппозиционеров и прочих сил, враждебно настроенных к объекту-мишени. Важно, чтобы такая «бомбардировка» не указывала на:

- а) инициаторов вброса;
- б) государственную принадлежность инициаторов вброса.

Тот факт, что объект-мишень, против которого осуществляется вышеописанный тип информационной операции, лишен временного маневра в защите и ограничен операционным интервалом реагирования делает подобные операции чрезвычайно эффективными с точки зрения соотношения эффективность/затраты. На примере «Дела Диосдадо Кабельо» это было убедительно продемонстрировано. Подобные информационные операции могут быть крайне эффективны и полезны в деле реализации национальных интересов России и ее разведки в отсутствие агентурных источников информации и возможностей для ее технического перехвата.

Литература и источники:

1. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – Горячая линия – Телеком Москва, 2020.
2. Манойло А.В. «Дело Скрипалей» как операция информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета. (Электронный журнал). – 2019. – № 1. – С. 72–97.
3. Басманов А.Е. Проявление информационной войны на примере «Дела Скрипалей». Сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы истории, политики и права». 2019. С. 81–86.
4. Бочарников И.В. Цифровизация в России: проблемы и приоритеты. В книге: Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны и армии Академии военных наук. Москва, 2020. С. 163–170.
5. Манойло А.В., Стригунов К.С. «Венесуэльский прецедент»: как была сорвана попытка очередной «цветной революции // Культурная политика. 2019. № 2.
6. Дело Диосдадо Кабельо. <https://colonelcassad.livejournal.com>.
7. Jacobs B., Siddiqui S., Ackerman S. Newly discovered emails relating to Hillary Clinton case under review by FBI // The Guardian. 2016. October 29. <https://www.theguardian.com/us-news/2016/oct/28/fbi-reopens-hillary-clinton-emails-investigation>.
8. Tau B., Barrett D. FBI Reviewing Newly Discovered Emails in Clinton Server Probe // The Washington Post. 2016. October 28. <https://www.wsj.com/articles/fbi-is-reviewing-new-evidence-in-hillary-clinton-s-email-server-case-1477675549>.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ

Теличко Владислав Иванович

В современном мироустройстве такой механизм, как военно-гражданское взаимодействие (сотрудничество – согласно наиболее часто употребляемой в американской терминологии или военно-гражданское администрирование в российском варианте), крайне востребован и в последнее время начинает интенсивно модернизироваться, а в некоторых вариантах даже происходит гибридизация данного явления.

Если попытаться хотя бы в первом приближении просмотреть статистику военных или региональных вооружённых конфликтов, в которых непосредственно использовались элементы военно-гражданского администрирования, то по основным странам картина представляется следующей:

- США после окончания Второй мировой войны принимали непосредственное участие в 201 вооружённом конфликте, где непосредственно использовались элементы ВГС.
- Российское государство после Великой Отечественной войны принимало непосредственное участие в 39 вооружённых конфликтах (период СССР) и в 12 в период Российской Федерации.

- На сайте ООН есть описание аналогичной деятельности (в той или иной мере с участием этих элементов) общим числом 69 случаев.

Практически все страны мира, в которых происходили такие события, имеют свою практику и свои особенности применения и адаптации механизмов военно-гражданского взаимодействия, исходя из местных условий и собственных задач.

В таких условиях практически все вооружённые силы подавляющего большинства стран по-своему организуют военно-гражданское взаимодействие, начиная с органов местной самоорганизации населения и заканчивая представителями различных международных гуманитарных организаций, а также средствами массовой информации.

Важнейшее и в некоторых случаях критическое значение приобретают правила и инструменты военно-гражданского взаимодействия непосредственно с местным населением для преодоления гуманитарных, социальных и организационных проблем.

Используемые правовые основы, установленные правила и исторический опыт позволяют организовать нормальное сотрудничество военной и гражданской инфраструктуры, при котором современные угрозы безопасной жизнедеятельности мирного населения будут минимизированы.

Рассмотрим наиболее характерные модели военно-гражданского взаимодействия основных стран и организаций, имеющих определенное отношение к конфликту на Украине, в той последовательности, в которой они получили наибольшее публичное освещение и соответствующий анализ.

Проанализируем четыре основные модели:

1. Модель американского военно-гражданского сотрудничества (данная модель применяется также во всём содружестве Североатлантического альянса).

2. Модель, которая используется ООН.
3. Украинский репликативный вариант (гибридизация американской модели с целью создания антироссийского инструмента).
4. Российский вариант военно-гражданского администрирования.

Военно-гражданские отношения в демократических западных государствах обычно рассматриваются в двух основных ракурсах: взаимоотношения вооруженных сил с гражданскими властями и непосредственно с мирным населением в любых оперативных форматах.

Как показывает анализ, наиболее распространённые и углублённые исследования в этой области проводились и поддерживались по следующим направлениям:

- военно-гражданское взаимодействие в ходе полномасштабных войн и локальных конфликтов;
- военно-гражданское сотрудничество на территориях региональных локальных конфликтов, имеющих долгую историю оккупации или аннексии;
- внутривнутриполитическое положение вооруженных сил в ракурсе военно-гражданских взаимоотношений в аспекте контроля над ними в мирное время.

При этом в последние годы в узкоспециализированной литературе, описывающей и исследующей проблемы военно-гражданского администрирования в мирное время, по понятным причинам делается уклон в сторону навязывания односторонней направленности исследований в странах переходного типа (странах бывшего соцлагеря и некоторым странам «третьего мира»).

В вопросах теоретизации и разработки правовых подходов к практике военно-гражданских взаимоотношений США сами себя назначили «законодателем мод» и арбитром в одном лице.

В реальности же на современном историческом этапе США начали использовать элементы гражданско-военного взаимодействия во время Второй мировой войны, лишь когда появились специализированные подразделения по гражданским делам (Civil affairs). Причём данные подразделения были созданы как внеармейская структура, предназначенная для создания контактов и обеспечения взаимодействия между американскими оккупационными силами и гражданским населением в условиях боевых действий. Но на том этапе более глубокой и методической разработки данного направления в США не произошло.

Возвращение к необходимости использования и разработки новых форматов военно-гражданского сотрудничества было вызвано всё более активным участием США в локальных вооружённых конфликтах, особенно после развала Советского Союза. В первую очередь это потребовалось в связи с тем, что в рамках расширения границ всевозможных действий Вооружённых Сил США во всех точках мира стали возникать большие территории с серьёзными гуманитарными проблемами.

Исходя из необходимости, военное руководство США приняло решение о расширении возможностей вооруженных сил, связанных с деятельностью на территориях военных конфликтов за счёт активизации взаимодействия с местным населением в отдельном обособленном формате.

В дальнейшем под влиянием руководства американских вооруженных сил военная командование НАТО практически в полном объёме переняло соответствующий подход в применении элементов военно-гражданского сотрудничества на территориях все более участвовавших локальных военных конфликтов.

В рамках этой деятельности военное командование Североатлантического блока разработало базовую доктрину гражданского военного сотрудничества. Положения данной доктрины в виде рег-

ламентов и стандартов были изложены во всех нормативно-правовых документах Североатлантического блока. Основной период системной и методической работы над данной концепцией прошел с 2008 по 2013 год, когда в завершающих этапах на сессиях руководящих органов НАТО были приняты основополагающие документы, которые определяли и регламентировали все аспекты сотрудничества военных и гражданских участников процессов, происходящих в зонах вооружённых конфликтов.

Данная доктрина получила официальное название CIMIC (Civil-Military Cooperation – в переводе: военно-гражданское сотрудничество). Суть системы военно-гражданского сотрудничества в американской и натовской моделях, согласно данной доктрине, заключается в установлении обеспечивающего сотрудничества в интересах решения военных задач между командованием сил НАТО и гражданскими структурами, включающими местное население, органы местной власти, международные неправительственные организации, а также государственные учреждения и частные компании.

В базовых положениях доктрины НАТО CIMIC определены три основные функции CIMIC, а именно:

1. Поддержка сил: любая деятельность, направленная на создание поддержки вооруженных сил со стороны коренного населения.

2. Военно-гражданская связь: координация и совместное планирование с гражданскими агентствами в поддержку военной миссии.

3. Поддержка гражданской среды: оказание любой из разнообразных форм помощи (экспертные знания, информация, безопасность, инфраструктура, наращивание потенциала и т.д.) местному населению в поддержку военной миссии. [1]

В результате в большинстве армий НАТО есть солдаты, специально обученные и работающие в CIMIC. В то же время большинст-

во военнослужащих, участвующих в повседневных операциях, занимаются некоторыми делами CIMIC. CIMIC работает как множитель силы. Например, выстраивая отношения с должностными лицами неправительственных организаций или местными властями, персонал CIMIC может узнать о конкретной угрозе для миссии. При этом у них есть возможность предупредить командира, который затем может развернуть ресурсы для борьбы с угрозой. Вместо того чтобы размещать патрули на каждом углу, доступ командира к информации, собранной командами CIMIC, позволит ему нанять меньшее количество солдат и использовать солдат, которые у него есть в других областях. [1]

Милитаризация миротворческих, гуманитарных и других операций, в которых использовались инструменты военно-гражданского администрирования, наиболее отчетливо проявилась в ходе операций НАТО на Балканах – в Боснии, Албании, Македонии и Косово.

В практическом многолетнем опыте США и НАТО военно-гражданское администрирование во всех без исключения операциях применялось как вспомогательная (обеспечивающая) функция, безоговорочно подчиненная военным задачам альянса.

При этом в своих действиях структуры США и НАТО, организовывая иерархию военно-гражданского сотрудничества, выстраивают свою модель на условиях **интернационализации процесса**, поскольку общая теория и устремление данных процессов со стороны Соединенных Штатов практически всегда направлена **вне границ** собственного государства на территории, которым Соединенные Штаты хотят навязать свои демократические нормы существования, то есть, по сути, эти действия имеют характер **интервенции**.

Если ранее полный комплекс таких действий финансировался в основном за счёт американского бюджета, то в последнее время подход к финансированию изменился: требования американской стороны к своим союзникам по Североатлантическому блоку вклю-

чает необходимость обязательного совместного финансирования по организации как структур, так и по обеспечению всей оперативной деятельности системы военно-гражданского сотрудничества.

Общая архитектура управления военно-гражданским сотрудничеством в США и НАТО жестко структурирована и представляет собой, по сути, отдельное военное командование.

Острая публичная необходимость в камуфлировании своих военных устремлений под миротворческие гуманитарные операции или действия невоенного типа вынудили руководство НАТО к публичному представлению огромного количества нормативно-правовых документов, описывающих свою военную активность исключительно в миротворческой терминологии, в том числе в терминологии военно-гражданского сотрудничества на территориях локальных конфликтов.

Несмотря на огромное количество вышеуказанных нормативно-правовых актов, регламентов и стандартов, тем не менее можно сделать промежуточное заключение, что общемировые подходы к организации гражданско-военного взаимодействия основываются не только на натовской модели.

Целесообразно также проанализировать альтернативный западный подход к формированию моделей гражданского и военного сотрудничества. В первую очередь следует рассмотреть постоянно формирующуюся модель гражданского военного сотрудничества Организации Объединенных Наций, которая учитывает всесторонний мировой опыт как многочисленных гуманитарных и миротворческих операций, так и последние малоэффективные попытки участия в современных процессах на территории Украины.

На сегодняшний день единое определение гражданско-военного сотрудничества в ООН пока не сформулировано. Но зато есть многолетний опыт и практика миротворческих операций под эгидой ООН.

Историческая ретроспектива и рассмотрение современных процессов, происходящих под эгидой ООН, позволяет отметить, что если на протяжении послевоенного периода использованию военно-гражданского администрирования было присуще более или менее четкое разделение функций между военным и гражданским администрированием, поскольку эти процессы носили узкоспециализированный характер, то с начала XXI века вооружённые силы стали больше доминировать в данных процессах и брать на себя большинство гуманитарных, миротворческих, административно-правовых, технических и других задач.

Учитывая определённую традицию и особенность, что все операции ООН носят невоенный характер, можно заключить, что во всей исторической практике модели ООН присуще исключительно особенности гуманитарных, миротворческих и вспомогательных операций, без прямой военной составляющей.

С учетом появившейся в международной политике тенденции к ускорению деструктивных явлений (сначала в связи с разрушением социалистического блока, а затем и с развалом СССР), проявились серьёзные угрозы возникновения масштабных чрезвычайных гуманитарных кризисов на большей части Европы.

В связи с этими угрозами генеральная Ассамблея ООН в 1991 году приняла резолюцию № 46/182, в которой содержалась просьба к Генеральному Секретарю ООН создать пост специального координатора по оказанию помощи и координации действий в чрезвычайных ситуациях. Для обеспечения такой деятельности координатора ООН в аппарате с апреля 1992 года был создан департамент по гуманитарным проблемам, который номинально возглавлял заместитель Генерального Секретаря ООН. Данным департаментом была поглощена служба по чрезвычайным ситуациям и реагированию на стихийные бедствия. В основу функционала данного департамента была взята деятельность по предотвращению гуманитарных кризисов не природного происхождения.

В ходе усиления деструктивных проявлений межгосударственных отношений после развала Советского Союза, на постсоветском пространстве появились прецеденты, в которых вступали в противоречие действующие модели военно-гражданского взаимодействия западных стран, как это было на примере организации гуманитарной операции со стороны ООН в 1990 году в Югославии. Структуры ООН впервые в своей истории вынуждены были публично сотрудничать с подразделениями НАТО в условиях, когда агрессия Североатлантического альянса против Югославии не имела под собой абсолютно никакого мандата со стороны ООН. Более того, такие действия должны были в обязательном порядке быть узаконены соответствующей резолюцией Совета Безопасности ООН, чего сделано не было. Но прецедент внеправового взаимодействия различных западных моделей военно-гражданского взаимодействия при отсутствии разрешающего мандата ООН был зафиксировано впервые.

Именно поэтому в основу постоянно формирующейся модели гражданского военного сотрудничества ООН на современном этапе легла только одна основная особенность – системный механизм координации гуманитарной деятельности и практика международного использования вооружённых сил разных стран в целях ликвидации гуманитарных катастроф и угроз.

Подразделения и службы ООН на многочисленных международных конференциях и сессиях различных структур ООН постоянно изучают опыт различных стран и международных организаций с целью обобщения практики для более универсального и сбалансированного международного реагирования на гуманитарные угрозы. Именно поэтому ооновская модель гражданского военного сотрудничества в большей мере носит характер миротворческого взаимодействия. Эта модель официально является базовой основой, которая предназначена для применения в зонах региональных вооружённых конфликтов и чрезвычайных ситуаций природного характера, за ис-

ключением операций (после югославского прецедента), где участие структур ООН совместно с подразделениями НАТО преследуют задачи Североатлантического альянса, а подразделение ООН по своей сути играют второстепенную роль, в реальности оказывая только вспомогательное содействие.

Исходя из сложившейся практики и ситуационного своеобразия международных взаимоотношений на площадке ООН, в целом данную модель можно классифицировать по основной задаче: локализация конфликта с целью создания безопасных условий для гражданского населения и разрешения гуманитарных проблем.

Украинский опыт военно-гражданского администрирования с момента антиконституционного переворота строился в основном на реплике натовской модели и прямых указаниях американских и натовских советников. При этом иногда законотворчество и нормотворчество новоназначенной Западом киевской элиты не вписывалось в суверенные конституционные и законодательные рамки. Поэтому зачастую киевское руководство вынуждено было придумывать внеконституционное **особое партнерство** с Североатлантическим альянсом, которое затем трансформировалось в «евроатлантизацию» суверенного законодательства Украины, зачастую вопреки нормам прямого действия Конституции «суверенной» Украины. Как пример: особенно бросается в глаза в 1, 2 и последующих статьях Закона Украины «О военно-гражданской администрации» натовская терминология и формулировка: *«стримування збройної агресії Російської Федерації»* (в дословном переводе: **сдерживание вооруженной агрессии Российской Федерации**). Не «оборона или освобождение страны», а именно «сдерживание», что закономерно вызывает очевидные риторические вопросы: на своей территории? как долго и в интересах кого?

В реальной повседневной практике вся правовая и организационная работа основывалась на официальных директивных

указаниях ОК НАТО в Европе. Практически сразу же после госпереворота при минобороны Украины было создано отдельное управление военно-гражданского сотрудничества, начальником которого был назначен выпускник двух американских военных вузов полковник А. Ноздрачев, который стал широко известен благодаря опрометчивому заявлению в рядовом интервью. Отвечая на вопрос западного корреспондента, А. Ноздрачев сделал следующее заключение: легче договориться с противоположной стороной, чем с собственными националистическими формированиями, поскольку они абсолютно не готовы ни на какие компромиссы и могут общаться только на языке абсолютных ультиматумов. На следующий день его опрометчивое заявление вызвало массовые уличные протесты со стороны националистических батальонов и актива украинских антироссийских организаций, что и привело к его отставке. [2]

Поэтому развивающейся украинской модели присущи все черты и особенности западных вариантов военно-гражданского администрирования, в рамках закреплённого в законе курса на вступление в НАТО и полного перехода всей инфраструктуры страны на стандарты НАТО.

По своей сути **гибридизация** используемой украинской модели военно-гражданского сотрудничества базируется на внедрении в этот механизм двух основных доминирующих задач: использование только националистически устремлённых кадров и исключительно антироссийская пропагандистская направленность.

В отличие от западных моделей, российская модель военно-гражданского сотрудничества и администрирования новых территорий в целом рассматривается именно как **государственная задача** обеспечения безопасной жизнедеятельности населения и создания максимальных условий нормального функционирования всего сообщества.

То есть милитарная составляющая обеспечения военно-гражданского администрирования в российском варианте выступает уже как вспомогательный инструмент, а в качестве основного механизма выступает именно гражданская составляющая.

На фоне западного и мирового опыта особенно очевидна уникальная специфика военно-гражданского взаимодействия в российских операциях, большинство из которых проводятся в зонах локально-региональных конфликтов в сопредельных странах или непосредственно на территории Российской Федерации.

Если в западных и гибридных моделях военно-гражданского сотрудничества определённые задачи, относящиеся к созданию условий безопасности и правопорядка, ставятся чаще всего вооружённым силам или военизированным формированиям, а задачи по восстановлению хозяйственно-экономической структуры местных органов власти и организации гуманитарной помощи населению (в первую очередь – реализация комплекса мероприятий по помощи беженцам и перемещённым лицам) осуществляются большей частью с помощью международных неправительственных и частных организаций, то в российской модели временное администрирование осуществляется всей системой центральной исполнительной власти и охватывает практически все без исключения механизмы обеспечения безопасной жизнедеятельности территории.

Важным принципиальным отличием российской модели от иных является то, что практически все западные страны не имеют специализированных формирований, действующих на постоянной основе и отвечающих за реализацию комплексных мер реагирования на эпизодически возникающие военно-гуманитарные кризисы (исключение составляет вторичная специализация подразделений Национальной Гвардии США на примере подразделений в Калифорнии).

Россия в процессе выстраивания собственной архитектуры, задействованной в решении задач военно-гражданского админист-

рирования, с избытком располагает соответствующими постоянно действующими формированиями и подразделениями из состава МЧС РФ и МВД РФ. Поэтому весь обширный комплекс необходимых мероприятий, направленных на выполнение гуманитарных, технических, спасательных, эвакуационных, организационных и других задач, в том числе по направлению военно-гражданского администрирования, осуществляется именно постоянно действующими профессиональными государственными формированиями. Необходимые правовые основы и нормы, регулирующие данную архитектуру деятельности, закреплены в действующем законодательстве Российской Федерации.

Таким образом, путём долгой эволюции и модернизации Россия создала необходимые суверенные структуры, которые выполняют весь комплекс задач, в том числе и в архитектуре военно-гражданского администрирования, в то время как многие западные страны бросаются заниматься решением данных проблем ситуационно, по мере возникновения соответствующих кризисов.

В целом, в российской действительности: военно-гражданское сотрудничество – это взаимодействие военизированной инфраструктуры Российской Федерации с гражданскими формированиями и населением с целью выполнения задач в области укрепления обороноспособности государства в рамках совместного обеспечения национальной безопасности и безопасной жизнедеятельности населения.

Согласно анализу группы ученых в рамках грантового исследования, «в то же время, помимо ряда важных структурных преимуществ, специфика проблем общественно-государственного устройства России (медленное реформирование и модернизация вооруженных сил и других силовых структур, неэффективность государственной бюрократии, слабое развитие гражданского общества) оборачивается чрезмерно военизированным характером российского участия в опе-

рациях миротворческого типа, слабой координацией действий между различными силовыми подразделениями, недостаточным использованием гражданского потенциала, неразвитостью неправительственного сектора, который пока представлен в основном международными организациями. Все это происходит на фоне явно недостаточного финансирования не только гражданских, но и силовых аспектов операций невоенного типа. Эти проблемы носят хронический характер, связаны с глубинными особенностями российского общества и государства и не могут быть решены лишь на оперативном уровне. Активное внедрение международного – даже самого передового – опыта может несколько улучшить ситуацию в этой области, но не способно ее радикально изменить». [4]

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что даже наши оппоненты признают более совершенную организацию и обеспечение исследуемых процессов и механизмов военно-гражданского администрирования в Российской Федерации по сравнению с западными аналогами.

В целом, опираясь на проведенное исследование моделей военно-гражданского взаимодействия, в той или иной мере участвующих в конфликте на Украине, можно сделать определенные **выводы**:

1. Модель США или НАТО предназначена исключительно для обеспечения боевых действий и имеет характер вспомогательного функционала для собственных боевых подразделений.

2. Постоянно разрабатываемая модель ООН имеет характер миротворческого инструмента и направлена на стабилизацию ситуации в зонах локальных конфликтов с целью предотвращения гуманитарных катастроф.

3. Украинский репликативный вариант модели военно-гражданского сотрудничества полностью создан по стандартам НАТО и его отличительными особенностями являются, в первую очередь,

использование только националистически устремлённых кадров и антироссийская пропагандистская направленность.

4. Российская модель традиционно опирается на государственный подход в обеспечении всемерной безопасности жизнедеятельности гражданского населения, задействуя при этом практически всю архитектуру государственных сил и средств. Другими словами, российская модель военно-гражданского администрирования является государственной задачей.

На основании данных выводов можно сделать следующее заключение, что в российских условиях, особенно учитывая ограниченность финансово-экономических ресурсов, однозначно целесообразнее развивать уже имеющиеся собственные суверенные базовые возможности и модернизировать существующие структуры, а не механически ориентироваться на «модный», но сомнительный западный опыт военно-гражданского взаимодействия в операциях невоенного типа.

Как показывает исторический опыт, наша суверенная самоорганизация при кажущейся вначале медлительности, в завершении всегда демонстрирует уверенный максимальный результат.

Литература и источники:

1. https://ru.wikibrief.org/wiki/Civil-military_co-operation.
2. <https://nv.ua/ukraine/politics/polkovnik-vsu-nozdrachev-skandal-novosti-ukrainy-50059190.html>.
3. Закон Украины «О военно-гражданской администрации» № 141-VIII, принятый Верховной Радой 3 февраля 2015 года.
4. Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М.: «Права человека», 2001. 272 с.
5. Бочарников И.В. Украинский кризис в условиях современных геополитических трансформаций // Вестник Академии военных наук. 2022. № 1 (78). С. 4–12.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕСМОТРА ПОДХОДА К «ФЕЙКОВЫМ НОВОСТЯМ» И К МЕТОДАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Поздняков Евгений Игоревич

Начало специальной военной операции на Украине сделало нашу страну основным объектом информационных атак со стороны коллективного Запада. Значимым инструментом, с помощью которого «недружественные государства» оказывают давление на российское общество, стали «фейковые новости». Данный феномен относительно недавно попал под пристальное внимание политологов со всего света: точкой «отсчета» принято считать президентские выборы 2016 года в США [1]. За столь небольшие сроки исследования, конечно, практически невозможно выработать общепринятые теоретические подходы даже к конкретизации самого понятия «фейковых новостей». Тем не менее это не мешает им становиться все более опасным оружием, применяемым в рамках информационной войны. Отечественным специалистам, волей судьбы оказавшихся на передовой «интернет-баталий», необходимо «учиться на ходу», стремиться опережать в своих работах западных коллег. Сегодня сфера «фейковых новостей» переросла рамки «научного интереса» десятка исследователей. Последний год отчетливо продемонстрировал, что проблема ложной информации уже является вопросом национальной безопасности, обладающим экзистенциальным характером.

Основные проблемы отечественной политологии в вопросе изучения «фейковых новостей» можно разделить на два уровня: теоретический и практический. Оба находятся в состоянии некоего «единства», в силу чего «пробуксовка» на одном направлении влечет за собой недоработки во втором. Говоря о теоретических проблемах подходов к изучению «фейковых новостей», важно понимать, что общепринятого понятия данного феномена российская наука еще не выработала. Большинство исследователей трактуют «фейковые новости» как ложную информацию, намеренно распространяемую в социальных медиа или с помощью Интернет-ресурсов [2]. Проблема состоит в том, что подобное описание является чересчур широким и объемным. Некоторые политологи пытаются конкретизировать данное понятие. Так, например, в статье К.С. Стригунова, А.В. Манойло и Г. Фэнли «Фейковые новости и технология превентивной делигитимизации выборов» авторы приводят следующее определение: «Фейки – это информационные вбросы, содержащие в себе специально подготовленные сведения провокационного и резонансного характера» [3].

Второй подход представляется более верным в связи с тем, что трактовка «фейковых новостей» исключительно в ключе ложной информации ненамеренно осложняет практические действия по изучению феномена. «Фейки» необязательно содержат исключительно недостоверную информацию. Реальность показывает, что конструкция «фейков» более сложна и неоднозначна. Так, например, злоумышленники могут объединять два события в одном информационном поводе, намекая на незримую связь между ними [4]. Подобную новость не всегда можно описать как ложную, ведь иногда автор не пишет о взаимосвязи самостоятельно, отдавая «домыслы» на долю читателя. Тем не менее подобное служит «исходным кодом» для дальнейших «фейковых новостей», которые уже, в свою очередь, искажают информацию, уводя ее от истины все дальше и дальше.

Характерны и другие приемы при составлении «фейковых новостей». В любой достоверной информации можно найти «сомнительное содержание», концентрация внимания на котором способна существенно исказить восприятие произошедшего события, при этом формально сохранив критерий истинности. Таким образом, можно констатировать невозможность сохранять определение «фейковых новостей» через банальную увязку данного феномена с недостоверным информированием. Между тем, российской законодательство ставит именно характеристику «ложности» во главу угла при работе с указанным понятием. Так, недавняя инициатива Государственной Думы РФ по введению ответственности за распространение фейков о действиях ВС РФ определяет «фейковые новости» именно как «заведомо ложную информацию» [6].

Подобная трактовка в перспективе может вести к проблемам в правовом определении, какую информацию можно считать «фейковой новостью», а какую – нет. В связи с этим необходимо конкретизировать понятие, сделать его более пригодным для политической среды. В настоящее время в работах отечественных ученых превалирует простейшая трактовка «фейковых новостей», под которую подходит любая «газетная утка». В условиях информационной войны упор в данном понятии должен делаться на следующие характеристики:

1. Провокационное содержание новости, воздействующее на эмоциональное состояние читателя.
2. Намеренная нефактологичность описания события, приводящая к дальнейшей модификации и распространению новости пользователями.
3. Направленность «фейковой новости» на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в стране, а также на перестроение мнения общества конкретного государства.

Для подчеркивания политологической сути изучаемого понятия и отделения интересующего нас феномена от менее значимых «уток» имеет смысл уточнить термин, прибавив к нему эпитет «политические». Таким образом, мы получаем следующую теоретическую конструкцию: «политические фейковые новости – это информационные вбросы, содержащие в себе специально подготовленные сведения провокационного и резонансного характера, обладающие тенденцией к самомодификации и вирусному распространению, а также ставящие своей целью дискредитацию конкретного государства или его политического деятеля».

Подобная формулировка максимально отражает те черты данного феномена, которые интересуют отечественных исследователей. Помимо этого, она наиболее четко подходит для формирования практических мер по противодействию «фейковым новостям». Акцент на самомодификацию и вирусное распространение позволяет четко продемонстрировать, что объектом информации выступает население. Подобное понимание способствует выработке адекватных действий, направленных на минимизацию ущерба со стороны «фейковых новостей».

Россия обладает достаточно существенным потенциалом для выстраивания более крепкой системы информационной защиты, чем та, которую мы имеем на сегодняшний день. Совместный труд исследователей данного вопроса, коллективная работа административных организаций и гражданского общества способны вывести нашу страну на совершенно иной уровень защищенности перед атаками «фейковых новостей».

Литература и источники:

1. Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Политические науки. 2019. № 2. С. 37–45.

2. Зырянова М.О. Способы противодействия распространению фейковой информации // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6. С. 80–83.

3. Стригунов К.С., Манойло А.В., Го Ф. Фейковые новости и технология превентивной делегитимизации выборов // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 2 (24). С. 98–109.

4. Манойло А.В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3. С. 75–107.

5. Бочарников И.В. Украинский кризис в условиях современных геополитических трансформаций // Вестник Академии военных наук. 2022. № 1 (78). С. 4–12.

6. Вводится ответственность за распространение фейков о действиях ВС РФ. Государственная Дума Российской Федерации: сайт. <http://duma.gov.ru/news/53620>.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН: ДО И ПОСЛЕ КРЫМСКИХ СОБЫТИЙ 2014 ГОДА

Зеленова Владислава Антоновна

В политологической науке существуют различные подходы к хронологическим рамкам существования информационных войн как новой формы противоборства в современном мире. Способы влияния на когнитивную и эмоциональную сферу человеческой жизнедеятельности и методы психологического воздействия на массовое сознание известны с давних пор. Феномен пропаганды активно изучался исследователями на протяжении XX века, но с развитием глобальных систем коммуникации он становится лишь частью сложносочиненной системы информационно-психологического воздействия. Говорить о возникновении информационных войн в их современном понимании и превращении в особый вид вооруженного конфликта следует, по мнению автора данной статьи, с начала XXI века.

Первым прецедентом использования технологий информационно-психологического воздействия (нового поколения) можно считать масштабную пиар-кампанию США, развернувшуюся во время войны в Ираке, распространявшуюся как на собственных граждан, так и на граждан противника. Была разработана особая концепция ведения психологической войны, получившая название

«Шок и трепет». В ней декларировалось, во-первых, использование планового информационного воздействия на различные аудитории: на международное и американское сообщество с одним эффектом и на иракских граждан с другим. Во-вторых, психологическое давление должно быть оказано не только на военнослужащих и командное руководство противника, но и на мирное население. Так, газета «The Washington Post» 3 октября 2008 г. опубликовала объявление о том, что «Минобороны США заплатит частным подрядчикам в Ираке до 300 млн долларов за производство политических материалов, новостей, развлекательных программ и социальной рекламы для иракских СМИ, чтобы привлечь местное население к поддержке США [15]. В-третьих, для достижения поставленных целей вооруженное вторжение на вражескую территорию должно сопровождаться постоянным информационным воздействием. Предтечей гибридизации боевых действий и подобных пиар-кампаний стала война в Персидском заливе (1991), где уже пресса и более примитивные методы пропаганды (листовки, наклейки, громкоговорители) использовались для психологического воздействия в чрезвычайных условиях. «Было сброшено 29 миллионов листовок по 50–60 на каждого иракского солдата, находившегося на тот момент в зоне боевых действий. В результате считается, что от 60 до 80 тысяч солдат сдались именно по причине воздействия на них с помощью таких информационных воздействий» [16]. В то же время телевидение активно использовалось для передачи эмоциональных сообщений, шокирующих американскую публику. Однако важно понимать, что в ходе войны в Персидском заливе монополия на информационную повестку принадлежала каналу CNN – международной службе новостей, а в условиях следующего ирако-американского противостояния была разработана и протестирована *новая тактика* воздействия на общественность. Она заключалась во внедрении журналистов в боевые подразделения, главной задачей которых было конструирова-

ние видимости «реальной» картины иракского фронта; при этом деятельность репортеров жестко цензурировалась. Это производило сильнейшее впечатление на зрителя, а также обеспечивало определённый уровень вовлеченности граждан в текущую военнополитическую ситуацию, так как это был совершенно новый опыт трансляции войны в настоящем времени. «Продуктом операции информационно-психологической войны можно считать сводку новостей СМИ в формате журналистского репортажа» [12]. Также одним из источников информации для журналистов становились специально организованные «утечки», в которых содержались ложные или преувеличенные разведданные. В современной науке такой инструмент носит название «*контролируемой утечки*», осуществляемой спецслужбами через СМИ посредством *вбросов* для легализации нужной информации.

Прямые эфиры, активно транслирующие войну «в реальном времени», создавали символическую картину мира, собственную «версию войны», подсознательно формируя мнение у американских граждан о положительных результатах Иракской кампании. Американскими СМИ активно использовалась спецпропаганда, дезинформация (в особенности о потерях иракских войск), псевдореальные репортажи или *видеофейки*. «Неудивительно, что американские «внедренные журналисты» в попытках сохранить иллюзию «игры» не стремились показывать жертвы военных действий в своих репортажах... половина американских историй с поля боя, в которых освещались военные действия не содержала ни одного кадра с ранеными людьми» [1]. В отличие от американских журналистов, иракские репортеры имели полную свободу в освещении происходящих событий. Реалистичные военные кадры, время от времени проникающие в американское медиапространство, разрушали идеалистическую картину «войны за демократию», создаваемую правительством. Следует сказать, что инфор-

мационный потенциал США был преувеличен, однако целью данной статьи является не оценка результатов деятельности американских властей в Ираке, а анализ инновационных информационно-психологических технологий в созданной пиар-кампании. Таким образом, США впервые были использованы массовые видеофейки, техника освещения войны «в реальном времени» в формате журналистского репортажа, инструмент «контролируемой утечки» и массовая пиар-кампания, сопровождающая военную операцию как до ее начала, подготовив американскую аудиторию к вторжению, так и во время активных боевых действий.

Следующим примером информационного противоборства, в котором комплексно реализовались технологии информационной войны, стала российско-грузинская война 2008 года. Грузинским правительством был грамотно использован период информационной тишины, что помогло перехватить повестку и уже на ранних стадиях войны сформировать образ «России-агрессора» не только в странах СНГ, но и по всему миру. Выигрышным ходом также был допуск западных журналистов на территорию Цхинвала: «Постановочные снимки агентства «Рейтер» облетели весь мир, и западный обыватель в очередной раз содрогнулся при виде свидетельств «бесчинства российских военных» [4]. Следует отметить, что здесь используются те же инструменты, что и в «иракском кейсе»: журналистские репортажи, видеофейки, спецпропаганда, дезинформация, (замалчивание истинной причины войны в Грузии). *Новым* глобальным плацдармом в рамках российско-грузинского противостояния для ведения информационной войны становится *Интернет*. Публикация пророссийской информации на таких платформах как YouTube, RuTube, на различных форумах и в социальных сетях во многом поспособствовала опровержению фейковых новостей и улучшения имиджа России в глазах западной общественности. Также еще одной чертой данного конфликта стало «активное приме-

ние кибератак на грузинские сайты, начиная от нарушения работы путем DDOS-атак и заканчивая взломом и размещением пропагандистских материалов» [6]. Следует отметить, что Россия не предприняла своевременных мер по нейтрализации спецпропаганды, направленной как на грузинских граждан, так и на международное сообщество. В то же время заранее спланированная диверсионно-информационная деятельность оппонента позволила ему сохранить лицо в глазах международного сообщества: «Умело применив современные технологии информационно-психологического воздействия на отдельные группы людей, руководителей государств и массовое сознание, режим Саакашвили сумел избежать осуждения его агрессии и геноцида в ООН и других международных организациях, в общественном мнении на Западе» [4].

Таким образом, к использованию уже отработанных площадок для информационно-психологического воздействия прибавляется новая – интернет, впоследствии ставшая глобальной сетью и главной информационно-коммуникационной средой, вытеснив традиционные СМИ. «Новинкой» этого кейса можно считать создание заранее спланированного сетевого штаба информационно-технологического обеспечения, работа которого показала значимость предварительной подготовки к информационной пиар-кампании. Рост популярности интернета как нового плацдарма для проведения информационной войны зафиксирован событиями «Арабской весны». В странах Ближнего Востока впервые организация массовых протестных мероприятий велась через социальные сети, в то время как легитимность федеральных СМИ снижалась. Инструментарий информационно-психологического воздействия, проверенный событиями Арабской весны, был применен и на Украине. Здесь же на первый план выходит деятельность негосударственных СМИ, публикация ими «как информационных сводок, так и пропагандистских материалов» [5].

Фундаментальным событием с точки зрения эволюции форм и методов информационных операций становятся Крымские события 2014 года. Российская информационная политика и созданная в ее рамках пиар-кампания по вхождению Крыма в состав России оказалась довольно успешной, что стало беспрецедентным событием и поводом для создания совершенно новых форм психологических операций и видов информационных диверсий. «Использование российскими властями определенных информационно-политических технологий в ходе украинского кризиса обсуждалось на международном уровне и даже стало причиной появления в западных странах законодательных инициатив. Подобное внимание к отечественным коммуникациям возникло впервые в истории постсоветской России» [3]. Итак, до Крымских событий любая информационно-психологическая операция выступала частью военной кампании, дополнительным средством психологического воздействия на нужную аудиторию, с целью обеспечения добровольного подчинения противника или же для формирования собственного имиджа. Задачи пиар-кампаний, сопровождающие военные вторжения, были сопряжены *исключительно с военно-политическими целями*, преследуемые в данном конфликте. Каждая информационная операция являлась *уникальной* схемой, сгенерированной в частном порядке, под конкретный случай. Разумеется, один подобный конструкт не являлся универсальным, а на его разработку уходило довольно много времени и ресурсов. Оба этих фактора не позволяли масштабировать информационные операции. Нужен был инновационный подход, отвечающий сиюминутным вызовам. Абсолютно новой страницей в истории информационных войн становится «*Панамское досье 2016*» – первая информационная операция нового типа, основанная на простой двухступенчатой схеме: вброс – период «информационной тишины»; при этом подобная цепочка может повторяться необходимое количество раз, формируя определенные циклы.

Она становится универсальным конструктом для последующих информационных операций и позволяет внедрить их как в плановую государственную политику, так в повседневный медиа-оборот. «Промышленный же подход, в свою очередь, привёл к унификации и стандартизации организационно-технологических схем информационных операций, которые в итоге дали одну единственную универсальную базовую схему, появившуюся у американских спецслужб предположительно к лету 2015» [10]. Суть «Панамского досье» заключается в дискредитации высокопоставленных лиц разных стран путем публикации и тиражировании провокационных материалов. Подобное мероприятие представляло собой масштабную утечку конфиденциальных документов, попавших в руки журналистов-расследователей. Обвинения в регистрации офшорных компаний и проведении многомиллионных теневых финансовых операций заставили фигурантов информационной операции реагировать (причем не в выгодную им сторону) публично: извиняться, оправдываться, что лишь усилило задуманный эффект. К задействованным лицам уже приклеился нужный негативный «ярлык»; фактически человек, поддающийся панике и стрессу, начинает дискредитировать сам себя путем публичной эмоциональной реакции и экспрессивными необдуманными поступками. Это мероприятие можно было считать окончательно успешным, после того как «премьер-министр Исландии был вынужден подать в отставку» [13], не выдержав травли. Пройдя эмпирическую проверку с положительным результатом, данная информационная операция стала шаблонной для проведения последующих. Каждая новая операция выстраивалась на базе «Панамского досье» с добавлением новых техник и приемов, усложняя и модифицируя классическую схему, неизменной в этом случае осталась лишь базовая цепочка: вброс – период «информационной тишины». Последующие операции, такие как «Допинговый скандал WADA», «Дело об Аргентинском кокаи-

не», также были направлены на дискредитацию высокопоставленных лиц, путем обвинения в незаконной деятельности, с целью формирования негативного образа руководства РФ как на международной арене, так и перед российским обществом. Во всех вышеперечисленных операциях используется *«пассивная тактика»*, предполагающая вбросы заранее смоделированной информации в определенный момент с необходимыми временными промежутками.

Следующим этапом эволюции информационных операций следует считать новую *«активную тактику»*, впервые примененную в «деле Скрипалей». Она заключается в считывании реакции на вброс в период «информационной тишины», с последующей корректировкой действий, в зависимости от шагов, предпринятых лицами, против которых направлена информационная атака: «Применение этого метода на практике предполагает выманивание противника на предлагаемую ему информационную «приманку», провоцирование противника на неосторожные, эмоционально окрашенные заявления, сделанные «в запале», и затем разоблачение предлагаемых противником «объяснений» той или иной ситуации – с обязательным уличением противника во лжи» [9]. Подобная стратегия предполагает появление неожиданных эффектов и не гарантирует ход по заранее спланированному сценарию, однако способствует максимально живой реакции на происходящие события, что *актуализирует* последующие информационные атаки и дает возможность в режиме «реального времени» выстраивать необходимые уловки. По «активному сценарию» также были реализованы «Пражское дело 2020», «дело Марии Бутиной». Операции типа «Панамского досье», хоть и стали *инструментально-технологической базой* для проведения информационных операций нового типа, на данный момент уже теряют свою актуальность. На передний план выходят операции, имеющие сложнейшую разветвленную структуру, каждая из ветвей которых преследует определенную тактическую задачу, реализация кото-

рых в конце складывается воедино, образуя прочную стратегическую линию их конвергентной «сборки». По мнению автора данного исследования, это является совершенно новым уровнем развития информационных операций, усовершенствование которых имеет безграничный потенциал.

Таким образом, информационная война прошла сложный эволюционный путь: от методов примитивной военной пропаганды до вариативных сложноструктурированных информационно-психологических операций. Впервые отработанная в «Панамском досье» универсальная схема: вброс – период «информационной тишины», стала инструментально-технологической базой для информационных операций нового типа. Разработка этого конструкта позволила увеличить частоту проведения подобных мероприятий, поставить их на поток и реализовать массовое производство. Если же раньше информационная война выступала частью вооруженного конфликта, то в современном мире она приобретает форму коммуникативной технологии постоянного воздействия.

Литература и источники:

1. Бедрань В.В. Механизмы информационной войны США против Ирака в начале XXI в // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 7 (87).
2. Бочарников И.В. Украинский кризис в условиях современных геополитических трансформаций // Вестник Академии военных наук. 2022. № 1 (78). С. 4–12.
3. Зайцев И.О. Российская информационная кампания в период вооруженного противостояния на востоке Украины в 2014–2015 гг. // РСМ. 2018. № 3 (100).
4. Кадырова Ш.Н. Информационная война в период Южноосетинского конфликта. Противостояние СМИ России и Запада // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2010. № 3.
5. Качмазова З.Н. Информационно-психологические войны: из истории возникновения и развития методов их ведения // Научная мысль Кавказа. 2012. № 3.
6. Курилкин А.В. Особенности организации и проведение информационно-психологических операций в международных отношениях и международных конфликтах. // Международные отношения. 2015. № 2.

7. Курилкин А.В. Современные подходы к ведению информационных войн // Международные отношения. 2014. № 1.
8. Курилкин А.В. Эволюционное развитие психологической борьбы: от пропаганды к психологическим операциям // Международные отношения. 2014. № 3.
9. Манойло А.В. «Дело Скрипалей» как операция информационной войны // Вестник МГОУ. 2019. № 1.
10. Манойло А.В. Вооруженный мятеж в Украине: волна цветных революций идет на Россию // Мировая политика. 2014. № 3.
11. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник МГОУ. 2021. № 1.
12. Манойло А.В. Психологические операции США в Ираке // Космополис, 2008. № 1.
13. Манойло А.В. Эволюция информационных операций // Вестник МГОУ. 2021. № 4.
14. Новгородова А.И. Освещение войны 2003 года в Ираке в материалах «Нью-Йорк таймс» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 3.
15. Почепцов Г.Г. Пропаганда и контрпропаганда. М.: Центр, 2004.
16. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: «Рефл-бук», 2000.

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: АНАЛИЗ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ ПЕРИОДА СВО НА УКРАИНЕ

Макашова Валерия Валерьевна

Ложь во все времена была верной спутницей человечества. Однако в эпоху постправды количество и качество дезинформации кардинально изменилось. Новые медиа стали играть существенную роль в установлении информационной повестки, девальвируя факты и обуславливая новое качество медиаэффектов. Цифровая среда, в свою очередь, вызвала взрывной рост новых медиатехнологий, используемых фейкмейкерами. В таких условиях дезинформация, меняя социальные ориентиры и систему ценностей, превратилась в новую парадигму информационной эпохи и опасную угрозу для человечества.

В наши дни изменились представления о дезинформации как средстве информационной войны. Так, в период Специальной военной операции (СВО) ВС РФ на Украине советник главы офиса президента Украины М. Подоляк назвал дезинформацию Киева частью информационно-психологической операции с целью деморализации российской армии. Однако по факту дезинформационные стратегии Украины сегодня направлены не только на военнослужащих, но и на гражданское население. Дезинформация, попадая в сеть, становится неконтролируемой, в считанные секунды она спо-

собна облететь земной шар, обрушиться на мировое сообщество и изменить картину мира. Данное обстоятельство позволяет рассматривать ее как новый вид оружия массового поражения, эффективной защиты от которого на сегодняшний день, к сожалению, не существует.

В настоящее время в научном сообществе всё больше актуализируется проблематика, связанная с распространением дезинформации в медийном пространстве. Наблюдается интерес к ней представителей различных научных направлений.

Основные научные подходы к исследованию фейков. Оценивая степень разработанности темы в научной литературе, следует отметить, что сегодня в науке имеется значительный пласт работ, посвященных дезинформации. Интерес к данной проблематике актуализировался в последние несколько лет и носит междисциплинарный характер [9, 51].

Особое внимание проблеме уделяет **политическая наука**. Феномен фейковых новостей стал особенно интересен политологам после того, как во время президентской кампании в США в 2016 г. фейки, дискредитировавшие кандидата Хилари Клинтон, якобы стали одной из причин ее поражения на выборах, в то же время победивший кандидат Дональд Трамп также обвинял СМИ в распространении фейков. Стало очевидно, что ученые недостаточно знают о феномене фейковых новостей. Между тем, со временем проблема обрела новые грани.

Сегодня политологи занимаются изучением сущности и содержания этого феномена, влияния фейков на современные политические процессы, их использования в современных политических кампаниях и пропаганде, их влияния на политическую повестку. В свете последних военно-политических событий особое звучание приобретают исследования фейков как инструмента информационно-психологических войн и информационных операций [8]. В наши

дни фейковые новости закономерно рассматриваются в качестве объекта политологического анализа.

Социологическая наука интересуется данной проблематикой в связи с тем, что фейки используются как мощное средство манипулирования общественным сознанием. Манипулятивное воздействие осуществляется целенаправленно и скрытно; оно содержит алгоритмы программирования как мышления, так и восприятия и поведения. Информационные потоки, обрушивающиеся на массовое сознание, лишают человека возможности их критической оценки, оставляя ему лишь пассивную роль [5].

В условиях активного применения новых медиатехнологий дезинформация становится опасным инструментом воздействия на массовое сознание граждан, с ее помощью конструируется новая социальная реальность, меняются социальные установки, формируются новые системы идеи и ценностей.

Юридическую науку данная проблема интересовала до недавнего времени лишь в направлении разработки механизмов защиты общества от диффамации. Однако в связи с тем, что в последние годы в нашей стране и за рубежом были приняты нормы, предусматривающие юридическую ответственность за распространение фейков, в науке появилось большое число исследований, сфокусированных на правовом регулировании данной сферы.

Правоведы исследуют особенности регулирования распространения недостоверной информации в российской и зарубежной практике, нормативно-правовые акты и правоприменительную практику [14]. Речь идет о существовании фейков как правового феномена, основных тенденциях и направлениях развития правового регулирования фейковых новостей на современном этапе. Следует подчеркнуть, что понятия «дезинформация», «фейки» не являются дефинициями юридической науки, в связи с чем требуется разработка корректного понятийного аппарата.

Интерес **психологической науки** к проблеме дезинформации связан, прежде всего, с тем, что фейковые новости, как правило, оказывают сильное – а нередко шокирующее – воздействие на эмоциональную сферу. Природа фейков такова, что в их основу закладываются страхи, домыслы, слухи, провокации. Задача фейкмейкера – вызвать острый общественный резонанс, поэтому дезинформационный контент преследует манипулятивные цели (подорвать доверие к власти и СМИ, спровоцировать социальную напряженность, вызвать протестные настроения и т.д.), в связи с чем психологи занимаются исследованием эмоциональной составляющей распространения фейков и возникающих социальных эффектов (нарастание тревожности общества, ожидание сенсаций и т.д.).

В частности, в социальной психологии существует направление, связанное с психологическими манипуляциями в социальных сетях и Интернет-СМИ [10]. Изучаются психологические эффекты влияния, формирование негативных коллективных эмоциональных состояний, взаимосвязь отношения к дезинформации и индивидуально-психологических, социально-психологических характеристик личности, факторы, влияющие на уровень защищенности личности от негативного информационно-психологического воздействия, психотипы потребителей фейковых новостей.

Педагогика обращена к проблемам дезинформации в русле возможностей медиаобразования, а именно: разработки методик развития критического мышления, формирования основ медиабезопасности и укрепления медиаиммунитета.

Проблема формирования медиаиммунитета особенно актуальна для поколения советской эпохи, представителей которых воспитывали на принципах правдивой, социально ответственной журналистики, учили доверять печатному слову, ведь в отличие от западной журналистики, в нашей стране долгое время проблемы «fakenews» вообще не существовало [7, 272]. Несмотря на возмож-

ности цифровой эпохи, новое поколение, в особенности представители профессий, не имеющих отношения к медиа, также нередко демонстрирует беспомощность перед мощными и неконтролируемыми информационными потоками. У аудитории появляются неадекватные формы защиты: избегание, отрицание, регресс, приводящие к потере доверия к источнику информации, блокировке конструктивного мышления [4, 56]. Укреплению медиаиммунитета способствует развитие критического мышления и медиагигиена.

Закономерно, что **филологическую науку** интересует текстовая сторона рассматриваемой проблемы, объектом становится фейк в медийном дискурсе. Ученые озабочены поиском эффективного алгоритма распознавания фейков на лингвистическом уровне [6]. Исследуются языковые особенности фейковых публикаций, объективные экстралингвистические и лингвистические маркеры фейков в медийных текстах [11]. Например, текстовыми маркерами фейка являются: наличие информации, вызывающей сильные эмоции (испуг, страх, возмущение), анонимная атрибуция информации, цитирование третьей стороны без указания на источник, навешивание ярлыков, использование «манипулятивной семантики», оценочные суждения в интересах авторов публикации и т.д. [16].

Интерес представляет большой пласт работ, которые условно можно отнести к «**теории медиа**» или «**теории коммуникации**», то есть той междисциплинарной области научного знания, объектом которой является фейк как медиаявление. Интерес ученых обращен к вопросам возникновения и распространения фейковых новостей в современном медиапространстве. В центре внимания исследователей – природа происхождения фейковых новостей, причины их возникновения, подходы к проверке фактов в журналистике [13]. В эпоху постправды новые медиа существенно изменили модель медиасистемы, превратились в производителей информационного и дезинформационного контента. В связи с чем ученые обратились к

исследованию механизмов распространения фейков в социальных сетях, типам потребителей дезинформационного контента [17]. Особое значение в контексте предлагаемого нами подхода имеют работы об актуальных коммуникационных и медийных технологиях [12].

Особо следует сказать о **военной науке**, которая изучает дезинформацию в условиях военного конфликта. Попадая в сеть, она способна облететь земной шар, обрушиться на мировое сообщество и изменить картину мира. Данное обстоятельство позволяет рассматривать ее как новый вид оружия массового поражения [3].

Кроме того, в связи со сложностью объекта изучения появляются междисциплинарные подходы (социально-психологический, юридико-лингвистический, психолого-лингвистический и т.д.). Так, фейковая информация рассматривается как разновидность социальной информации [1], исследуются признаки фейковой информации, необходимые при лингвистической экспертизе текстов [16].

Несмотря на большую «литературу вопроса» и сложившиеся в науке подходы, очевидно, что многим насущным вопросам уделяется недостаточное внимание. В их числе – исследование медийных технологий создания дезинформационного контента, разработка актуальной классификации, способной послужить фундаментом для концепции противодействия фейкам в современном медиапространстве. Под медийными технологиями мы понимаем совокупность методов и инструментов, используемых для создания фейков, позволяющих выделить их в отдельную группу.

Эмпирической базой исследования послужили медиатексты, распространяемые в российском медийном пространстве в период СВО на Украине и содержащие признаки дезинформации. Преимущественно исследовался контент зарубежных СМИ, в числе которых – как топовые мировые медиа, так и СМИ, успешно задающие информационную повестку: Euronews, New York Post, Daily Mail,

Washington Examiner, Mirror, The Sun, Financial Times, The Times, La Stampa, Daily Star, Newsweek, France 24, News of Canada, El Mundo, Україна 24 и другие. В связи с тем, что в современном медийном пространстве площадками для распространения фейков становятся так называемые новые медиа, изучался контент социальных сетей (Twitter, Facebook*, Instagram*, Telegram-каналов, ВКонтакте), YouTube, Wikipedia, а также сообщения, распространяемые с помощью мессенджеров. Выборку составил контент, направленный на российского потребителя.

Мы изучили частотные и яркие с точки зрения социальных эффектов технологии создания дезинформационного контента. Проведенный мониторинг показал, что в условиях военно-политического кризиса для изготовления дезинформационного контента используется широкий арсенал различных технологий, который постоянно пополняется. Этот контент нуждается в систематизации и описании, прежде всего, в целях выработки стратегии противодействия дезинформационным операциям, для повышения уровня медийной грамотности и безопасности общества.

В современном медиапространстве, помимо уже известных медиаспециалистам технологий создания дезинформационного контента (подмена, фальшивые источники информации, городская легенда, фальсификация истории, ложные цитаты, постановки и т.д.), сегодня активно используются новые, пока детально не изученные. В числе таковых можно выделить две группы. Первая группа – фейки, которые стали возможны благодаря развитию цифровизации (дипфейки, «фотожабы», киберфейки). Вторая – фейки, появившиеся по причине распространения новых форматов коммуникации (фейки-мемы, пранки, троллинг). Особо, на наш взгляд, следует

* Запрещенная соцсеть в РФ; принадлежит корпорации Meta, деятельность которой по реализации продуктов социальных сетей запрещена в РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

рассматривать дезинформационный контент, распространяемый на площадках Wikipedia и YouTube.

Популярным инструментом фейкмейкера сегодня являются **фото- и видеоподмена**. Такие фейки активно публикуются в социальных сетях и имеют характер «вбросов»: распространяются стихийно, без указания на источник. Например, в сети «ВКонтакте» распространялся и «благодаря» провокативности стал вирусным фейк с фотоподменой «Гробы с погибшими на Украине российскими военными разгружают, словно дрова, из кузова грузовика». Фотография была сделана в 2007 г. в рамках мероприятий по захоронению останков немецких солдат, погибших под Ленинградом в ходе Великой Отечественной войны на немецком кладбище в Сологубовке под Санкт-Петербургом. Однако в контексте новостной повестки СВО данная публикация была нацелена на определенный социальный эффект: вызвать панику на почве слухов о многочисленных потерях российской армии.

Данный прием охотно используют СМИ. Так, американский телеканал CNN распространил в Twitter фейковое фото «первого убитого на Украине американца». Общественный резонанс вызвала публикация итальянской газеты La Stampa, в которой фотография из обстрелянного Донецка выдавалась за снимок из Киева. Фото на первой полосе La Stampa демонстрировало последствия обстрела ВСУ в ДНР. Надпись гласила: «Так Киеву грозит последний штурм».

Технология **«фальшивые источники информации»** не является изобретением современности, но активно используется в наши дни. Газеты-фальшивки активно применялись во время Великой Отечественной войны на всех оккупированных фашистами территориях СССР. Фальшивая газета «Правда» внешне была похожа на настоящую, но контент создавался с учетом интересов гитлеровской Германии. Каждый выпуск содержал сводку с фронта, зачастую поддельную. Для правдоподобия давали некоторое количество

достоверной информации. В выпуске белгородской газеты «Восход» содержалась ложная информация об огромных потерях личного состава и техники Красной армии под Курском и отмене колхозной системы.

В наши дни фальшивые источники информации используются для создания псевдоновостного повода. В период СВО создавались якобы официальные Telegram-каналы, распространяющие ложные данные от российских силовых ведомств («Пресса силовых структур» и «Политика Сергея Шойгу»). В августе 2022 г. в Telegram был зафиксирован рост количества фейковых каналов ВГТРК, которые «работали» по региональной повестке (Сочи, Воронеж, Пермь и Красноярск).

Технология **«миф / городская легенда»** – это современная разновидность легенды (мифа), короткая и правдоподобная история, обычно затрагивающая глубинные проблемы и страхи общества. Ярким примером в истории является миф о том, что нацистская Германия достигла успехов в разработках «летающих тарелок» и психотронного оружия.

Технология используется и в современных условиях. Так, в конце февраля 2022 г. украинские СМИ широко распространяли легенду о «киевском призраке»: лётчике-асе, который на МиГ-29 воздушных сил Украины за первые 30 часов российского вторжения в боях за Киев сбил шесть российских самолётов.

«Постановка» предполагает создание псевдореальности, имитацию события или ситуации с помощью подложных свидетельств и/или фальшивых участников. Одной из самых известных медийных постановок в истории стал сюжет американского пиар-агентства Hill&Knowlton о кувейтской девочке Найре. Похожая провокация вошла в историю под названием «химическая атака в Думе», героем которой стал мальчик Хасан Диаб – «жертва» химической атаки.

Несколько случаев инсценировок имели место в период СВО на Украине. В их числе – «авиаудар» роддома № 3 в Мариуполе, «лицом» которого стала инстаграм-модель и бьюти-блогер М. Вышемирская, и «резня в Буче» – постановка массового убийства мирных граждан в марте 2022 г. на территориях, которые с 5 по 31 марта контролировались российскими войсками.

Технология **«моноспектакль»** предполагает постановку с участием одного лица. Классикой жанра является «пробирка» Коллина Пауэлла.

В период СВО западные и украинские медиа активно использовали образ «слабой женщины», с помощью которого достигался манипулятивный эффект, ведь персонаж вызывал сочувствие у аудитории. В качестве примера можно привести статью, опубликованную британской газетой «The Times», которую сопровождали фотографии 52-летней «простой гражданки Украины» Марьяны Жагло с карабином Z15 наперевес, готовящейся на своей киевской кухне отражать российскую угрозу. Другим примером стала история «раненой» женщины из Чугуева, которая оказалась сотрудницей оперативной группы «Прометей» 72-го ЦИПСО (Центра информационно-психологических операций) Сил специальных операций Украины – той самой спецслужбы в распоряжении Киева, которая и занимается информационными диверсиями.

Технология **«конструирование искусственной реальности»** хорошо известна медиаспециалистам благодаря фильму, ставшему классикой PR «Плутовство». В наши дни «реальность» создается с помощью уже готовых искусственных компонентов (кадры из компьютерной игры, художественных фильмов и т.д.). Причем, несмотря на абсурдность подмены, фальшивка может выглядеть весьма убедительно. Например, в начале СВО министерство обороны Украины опубликовало фейк об успешной работе ВСУ: было заявлено о «победе» систем ПВО над авиацией РФ, кадры были взяты из компью-

терной игры «Arma 3». Позже был разоблачен фейк, на котором якобы военные России на ходу расстреливают мирных граждан, видеокadres были взяты из исторической реконструкции событий 1942 г. в рамках исторического фестиваля 2021 г.

На начальном этапе СВО в целях дезинформации активно использовались **кинофейки**. Так, израильский телеканал для иллюстрации «нападения» России на Украину использовали кадр из фильма «Звездные войны». За документальные доказательства действий российских военных выдавались кадры из художественного фильма С. Драгоевича про распад Югославии «Красивые деревни красиво горят», снятого в 1996 г. В социальных сетях распространялись кадры фильмов «Война химер», «След», «Калейдоскоп» и др.

Отдельную группу составляют фейки провокативного содержания, нацеленные на дестабилизацию общественных настроений. В период СВО западные и украинские медиа активно распространялись **фейки-провокации**, в основе которых был, очевидно, нелепый контент, созданный с манипулятивными целями (спровоцировать массовых психоз, панику, общественные протесты). Так, в мае британские таблоиды «Mirror» и «Daily Star», сославшись на источники в британской разведке, опубликовали сообщения о смерти В.В. Путина. Провокативную цель преследовало распространенное в социальных сетях видео с участием украинского журналиста Д. Гордона, который рассказал об отправке украинцев в российские «фильтрационные лагеря», которые созданы как лагеря НКВД.

Как правило, фейки-провокации вызывают острую реакцию общества, на что их создатели и рассчитывают. Так, негодование у пользователей вызвала история об освобождении украинской националистки Ю. Паевской («Тайры»). В период продвижения ВСУ на Херсонском направлении украинские паблики распространяли фейки об «украинских флагах на Белгородской земле», «бомбежках» городов Ростовской области. В период частичной

мобилизации на теневых форумах и Telegram-каналах широко тиражировали базу с персональными данными людей, которых якобы призвут на службу.

Элемент сознательной информационной кампании представляет собой **фальсификация военной статистики**. Традиционно потери врага завышаются, чтобы запугать население, вызвать панику и смятение, а потери своей стороны – занижаются. Как правило, информация о потерях из разных источников существенно разнится и ничем не подкреплена. Уже в самом начале СВО в социальных сетях и СМИ распространялась информация о большом числе пленных и погибших российских военнослужащих. Так, телеканал «Украина 24» выпустил сюжет о погибших российских солдатах. При этом невозможно было определить, к какой армии принадлежат погибшие. 27 июля газета «The New York Times» сообщила о «значительных» потерях России: в 75 тысяч человек убитыми и ранеными.

«**Возложение вины**» – традиционный прием пропаганды в ситуациях военно-политической напряженности, который предполагает распространение фейков о военных преступлениях противника, обвинения в жестоком убийстве мирных граждан, возложение вины за разрушение гражданских объектов и т.д. Использование данной технологии преследует исключительно манипулятивную цель, ведь чаще всего доказательства «военных преступлений» не обнаруживаются. Подобный дезинформационный контент обращен к эмоциям аудитории.

Классическим примером является фейк ВСУ об уничтожении Россией самолета «Мрия». В период СВО украинские СМИ массово распространяли информацию о «зверствах» и изнасилованиях украинских женщин и детей российскими военными. В интервью австрийскому телеканалу «Nine Network», В. Зеленский заявил, что в Буче российские военные отрубали людям головы и конечности.

В особую группу, на наш взгляд, следует отнести **экономические фейки**. С развитием информационных технологий стала возможной цифровая экономика, вместе с тем, явления массовой дезинформации проникли в сферы экономической жизни: производство, торговлю, бизнес. Экономические фейки – это, например, сообщения о росте или падении экономики страны, эффекте от санкций или антисанкций.

Уже в самом начале СВО в социальных сетях и ряде СМИ стали распространяться сообщения о том, что Центробанк РФ заморозит вклады населения для финансирования армии. Сообщение было замаскировано под официальную информацию: в тексте присутствовали ссылки на ТАСС, РБК, а также сайт Банка России. Все выглядело так, словно человек попал на главную страницу новостной ленты и увидел неприятное известие. Для убедительности был размещен снимок председателя ЦБ РФ Эльвиры Набиуллиной.

В числе новых, пока детально не изученных технологий создания дезинформационного контента – фейки, которые стали возможны благодаря развитию цифровых технологий (фото- и видеомонтаж, дипфейки, «фотожабы», киберфейки), а также фейки, появившиеся по причине распространения новых форматов коммуникации (фейки-мемы, пранки, троллинг, wiki-фальшивки).

Технология **фото- и видеомонтажа** также является популярным инструментом фейкмейкера. Однако такие фальшивки легко распознаются и предназначены скорее для пропаганды, дескредитации или популяризации определенного отношения к событиям или персонам.

Например, экс-депутат Госдумы Геннадий Гудков опубликовал в своем Twitter фотографии возвращающихся в Россию грузовиков, перевозящих гробы с телами российских военнослужащих. Изображение было создано в фоторедакторе, на исходной фотографии было показано как грузовики перевозят контейнеры для ракет

ЗРК «Бук». Кадр был сделан в 2014 г. журналистами Reuter. В период наступления ВСУ в харьковском направлении украинские паблики распространяли фотографию украинских военнослужащих возле границы Белгорода. Это также была фальшивка, сделанная с помощью монтажа.

Популярная в наши дни технология **дипфейка** остается несовершенным инструментом работы фейкмейкера, так как получаемые продукты содержат видимые признаки подделки. Тем не менее подобный контент активно создается и распространяется, он преследует политические цели. Так, в период СВО в социальных сетях было распространено видео, на котором Владимир Зеленский призывал украинцев сложить оружие. Имел место дипфейк с Владимиром Путиным, в котором он объявил о подписании пятигодичной дорожной карты восстановления независимости Крыма как республики в составе Украины.

В содержательном смысле интереснее фейки, появившиеся по причине распространения новых форматов коммуникации. Технология **«фейки-мемы»** предполагает создание медиапродукта, характерного для «поля» массовой культуры. Это история или байка, которая становится популярной в медиасреде и даже после ее «разоблачения» продолжает активно распространяться, находя свое продолжение в других медиапродуктах (демотиваторах, песнях, мультипликации и т.д.). Такой продукт, благодаря своей привлекательности, начинает существовать уже без всякой связи с реальностью. Таким мемом стал, например, сюжет о «распятом мальчике», вышедший на «Первом канале» 12 июля 2014 г. («Беженка из Славянска вспоминает, как при ней казнили маленького сына и жену ополченца»).

Ярким примером мема периода СВО стала байка про «русский военный корабль» и остров Змеиный – первая ложь в информационной войне Украины. Мем заполонил рекламные площади

(баннеры, борды) в украинских городах, появился на бегущих строках в общественном транспорте и даже был адаптирован для англоязычной аудитории.

Особо следует сказать о дезинформационном контенте, создаваемом с целью **троллинга**, так как сейчас это весьма популярная форма массовой коммуникации. Такие фейки легко разоблачаются или даже заранее неправдоподобны, поэтому преследуемые цели такой дезинформации – не обман, а стеб аудитории. Это форма социальной провокации, издевательства или подстрекательства, злая или абсурдная шутка.

Так, в период СВО в сети была вброшена фотография «удостоверения» бойца «Азов» Марии Захаровой. Примером троллинга является сообщение якобы от «РИА новости» о том, что «украинские военные тайно продают трупы русских, погибших на Украине, в Египет, где из них делают мумии для перепродажи черным коллекционерам по всему миру».

Имеет смысл в качестве разновидности фейков рассматривать **wiki-фальшивки**. Сегодня в адрес Wikipedia все чаще звучат обвинения в том, что это платформа для распространения дезинформации и пропаганды, мимикрирующая под свободную энциклопедию. Особенно ярко эта особенность ресурса обнаружилась в период СВО, когда в Wikipedia были опубликованы статьи «Битва за Киев (2022)», «Военные преступления в период вторжения России на Украину», «Обстрел больницы в Мариуполе», «Разрушение Мариупольского театра (2022)» и «Резня в Буче», по поводу которых ресурс Роскомнадзором были направлены уведомления. Данные материалы содержали недостоверные сведения и тенденциозную информацию.

Эти и другие статьи (например, «Вторжение России на Украину (2022)», «Информационная война, связанная с вторжением России на Украину») стали объектами «войны правок»: ситуации, когда поль-

зователи вносили в материал противоречащие друг другу правки. Кроме того, эти статьи неоднократно номинировались на удаление из Wikipedia отдельными участниками. Сейчас эти статьи защищены от редактирования и по-прежнему доступны.

Выводы. В последнее время проблема дезинформации в медийном дискурсе обрела новые грани и потребовала новых подходов в ее осмыслении.

Мониторинг контента, распространенного в первые десять месяцев СВО на Украине, показал, что сегодня для изготовления дезинформации используется широкий арсенал различных технологий, что, прежде всего, обусловлено сложной военно-политической ситуацией, развитием цифровой среды, появлением новых форматов массовой коммуникации. Безусловно, данная тенденция представляет опасность для общества и требует внимания научного сообщества.

Медийные технологии, используемые для изготовления дезинформационного контента, нуждаются в систематизации и описании, прежде всего, в целях выработки стратегии противодействия дезинформационным операциям, для повышения уровня медийной грамотности и безопасности общества. На наш взгляд, с целью выработки актуальной методики распознавания фейков наиболее эффективным является «инструментальный подход» к исследованию, предполагающий анализ технологий (методов и инструментов), используемых для изготовления и распространения дезинформационного контента.

Литература и источники:

1. Иванищева О.Н. Фейки как разновидность социальной информации // Человек. Культура. Образование – Human. Culture. Education. 2020. № 1 (35). С. 63–73.
2. Иссерс О.С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 112–123.
3. Заполев С. Фейк как один современных инструментов информационных операций, проводимых Украиной и поддерживаемыми ее странами // Зарубежное военное обозрение. 2022. № 7. С.3–14.

4. Казакова Л.П. Психология массовых коммуникаций. Москва: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2015. 116 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Родина, 2019. 432 с.
6. Кошкарлова Н.Н., Бойко Е.С. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 77–82.
7. Макашова В.В. Дезинформация: способы повышения коллективного медиаиммунитета // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций. Материалы IV Международной научной конференции / Уральский государственный педагогический университет; под научной редакцией Н.А. Симбирцевой, И.В. Чельшевой. Таганрог – Екатеринбург, 2022. С. 271–276.
8. Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2019. № 2. С. 37–45.
9. Миронцева С.А. Междисциплинарный подход в исследовании проблем регулирования и контроля за распространением дезинформации и фейковых новостей в Интернет-пространстве // Национальная ассоциация ученых. 2021. Т. 4 № 73. С. 51–53.
10. Михеев Е.А., Нестик Т.А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 5–20.
11. Николаева А.В. Языковые особенности фейковых публикаций // Верхневолский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 55–59.
12. Почепцов Г. Дезинформация / Под общей редакцией Н. Лигачевой и Г. Петренко. К.: Поливода А.В., 2019. 248 с.
13. Распопова С.С., Богдан Е.Н. Фейковые новости: Информационная мистификация. М.: Аспект Пресс, 2018. 112 с.
14. Самородова Э.В. Особенности современного регулирования фейковых новостей: российский и зарубежный опыт // Медиаскоп. 2020. Вып. 3.
15. Самошкин Е.А. Институты борьбы с дезинформацией и мисинформацией в СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 6. С. 176–190.
16. Стернин И.А., Шестернина А.М. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. Воронеж, 2020. 34 с.
17. Guess A., Nagler J., Tucker J., (2019). Less than you think: Prevalence and predictors of fake news dissemination on Facebook. Science Advances, 5 (1).

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ АНАЛИТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОЗАПАДНЫХ НКО (на примере Центральной Азии)

Гончаренко Анна Романовна

Одна из отличительных особенностей современной гибридной войны – разнообразие участвующих в ней акторов. Западные неправительственные организации являются заметными участниками дестабилизирующих операций, нацеленных на расшатывание правящего режима и его последующую смену. В Центральной Азии распространение некоммерческих организаций связано с распадом Советского Союза: бывшие советские республики привлекают Запад не только своими ресурсами, но и близостью к границам основных соперников: России, Ирана, Китая. Финансируемые из государственных бюджетов США, Великобритании и их союзников НПО ведут активную деятельность в Центрально-Азиатском регионе, взаимодействуя с различными политическими силами, гражданским обществом, молодежью, средствами массовой информации, меньшинствами. Сетевая структура таких организаций, осведомленность о внутренних проблемах государства, налаженные контакты с местным населением и вовлеченность во внутривнутриполитические процессы позволяют рассматривать такие организации как каналы влияния на государства, в которых они функционируют, то есть потенциальную угрозу национальной безопасности и правящим режимам, стремящимся вести независимую политику.

Прошло больше тридцати лет после распада СССР и обретения республиками Центральной Азии независимости, сменилось не одно поколение политических лидеров, но проблемы социально-экономического характера стоят все так же остро. Как отметил О.Г. Карпович, тенденция имеет долгосрочный характер: на развитие центрально-азиатских государств и дальше будут влиять экономические трудности, деятельность заинтересованных государств и сохранение ресурсной напряженности [1]. Существует ряд факторов, также влияющих на ситуацию в регионе: сохранение территориальных претензий, религиозные противоречия, природно-ресурсная асимметрия.

Присутствующие здесь в большом количестве западные неправительственные организации фактически не смогли разрешить имеющиеся противоречия, несмотря на провозглашаемые ими стремления к миру, процветанию и безопасности. Так, например, стратегия США для Центральной Азии на 2019–2025 гг. провозглашает, что *«главный стратегический интерес Соединенных Штатов в этом регионе заключается в создании более стабильной и процветающей Центральной Азии, которая может свободно реализовывать политические, экономические интересы и интересы безопасности с различными партнерами на своих собственных условиях; связана с мировыми рынками и открыта для международных инвестиций; имеет сильные демократические институты, соблюдает верховенство закона и уважает права человека»* [2]. Британская исследовательница Джейд Мак Глинн считает, что Центральная Азия служит для Великобритании местом демонстрации своего потенциала и умений решать задачи в разных сферах жизни других обществ, своего рода «полигоном» для испытания инструментов мягкой силы с целью создания привлекательного образа Великобритании в мире [3].

Сеть западных неправительственных организаций очень обширна, поэтому остановимся на анализе деятельности конкретной

страны в этой сфере – Великобритании. Если обратиться к программам британского Фонда предотвращения конфликтов, содействия стабильности и безопасности, цели и задачи для которого определяет Совет национальной безопасности, возглавляемый премьер-министром страны, то можно обнаружить ориентированные на Центральную Азию документы. За 2017–2018 [4], 2018–2019 [5], 2019–2020 [6] и 2020–2021 [7] финансовые годы британское правительство привлекло международные организации, органы государственной власти Великобритании, коммерческие и некоммерческие/неправительственные организации для реализации проектов в интересах Великобритании. Разнообразие акторов позволяет собирать информацию, налаживать связи, оказывать влияние на множество сфер и социальных групп, то есть эффективно работать в регионе: в зависимости от проекта и особенностей политического режима в стране может привлекаться номинально нейтральная и независимая НПО/НКО/международная организация, если, например, открытое присутствие британского министерства нежелательно или вовсе невозможно.

Рассмотрим конкретный пример. Фонд Ага Хана, упоминаемый в документах, является одним из элементов структуры Организации Ага Хана по развитию [8], которая занимается вопросами экономики, образования, здравоохранения, культуры, финансов во многих странах мира, в том числе в Республике Казахстан, Республике Таджикистан, Кыргызской Республике. В Таджикистане присутствие организации началось в 1990-х годах, когда советская республика стала самостоятельным государством, и объяснялось гуманитарной и продовольственной помощью жителям Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), где в силу географических особенностей очень остро встал вопрос продовольственного обеспечения, ранее решавшийся силами СССР [9]. Укреплению доверительных отношений структур Ага-хана с регионом способствовал тот факт, что Карим

Ага-хан IV является лидером шиитов-исмаилитов, к которым относятся подавляющее большинство памирцев, проживающих в ГБАО. Согласно финансовой отчетности Фонда за 2021 год, расходы на таджикские программы социального развития составили около 11,6% от общей суммы средств, заложенных на год [10], большую часть денег реализуют посредством грантов, то есть освоение таких средств предполагает подробную отчетность. Важно отметить, что большинство программ нацелены на памирцев Горно-Бадахшанской автономной области, живущих обособленно и обладающих отличной от таджикского большинства религиозной принадлежностью. Ведется активная деятельность организации и в сфере образования ГБАО: беседы со школьниками и их родителями, привлечение детей к участию в олимпиадах, проведение онлайн занятий для учеников и учителей с зарубежными специалистами, взаимодействие образовательных учреждений с государственными институтами, предоставление возможности обучаться на различных языках в образовательных учреждениях сети (в том числе на киргизском, русском и др.), обеспечение поездок в США по программе обмена будущими лидерами (FLEX), проведение форума молодых лидеров (для 8–11 класса) [11]. В 2020 году донорами для таджикских программ Фонда Ага Хана были Министерство иностранных дел, по делам Содружества и развития Великобритании, посольство Австралии в Москве, Германское общество по международному сотрудничеству, посольство Японии в Таджикистане, Министерство иностранных дел и международной торговли Канады, Федеральное министерство иностранных дел Германии, немецкий государственный банк развития KfW, Агентство США по международному развитию, Всемирный банк и др. [12, р. 37] В 2017 году Фонд Ага-Хана полностью выкупил телекоммуникационную компанию «Tcell», предоставляющую услуги мобильной связи и доступ в интернет для трети абонентов Таджикистана. Фонд и Агентство США по международному развитию так-

же сотрудничают с местным ОАО «Банк Эсхата», входящим в тройку крупнейших коммерческих банков страны [13], для обучения молодежи [14].

В документах также упоминается Вестминстерский фонд поддержки демократии, получающий финансирование от Министерства иностранных дел, по делам Содружества и развития Великобритании и являющийся *«исполнительным вневедомственным государственным органом»* [15]. В Кыргызстане организация реализовала программы по укреплению местного самоуправления, поддержки женщин-политиков, содействию реформе СМИ [16], провела подготовку наблюдателей для внеочередных выборов киргизского парламента, тренинги для парламентариев и представителей гражданского общества, семинары для молодежи и гражданских активистов [15].

Таким образом, Центральная Азия продолжает оставаться местом столкновения интересов ключевых акторов мировой политики. Западные НПО, являясь ширмой, которая прикрывает государственные органы западных стран, продолжают свободно осуществлять свою деятельность по сбору информации, касающейся внутренних проблем государств (о состоянии экономики, системы здравоохранения, сферы образования, настроениях гражданского общества и пр.) за счет установления контактов с представителями правящих элит и выстраивания доверительных отношений с населением (оказание помощи по бытовым вопросам, выделение грантов на развитие проектов, обучение молодежи на местах и за рубежом, поддержание некоторых инфраструктурных объектов). Собранные данные позволяют выстраивать эффективную стратегию проведения операций влияния, подбирая различные инструменты для продвижения заданной прозападной повестки. Акцент на взаимодействие со СМИ позволяет не только получать оперативную информацию из различных точек региона, но и иметь надежные каналы «доведения информационного воздействия до кон-

кретной целевой аудитории» при необходимости [17]. Грантовый формат позволяет подкармливать журналистов, продвигающих нужную заказчику (Западу) повестку и собирать большое количество данных, которые могут предоставить исключительно местные, знакомые с реальным положением дел во всех сферах жизни населения конкретного государства, региона, района или отдельной группы (в зависимости от возраста, достатка, места проживания, рода деятельности и т.п.). Интернациональный состав сотрудников западных «фабрик мысли» позволяет обрабатывать получаемые сведения и использовать в собственных интересах.

Литература и источники:

1. Карпович О.Г. Центральная Азия: трудный путь политического развития // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 4. С. 43–52.
2. United States Strategy for Central Asia 2019–2025 // United States Department of State. <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity>.
3. McGlynn J. Rethinking Britain's Central Asia Strategy // The Diplomat. <https://thediplomat.com/2021/03/rethinking-britains-central-asia-strategy>.
4. Conflict, Stability and Security Fund: programme summary: Central Asia Programme 2017 to 2018 // Government of the United Kingdom. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/630281/Central_Asia_Programme_EECAD_2017.pdf.
5. Conflict, Stability and Security Fund: programme summary: Central Asia Programme 2018 to 2019 // Government of the United Kingdom. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/758164/EECA_Central_Asia_Programme_Summary_FY_18_19.odt.
6. Conflict, Stability and Security Fund: programme summary: Central Asia Programme 2019 to 2020 // Government of the United Kingdom. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/842427/Central_Asia_Programme_Summary.odt.
7. Conflict, Stability and Security Fund: programme summary: Central Asia Programme 2020 to 2021 // Government of the United Kingdom: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1003217/Central_Asia_programme_summary_2020_to_2021.odt.
8. Организационная структура АКДН // Организация Ага Хана по развитию. https://dlzah1nkiby91r.cloudfront.net/s3fs-public/akdn_org_chart_080121_russian.pdf.

9. Алексеева А.В. Роль Организации развития Ага-Хана в постконфликтном восстановлении Таджикистана // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1. С. 308–323.
10. Aga Khan Foundation (United Kingdom): Report of Council and financial Statements // Aga Khan Foundation UK. <https://2p5elo1szve347qz4f3042sx-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2022/08/AKFUK-Financial-Statements-2021.pdf>.
11. Aga Khan Schools 2021: Annual Publication // The Aga Khan Academies. https://dlzah1nkiby91r.cloudfront.net/s3fs-public/aks_annual_publication_2.pdf.
12. Aga Khan Foundation, Tajikistan: Annual Report 2020. Dushanbe: Aga Khan Foudation Tajikistan, 2021. 37 p.
13. Финансовые показатели банков // Национальный банк Таджикистана. https://nbt.tj/ru/banking_system/finance_bank_pokazatel.php.
14. Банк Эсхата, USAID и Фонд Ага Хана помогают в трудоустройстве молодежи // Банк Эсхата. <https://eskhata.com/about/news/6529/?ysclid=l8fwm8b3oy379286957>.
15. Strengthening democracy around the world: Annual Review 2021–2022 // Westminster Foundation for Democracy. <https://www.wfd.org>.
16. Kyrgyzstan // Westminster Foundation for Democracy. <https://www.wfd.org/where-we-work/kyrgyzstan>.
17. Манойло А.В. Цветные революции как отмычка для демократии // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 3. С. 142–154.
18. Бочарников И.В., Стрюков Н.А. Геополитические аспекты эволюции российско-турецких отношений // Вестник Академии военных наук. 2021. № 3 (76). С. 4–14.

СОВРЕМЕННЫЕ ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ: КИТАЙСКИЙ ПОДХОД

Го Фэнли

В настоящее время гибридные войны становятся одним из самых перспективных направлений научных исследований. Если прежде внимание к феномену «гибридной войны» проявляли в основном ученые-исследователи и эксперты (в основном военные) из США, НАТО и ЕС, то в последние несколько лет данный термин получил широкую популярность и в КНР: он активно обсуждается в китайских СМИ и в профессиональных экспертных сообществах. Причина такого внимания китайских ученых, политиков и экспертов кроется в следующем.

Во-первых, в контексте нарастающей гибридизации мировой политики «гибридная война» воспринимается китайскими экспертами как стратагема («стратегическое руководство») организации борьбы с современными диверсифицированными угрозами национальной безопасности. Считается, что в гибридизирующемся мире вооруженное противоборство также должно носить гибридный характер; кроме того, это еще и наиболее низкозатратный способ достижения военного превосходства над противником.

Во-вторых, несмотря на то, что концепция «гибридной войны» была впервые предложена США, в КНР считают, что до совершенства она была доведена именно Россией. Именно в России разработан уникальный концепт «гибридной войны», основанный на синтезе

теории гибридной войны США и собственной практики гибридных операций в Сирии, Ливии, ДНР и ЛНР, и информационных операциях в Венесуэле. Этот концепт, по мнению китайских специалистов, уже получил международное признание.

В-третьих, российская теория и практика «гибридной войны» даёт Китаю ценные уроки в борьбе с многочисленными угрозами национальной безопасности. КНР уже несколько лет (начиная с президентства Д. Трампа, начавшего проводить антикитайскую политику) живет в состоянии гибридной войны с США. Еще совсем недавно она принимала форму острого торгового («санкционного») противостояния; сегодня же гибридная война США против Китая ведется в основном в сфере информационных операций. В этих условиях Китаю жизненно необходимо не только перенять лучший опыт ведущих стран мира в сфере ведения наступательной и оборонительной гибридной войны, но и научиться применять методы и технологии гибридных войн на практике («в кратчайшие сроки пройти путь от уровня стратегического мышления до уровня боевой тактики») – для защиты национальных интересов, суверенитета и безопасности страны.

Степень научной разработанности тематики гибридных войн в Китае

Оказывается, ещё в VI веке до н.э. китайский стратег и мыслитель Сунь Цзы в своём трактате «Искусство войны» выдвинул популярные сегодня «гибридные мышления». Философия Сунь-Цзы заключается в достижении максимальной победы с минимальными затратами. По его мнению, лучшая стратегия – избежать прямого военного конфликта с помощью комбинации (военных и разведывательных) тактик и победить противника без боя: «Подчинить армию врага, не сражаясь – вот подлинная вершина превосходства» «Поэтому высшее пресуществление войны – разрушить планы вра-

га; затем – разрушить его союзы; затем – напасть на его армию; и самое последнее – напасть на его укрепленные города. Осада города применяется только тогда, когда это неизбежно» [1, с. 3]. Эти стратагемы и сегодня составляют базис современной гибридной войны.

Однако, в силу различных причин «гибридное мышление» Сунь-Цзы не получило своего дальнейшего развития – до уровня национальной парадигмы гибридной войны: в настоящее время большинство представлений китайских учёных о гибридной войне представляет собой эклектику научных подходов, существующих в США и Российской Федерации. Проблема заключается в том, что очень долгое время термин «гибридная война» упоминался в научных исследованиях в КНР исключительно в созерцательном ключе – как некий новый термин, используемый в России и США для описания чего-то, представляющего опасность, в первую очередь, для самой Западной цивилизации, породившей это явление. Как следствие, упоминание гибридных войн в китайских источниках вплоть до недавнего времени носило отрывочный и фрагментарный характер, принимая форму пересказа мнений отдельных экспертов из США и России; причем оценки российских экспертов в этих публикациях преобладали.²⁶ В своих работах китайские учёные и эксперты, с одной стороны, неоднократно упоминают этот термин и

²⁶ См.: 马建光、李元斌.《“混合战争” 及其特点：俄罗斯学者视角的解析》，载《俄罗斯东欧中亚研究》2021年第5期，第21至36页。(Ma Цзяньгуан, Ли Юаньбин. «Гибридная война» и её характеристики: анализ с точки зрения российских учёных. 2021. № 5. С. 21–36.); 高凯、赵林.《“混合战争”–俄罗斯新战略博弈手段》，载《军事文摘》2019年第13期，第10至13页。(Гао Кай, Чжао Линь. «Гибридная война» – новый инструмент стратегической игры России. // Военный сборник. 2019. № 13. С. 10 – 13); 段君泽.《俄式“混合战争”实践及其影响》，载《现代国际关系》2017年第3期，第31至36页。(Дуань Цзюнь цзе. Практика российской гибридной войны и её последствия // Современные международные отношения. 2017. № 3. С. 31–36.); 王晓军.《解析俄军对“混合战争”理论的认知于运用》，载《现代军事》2016 年第8 期，第92至99页。(Ван Сяоцзюнь. Анализ восприятия и применения доктрины «гибридной войны» российской армией // Современная война. 2016. № 8. С. 92–99.)

призывают к более глубокому изучению феномена гибридной войны²⁷, но, с другой стороны, систематической работы по этому направлению не ведется (нет научных школ, специализированных научных центров, крупных ученых, специализирующихся только на данной проблематике и т.д.); это было подчеркнуто, в частности, на состоявшейся 9 июля 2021 года международной научной конференции в Чжэнчжоу²⁸. Высказывается мнение, что в США и Российской Федерации сформировалась своя собственная зрелая парадигма гибридной войны, которую «трудно превзойти», можно лишь попробовать «догнать», перенимая опыт этих двух стран «на ходу»²⁹. Нет необходимости тратить время и силы на теоретические вопросы, поскольку США и Россия уже разработали «обоснованную» теорию гибридной войны; в этом плане в среде китайских ученых и экспертов уже сложился своего рода консенсус. В силу этих причин в фокусе внимания китайских ученых сегодня находится не сама концепция гибридных войн и ее философско-политологическое осмысление, а, скорее, защита от них; в своих исследованиях ученые КНР больше сосредоточены на том, как реагировать на эту новую форму войны, т.е. на ее практическом применении. Собственного систематизированного изложения теории гибридной войны у китайских учёных нет.

²⁷ 张翠、刘俊彪.《借鉴“混合战争”应对安全威胁》，载中国国防报2017年第22版.(Чжан Хуэй и Лю Цзюньбяо. Изучение опыта «гибридной войны» для устранения угроз безопасности // China Defense News. 2017. № 22.); 韩爱勇.《混合战争：国家安全面临的新挑战》，载学习时报2019年01月18日.(Хань Айюнь. Гибридная война: новый вызов национальной безопасности" // Study Times. 2019. http://152.136.34.60/html/2019-01/18/nw.D110000xxsb_20190118_1-A2.htm); 王宝付.《混合战争：战争演进的新形态》，载《光明日报》2016年04月06日第11版)(Ван Баофу. Гибридная война: новая форма эволюции войны // Guangming Daily. 2016. № 11. https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-04/06/nw.D110000gmrb_20160406_1-11.htm); 段君泽.《俄式“混合战争”实践及其影响》，载《现代国际关系》2017年第3期，第31至36页.(Дуань Цзюньцзе. Практика российской «гибридной войны» и её последствия // Современные международные отношения. 2017. № 3. С. 31–36.).

²⁸ В Чжэнчжоу прошёл 9-й Академический симпозиум Международного форума исследований в области безопасности. <https://mp.weixin.qq.com>.

²⁹ Там же.

В своих работах китайские ученые практически повсеместно опираются на разработки иностранных и, в первую очередь, российских экспертов (они, в отличие от их американских коллег, более открыты): так, основные теоретические положения, связанные с гибридной войной, такие, как концепция гибридной войны, причины появления феномена гибридной войны, формы и характеристики гибридной войны и т.д., в основном взяты из работ российских ученых (с некоторой примесью американских взглядов, транслируемых, в том числе российскими авторами)³⁰. Среди них наиболее часто встречаются такие авторы, как А.А. Бартош, В.В. Герасимов, М.А. Гареев, А. Калистратов, К.В. Сивков. При этом работы данных авторов как цитируются, так и переводятся на китайский язык целиком. При этом одним из самых популярных авторов в Китае по тематике гибридных войн является А.А. Бартош: его статьи целиком переведены и перепечатаны в китайских журналах³¹.

³⁰ См.: 李抒音.《俄罗斯发力混合战争》,解放军报,2016年第007版.(Ли Шуйинь. Стремление России к гибридной войне // PLA Daily. 2016. № 007); 葛向宇、许向东.《美军更趋务实的混合战争理论》,国防科技,2011年第1期 58-62页 (Гэ Сяньюй, Сюй Сяндун. Более прагматичная доктрина гибридной войны армии США // Национальные оборонные технологии. 2011. № 1. С. 58-62.); 王晓军.《解析俄军对“混合战争”理论的认知于运用》,《现代军事》,2016年第8期,第92至99页.(Ван Сяоцзюнь. Анализ восприятия и применения доктрины «гибридной войны» российской армией // Современная война. 2016. № 8. С. 92-99.); 马建光、李元斌.《“混合战争”及其特点:俄罗斯学者视角的解析》,载《俄罗斯东欧中亚研究》2021年第5期,第21至36页.(Ма Цзяньгуан, Ли Юаньбин. Гибридная война и её характеристики: анализ с точки зрения российских учёных // Исследования по России, Восточной Европе и Центральной Азии. 2021. № 5. С. 21-36.).

³¹ См.:李抒音、吴—鸣(译).《混合战争战略和反战略》, Russian Study, 2020年第2期,第121至136页(переводчики статьи: Ли Шуйинь, У Имин. Стратегии и контрстратегии гибридной войны // Russian Study. 2020. № 2. С. 121-136);许得君(编译).《混合战争与现代冲突》2018年1月20日(переводчик и редактор статьи: Сюй Дэцзюнь. Гибридная война и современные конфликты // Strategic Frontier Technologies. 2021. https://www.sohu.com/a/217820274_465915);许得君(编译).《未来冲突中的混合战争》战略前沿技术2021年3月26日(переводчик и редактор статьи: Сюй Дэцзюнь. Гибридная война в будущих конфликтах // Strategic Frontier Technologies 2021. https://mp.weixin.qq.com/s/_vxEPz5tsmwJaQ4vcILHww);许得君(编译).《国家内部冲突中的混合战争》2021年3月12(переводчик и редактор статьи: Сюй Дэцзюнь. Гибридная война во внутригосударственном конфликте // Strategic Frontier Technologies. 2021. <https://mp.weixin.qq.com/s/elkoaWvs2a6ZbmtXrusljA>).

Вместе с тем, необходимо отметить, что, хотя китайское академическое сообщество и не проявило новаторства в исследовании гибридной войны, это не означает, что китайские ученые не имеют собственного мнения относительно форм и методов гибридных войн будущего – просто в своих работах они называют их не гибридными, а «неограниченными» войнами. Так, многие идеи, выдвинутые генералами Народно-освободительной армии Китая Цяо Ляном и Ван Сянсуем в их книге «Неограниченная война» (изданной в 1999 году), настолько совпадают с идеями «гибридной войны», что складывается впечатление, что китайская стратегия «неограниченной войны» – это и есть восточный (или азиатский) аналог стратегии «гибридной войны» России и США [2]. Правда, также следует отметить тот факт, что концепция «неограниченной войны» одобряется далеко не всеми китайскими военными и учеными: известно, что после публикации одноименной книги в 1999 году академическое общество Китая подвергло концепцию «неограниченной войны» жесткой критике.

Одно из основных положений китайских учёных заключается в том, что, по мере развития общества и технического прогресса, формы и методы ведения войны также движутся вперёд. Таким образом, с точки зрения форм, методов и технологий вооруженной борьбы гибридная война будущего будет более сложной, чем традиционные вооруженные конфликты. Однако при этом изменятся лишь формы проявления войны (они станут гибридными), а суть войны останется прежней.

Основные принципы противодействия операциям гибридной войны

На основании проведенного анализа можно утверждать, что исследования китайских учёных по гибридной войне находятся на начальной стадии и ещё не привели к появлению зрелых представле-

ний об организации противодействия гибридным войнам. Это связано с тем, что в своих исследованиях китайские учёные сталкиваются с двумя проблемами.

Во-первых, они еще не сформировали собственных независимых суждений о противодействии гибридным войнам. Большинство исследований о противодействии гибридным войнам является, по сути, комментариями к гибридным войнам между США и Россией, сделанными с позиции наблюдателя. В этом плане показательной является статья Шэн Шиляна (директора Евразийского научно-исследовательского института социального развития Центра исследований развития Госсовета КНР) «Как Россия ответила на гибридную войну США» [16, с. 20–23]. В этой статье он анализирует, как Россия использует сочетание военных, экономических, правовых и информационно-психологических средств в ответ на гибридную войну США против неё. Несмотря на то что в данной статье упоминаются предложения по противодействию гибридной войне США, в ней представлены только мнения российских экспертов, а несобственная точка зрения.

Во-вторых, большинство предложений по противодействию гибридной войне, высказываемые китайскими учеными, носят глубоко теоретический, абстрактный характер и не могут быть реализованы на практике. Например, в своей статье «Гибридная война: новая форма эволюции войны» профессор университета национальной обороны, специалист по военной стратегии Ван Баофу отмечает, что «гибридная война несёт новые вызовы для применения военной силы»; противодействие гибридной войне – это не только вопрос военной стратегии, но и реальный вопрос национальной безопасности, который заслуживает особого внимания. В связи с этим он даёт четыре рекомендации. Во-первых, важно иметь чёткое представление о «всеобъемлющем» характере угроз безопасности. Во-вторых, «мы должны сосредоточиться на повышении всеобъем-

лющего потенциала принятия решений в области национальной безопасности». В-третьих, важно изучить механизм достижения победы в гибридной войне. Он также предположил, что главное – координировать использование стратегических ресурсов и стратегических средств для повышения комплексной способности противостоять различным угрозам безопасности, что является основным способом борьбы с угрозой гибридной войны. Наконец, следует принять во внимание глубокое влияние технологий на эволюцию военных действий [17]. Несмотря на в целом правильность этих рассуждений, они все же не содержат ни одного конкретного решения относительно того, как именно отражать конкретные операции гибридной войны того или иного типа, или хотя бы как достойно противостоять США в торговой войне. Для практиков эти рассуждения в большей степени бесполезны.

Приведенные выше четыре рекомендации взяты из опыта России и НАТО в сирийском и украинском кризисах и находятся лишь на уровне осознания и концепций, а не указывают на конкретные методы действий. Это не исключение, а общая проблема в текущих исследованиях китайских учёных по гибридной войне. Китайские учёные сходятся во мнении о том, что противодействовать гибридной войне надо, используя гибридный подход, но не раскрывают, каким конкретно он должен быть или как именно выглядеть.

Кроме того, поскольку в КНР «неограниченная война» рассматривается как восточная версия «гибридной войны», позицию китайских учёных к гибридной войне также можно увидеть в их отношении к «неограниченной войне».

Неограниченная война

После публикации книги «Неограниченная война» в 1999 году она вызвала неоднозначную реакцию у экспертов и простых читателей. С одной стороны, книга вызвала большой интерес у широ-

кой публики, слабо знакомой с тематикой гибридных войн; с другой стороны, она подверглась жесткой критике со стороны многих известных китайских экспертов³². Так, наиболее яростные споры вызвали два ключевых положения, сформулированные в данной книге: во-первых, война охватывает всю сферу жизни общества; во-вторых, для того чтобы достичь своей цели, акторы войны могут пользоваться любыми методами. По мнению авторов, мнение о войне как форме исключительно наступательных действий безнадежно устарело («с учетом нового диапазона угроз»); вместо этого авторы выступают за использование в боевых действиях «составной силы во всех аспектах, связанных с национальными интересами», в том числе методов экстремальных и даже «террористических» («война без правил»).

Содержание претензий китайских учёных к научным взглядам авторов книги «Неограниченная война» главным образом состоит из следующих пунктов.

(1) По вопросу «неограниченности» и «ограничения» войны некоторые китайские учёные и эксперты считают, что концепт «неограниченной войны» расширяет понятие войны до крайности, и в итоге абсолютно все становится войной. Как отметил старший генерал Народно-освободительной армии Китая Ли Шаоцзюнь,

³² См.: 高健杰. 战略思维的社会效用 – 关于《超限战》及其现象, 《战略与管理》, 2000年第3期109-114页. (Гао Цзянь цзе. Социальная полезность стратегического мышления – о «неограниченной войне» и его феноменах // Стратегия и управление. 2000. № 3. С. 109–114); 李少军. 《评超限战》, 世界经济与政治, 1999年第10期, 第72至75页. (Ли Шаоцзюнь. Отзывы о книге «неограниченная война» // Мировая экономика и политика. 1999. № 10. С. 72–75.); 詹玉仙. –本存在严重缺陷的书 – 评《超限战》, 社会科学论坛, 1999年Z1期, 第109至110页. (Чжан Юйсянь. Серьезно ошибочная книга – отзыв о книге «неограниченной войне» // Tribune of Social Sciences. 1999. № Z1. С. 109–110.); 沈宏. “超限战争”的有限性: 一种伦理思考. 国际政治研究, 2005年第4期, 第82页. (Шэнь Хун. Конечность «Неограниченной войны»: этические соображения. // Studies of International Politics. – 2005. – № 04. С. 82.); 庞中英. 如何认识“全球化时代的战争”——对《超限战》——书的若干否定与肯定, 世界经济与政治, 1999年10期第72页. (Пан Чжунъин. Как понять «Войну в эпоху глобализации» – положительные и отрицательные стороны книги «Гибридная война» // World economics and politics. 1999. № 10. С. 72.).

война – ограничена; это локальное явление. По мнению генерала, «даже если люди могут представлять себе войну, как угодно, их мышление все равно ограничено их опытом и их собственным социальным существованием»; «объективно ограниченность войны как явления ещё более очевидна»; так, например, «технология, время, пространство, этика, внутренняя политика, международное право и т.д. – все это ограничивающие факторы». Хотя в ходе истории, по мере эволюции различных элементов войны, «военные действия постоянно выходили за рамки традиционных ограничений и создавали нечто новое, однако существуют определенные ограничения для этих развитий и изменений». Другими словами, война может выйти за определенные пределы, но не за все существующие пределы сразу. Всегда существуют ограничения на средства, имеющиеся в распоряжении любой стороны в вооружённом конфликте.

(2) Невоенные конфликты и война. В книге «Неограниченная война» перечислены 24 типа «войн», большинство из которых являются невоенными конфликтами, такими как дипломатические войны, финансовые войны, террористические войны, антинаркотические операции, борьба с контрабандой, «идеологические войны» и т.д. Некоторые учёные считают, что эти формы конфликтов не являются «войнами» в истинном смысле этого слова. Различие между ними и традиционной (настоящей) войной очевидно. Хотя невоенные «войны», приведённые в данной книге, все без исключения связаны с конфликтами и вопросами безопасности, не обязательно все они связаны именно с войной в традиционном понимании этого явления. Конфликты между государствами могут принимать различные формы и проявляться только как дипломатическая борьба, экономическая борьба или борьба между СМИ, и не обязательно как военная борьба. Любой вид конфликта имеет последствия для национальной безопасности, но состояние конфликта или отсутствие безопасности – это не то же самое, что состояние войны.

(3) Терроризм и война. В книге «Неограниченная война» терроризм указан как вариант войны, что вызвало волну возмущения у широких слоев китайских ученых, утверждающих, что терроризм как метод безусловно и безоговорочно неприемлем для государства, каким бы оно ни было (авторитарным, тоталитарным или демократическим): «терроризм должен быть исключён из ответа государства на внешние угрозы».

(4) Средства и моральные нормы в войнах. Ли Шаоцзюнь раскритиковал мнение авторов книги «Неограниченная война» о том, что «ничто не может быть средством достижения цели», заявив, что это игнорирует этические и нормативные ограничения войны. С одной стороны, война сдерживается общественным мнением (этическими нормами). Если большинство считает войну несправедливой, её трудно продолжать. Кроме того, государства должны быть ограничены нормами международного права. Государства вынуждены соблюдать эти нормы и правила, потому что они выгодны всем участникам конфликта. Несоблюдение данных правил может привести к тактическим выгодам, но может обернуться более серьёзными стратегическими потерями.

Как и в спорте, более слабая команда должна играть по правилам, даже если ей придётся проиграть. В противном случае они не только не выиграют, но и будут дисквалифицированы. В современном глобализирующемся мире международные правила также меняются и страны заключают все новые двусторонние и многосторонние соглашения, которые ограничивают возможности стран развязать агрессивную захватническую войну. Поэтому выбор тех или иных средств ведения войны ни при каких обстоятельствах не может быть произвольным, а может осуществляться только в некоторых пределах.

В целом подавляющее большинство китайских учёных и экспертов достаточно рационально и сдержанно подходят как к гиб-

ридной войне, так и к «неограниченной войне», подчёркивая этические нормы ведения войны [18, с. 82] и утверждая, что стремление к «варваризации» военных действий с целью использования асимметричных методов вооруженной агрессии наносит ущерб интересам человечества в целом и национальным интересам Китая, в частности [19, с. 110]. Они признают необходимость продолжения реформирования системы военного руководства КНР и адекватного увеличения расходов на оборону, развивая военные технологии и вооружение, но отказываются от чрезмерных требований по расширению вооружений под предлогом международной напряжённости, придерживаясь сосредоточения усилий государства не на разработке новых технологий гибридной войны, а на вопросах «экономического развития и строительства» [17; 19; 20, с. 74].

Хотя некоторые идеи теории гибридной войны давно отражены в трактате Сунь Цзы «О войне» еще в древнем Китае, ещё больше общего просматривается между концепциями «гибридной войны» и «неограниченной войны», выдвинутой китайскими генералами в конце XX века, которые даже рассматривают ее как один из источников возникновения теории гибридных войн [21, р. 7; 22]. Тем не менее по состоянию на сегодняшний день уровень исследований китайских учёных по теме «гибридной войны» все ещё находится на предварительной стадии изучения. Текущие работы китайских ученых по гибридной войне показывают, что некоторые из них представляют американскую и российскую точку зрения на гибридную войну, особенно часто упоминается российская теория гибридной войны, приводимая в чистом виде, без каких-либо теоретических инноваций и изменений.

В большинстве своем концепции гибридной войны США и России используется как инструмент для анализа бывших и происходящих международных и региональных конфликтов и оканчиваются призывом к руководству КНР обратить внимание на фено-

мен «гибридной войны». Как следствие, большинство статей китайских учёных на тему гибридной войны характеризуются следующими особенностями (структурой): краткий обзор актуальности изучения гибридной войны – анализ конкретных случаев в основной части статьи (например, как Россия выиграла войны в Украине и Сирии методом гибридной войны), обобщение опыта о гибридной войне (слишком упрощенно и теоретически).

В целом, исследования по гибридной войне в Китае значительно отстают от США и России. Китайские учёные не только не разработали собственную теоретическую концепцию гибридных войн, но и меры, предлагаемые им для противоречия угрозам гибридной войны, также абстрактны и не оперативны.

Без сомнения, китайские учёные считают, что в США и России уже сформировалась «идеальная» теория гибридной войны, об этом они неоднократно упоминают в своих статьях. Но вопрос о том, почему в Китае нет своей систематической работы по гибридной войне, остается открытым. Вероятно, китайские эксперты считают, что в этом нет необходимости:

- во-первых, «идеальная» (то есть, полностью сформированная и завершённая) теория уже существует (в США и России). Зачем придумывать что-то новое?
- во-вторых, подавляющее большинство китайских учёных мыслят в этой области инерционно (в соответствии с сформировавшимися традициями) и поэтому не рассматривают гибридную войну как новый вид войны.
- в-третьих, теория «гибридной войны» уже существует в Китае, только под другим названием – «неограниченная война»; но она регулярно подвергается яростным нападениям и разгромной критике и, поэтому, не может эффективно развиваться.

Литература и источники:

1. Сунь Цзы. «Искусство войны» // Планирование нападения. https://mskdkd.ru/materials/docs/literature/the_art_of_war.pdf.
2. Qiao Liang, Wang Xiangsui. Unrestricted Warfare. Beijing. 1999.
3. 李抒音. 《俄罗斯发力混合战争》, 解放军报, 2016年第007版. (Ли Шуй инь. Стремление России к гибридной войне // PLA Daily. 2016. № 007).
4. 段君泽. 《俄式“混合战争” 实践及其影响》, 载《现代国际关系》2017年第3期, 第31至36页. (Дуань Цзюньцзе. Практика российской «гибридной войны» и её последствия // Современные международные отношения. 2017. № 3).
5. 马建光. 《叙利亚战争启示录》, 长江文艺出版社, 2017年. (Ма Цзянь гуан. Откровение сирийской войны. У Хань. 2017.)
6. 马建光, 李章淼. 《以电为矛混合战争新的制胜利器》, 2019年9月, 军事文摘, 第11至13页. (Ма Цзянь гуан, Ли Чжан мяо. Электричество как копьё – новый инструмент победы в гибридной войне // Military Digest. 2019. № 9).
7. 王强. 《纳卡冲突视频呈现信息战新样式》, 环球时报, 2020年10月19日. (Ван Цян. Столкновения в Нагорном Карабахе показывают новый стиль информационной войны // Global Times. <https://m.k.sohu.com>).
8. 沈文科: 《从纳卡冲突管窥现代战争》, 解放军报, 2020年10月, 第007版. (Шэнь Вэнькэ. Взгляд на современную войну из конфликта в Нагорном Карабахе // PLA Daily. 2020. №. 007.)
9. 赵静轩: 《纳卡冲突中的社交媒体战》, 解放军报, 2020年11月第007版 (Чжао Цзинсюань. Война в социальных сетях в конфликте Нагорного Карабаха // PLA Daily. 2020. №. 007).
10. 宿景祥. 《香港“颜色革命”与美国对华“混合战”》, 载《中美聚焦》, 2019年. (Су Цзинсян. Цветная революция в Гонконге и «гибридная война» США против Китая // China·Us focus. 2019. <http://cn.chinausfocus.com/culture-history/20190819/41477.html>).
11. 宋忠平. 《中美两国非新冷战而是混合战》, 载《联合早报》, 2020年5月29日. (Сун Чжунпин. Китай и США находятся не в новой холодной войне, а в гибридной войне // Union-Tribune. 2020. <http://www.haozaobao.com/mon/keji/20200529/71989.html>).
12. 归泳涛. 《“灰色地带”之争: 美日对华博弈的新态势》, 载《日本学刊》2019年第1期, 第45~69页. (Гуй Юнтао. Битва за «серую зону»: новая динамика американо-японской игры против Китая // Japanese Studies. 2019. № 1.)
13. 李元斌, 何昊宸. 混合战争视角下的美国极限施压与“颜色革命”, 军事文摘, 2019年第9期, 第9至10页. (Ли Юаньбин, Хэ Хаочэнь. Экстре-

мальное давление США и «цветная революция» в рамках гибридной войны // Military Digest. 2019. № 9).

14. 王湘穗.混合战争是当前国际政治博弈的重要工具,《经济导刊》编辑部,2018.11.21.(Ван Сяншуй. Гибридная война – важный инструмент в нынешней международной политической игре // Экономический вестник. 2018.

15. 中信基金会举办“当前国际政治博弈中的混合战争”研讨会 (Фонд CITIC организует семинар на тему «Гибридная война в современной международной политической игре». <https://www.foundation.citic/icms/null/null/ns>).

16. 盛世良.俄罗斯如何应对美国的“混合战争”,军事文摘,2016年第11期,第20至23页.(Шэн Шилян. Как Россия ответила на гибридную войнуот США // Military Digest. 2016. № 11).

17. 王宝付.《混合战争》:战争演进的新形态》,载《光明日报》,2016年04月06日第11版(Ван Баофу. «Гибридная война»: новая форма эволюции войны // Guangming Daily. 2016. №11.

18. 沈宏. “超限战争”的有限性:—种伦理思考.国际政治研究,2005年第4期,第82页.(Шэнь Хун. Конечность «Неограниченной войны»: этические соображения. // Studies of International Politics. 2005. № 04).

19. 高健杰.《战略思维的社会效用关于《超限战》及其现象》,《战略与管理》2000年第3期第110页.(Гао Цзяньцзе. Социальная полезность стратегического мышления – о "неограниченной войне" и его феноменах // Стратегия и управление. 2000. № 3.).

20. 张立伟.《求解高技术战争的胜率》,国防科技,2002年第6期74页(Чжан Ливэй. Победа в высокотехнологичной войне, Defense Technology, 2002. № 6).

21. John R. Davis. The hybrid mindset and operationalizing innovation: toward a theory of hybrid:SAMS Monograph. Fort Leavenworth (Kansas). 2014.

22. 王湘穗.《混合战:前所未有的综合》,解放军报,2019年5月23日第007版.(Ван Сянсуй. Гибридная война: беспрецедентный синтез. // PLA Daily. 2019. № 007).

23. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривполитической ситуации: теоретические основы и практика реализации. М., ГБУ Московский дом национальностей, 2021.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ В РОССИИ

Овсянникова Ольга Александровна

Когда мы говорим о технологиях дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране, мы должны понимать, что это далеко не современные ноу-хау и не изобретения американских политтехнологов и официальных лиц в интересах утверждения глобального лидерства США.

Они лишь успешно и удачно их интерпретировали и использовали в определенное время и в определенном месте с целью утверждения американского диктата в ряде стран и регионов мира. В этом плане, очевидно, нужно отдать должное прагматичности американского истеблишмента, его решимости и способности применять на практике далеко не конвенциональные технологии в том случае, если цель оправдывает средства.

Сами технологии информационно-психологического воздействия, в том числе с целью государственных переворотов, известны с древнейших времен и нашли свое отражение как в библейских источниках, так и трудах мыслителей разных времен от Сунь-цзы до А. Грамши.

Технологии дестабилизации внутривнутриполитической ситуации с целью подрыва основ государственности активно и целенаправ-

ленно использовались в России и против России с момента утверждения ее в качестве суверенного государства, претендующего на свою роль в мировой политике. Начиная с периода правления Ивана III, заложившего основы централизованного Российского государства, вплоть до настоящего времени эти технологии являются одним из основных форм и средств сдерживания России и нанесения ей максимального ущерба. И это стало одним из основных трендов развития мировой политики.

Тот факт, что российская государственность устояла под напором различного рода нашествий, вторжений, агрессий, интервенций и иных попыток нанесения ей максимального ущерба, свидетельствует о мощном оборонном потенциале. Российская государственность формировалась в войнах и сражениях.

В то же время две крупнейшие геополитические катастрофы – гибель Российской империи и распад СССР – свидетельствуют о том, что даже такие мощные государственные образования могут уйти в небытие под воздействие разрушительных невооруженных факторов.

Россия в очередной раз победила, выражаясь словами К. Клаузевица, сама себя, вследствие ничтожности и предательства ее политической «элиты» и массовой обработки и перестройки общественного сознания.

Поэтому чрезвычайно актуально звучат слова Президента о том, что Россия исчерпала свой лимит на революции. Только в XX веке их было пять, и это не учитывая так называемый XX съезд, давший старт разрушению советской государственности.

Принципиально важным является то, что всем эти российским революциям предшествовала массовая обработка общественного сознания.

Таким образом, информационно-коммуникативные технологии являют собой достаточно разработанную в теории и апроби-

рованную на практике совокупность методов и инструментов достижения желаемого результата. Они экономичны, эффективны, доступны и чрезвычайно рентабельны, позволяя с минимальными затратами добиваться больших результатов. Поскольку речь идет о власти, тем более на государственном уровне, то всегда будут находиться силы и структуры (как внешние, так и внутренние), стремящиеся к тому, чтобы на волне недовольства, в том числе инспирированного, управлять процессами подрыва внутриполитической стабильности и, соответственно, достижения самой власти.

В то же время их главная уязвимость заключается в шаблонности. Для того чтобы противодействовать, необходимо знать эти технологии. Это позволит нам понимать логику тех, кто инициирует и управляет этими процессами, и, соответственно, нейтрализовать или минимизировать ущерб от их применения.

Следует отметить, что, несмотря на различия государств, общим для всех госпереворотов и их попыток является вполне определенный набор маркеров, свидетельствующий о подготовке к этому соответствующих структур, сил и средств.

1. Дискредитация ее политического режима, парализация органов власти, управления, обеспечения безопасности и правопорядка.

2. Формирование недружественного окружения.

3. Провоцирование раскола в обществе, противопоставление различных групп населения друг другу и органам власти в целом.

4. Внедрение в государственные структуры, на различные должности, особенно связанные с принятием решений, лиц, так или иначе связанных с деятельностью как иностранных спецслужб, так и оппозиционных структур, с тем чтобы в необходимый момент или же парализовать деятельность по обеспечению правопорядка и безопасности, или же делать их неэффективными.

5. Финансирование, осуществляемое под предлогом подготовки проведения каких-либо гуманитарных акций, правозащитных мероприятий, активизации гражданского общества и т.д.

6. Подготовка боевых групп госпереворотов и их использование в эскалации напряженности в обществе и подавлении сопротивления со стороны населения, несогласного с переворотом.

7. Инициирование резонансных событий, таких, например, как принятие непопулярных законов, подписание соглашения (Украина), наличие сакральных жертв, скандалы с участием представителей политической элиты и т.д.

Наибольший же резонанс, как правило, обретают избирательные кампании. Поэтому проведение революции зачастую приурочивается к выборам в высшие органы государственной власти в силу того, что они способствуют мобилизации населения.

При этом результаты выборов заблаговременно объявляются сфальсифицированными, выдвигаются требования пересчетов, перевыборов, вплоть до достижения искомого результата – прихода к власти радикальной оппозиции.

8. Реализация комплекса мер по информационному обеспечению и информационному сопровождению как самого государственного переворота, так и утверждения во власти представителей нового политического режима.

Для достижения этих целей обеспечивается контроль над наиболее популярными, особенно в молодежной среде, масс-медиа и поддержка со стороны мировых (американских) СМИ. Одновременно с этим осуществляется блокировка правительственных информационных ресурсов и их дискредитация.

9. Особую значимость на данном этапе обретает процесс фейкизации освещения событий и процессов в выгодном для инициаторов и руководителей протестных акций ракурсе.

Анализ всех наиболее значимых цветных переворотов, как состоявшихся, так и провалившихся, свидетельствует о том, что данный набор маркеров свойствен большинству процессов данной категории.

Важнейшим выводом из анализа практики дестабилизации ситуации последних десятилетий является то, что от них не застрахованы даже самые стабильные и благополучные государства. Посредством различного рода технологий можно обрушить ситуацию в любой стране, даже самой успешной и благополучной.

Очевидно также и то, что для предупреждения и пресечения попыток госпереворотов необходимы политическая воля и способность власти подавить антигосударственные выступления, под какими бы гуманитарными брендами они ни реализовывались.

Жесткое и своевременное противодействие и пресечение попыток дестабилизации внутриполитической ситуации делает невозможным реализацию сценария цветной революции. Об этом, в частности, свидетельствуют несостоявшиеся революции в Азербайджане (2005 г.), России (2011–2012 гг.), Иране (2011 г.), Китае (2014 г.), Венесуэле (2018 г.), Белоруссии (2020 г.) и в некоторых других странах. Само по себе силовое воздействие против разрушения конституционных основ государственности, безусловно, оправдано как с политико-правовой, так и с морально-нравственной позиции. Но при этом необходимо осознавать, что силовое пресечение государственного переворота – это крайняя мера. Более значимыми и эффективными являются меры предупредительного характера.

Любые действия деструктивного характера легче предотвратить, чем устранять их последствия. Предупреждение возможности государственного переворота предполагает, прежде всего, реализацию системы мер, направленных на формирования информационно-психологического иммунитета населения страны – формирование патриотического сознания граждан Российской Федерации.

Это определяет необходимость существенной корректировки процессов воспитания и просвещения.

Система образования, по словам Президента России В.В. Путина, должна базироваться на национальной идее, основу которой определяет патриотизм. У нас нет никакой, и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. А для того чтобы его пробудить, а точнее внедрить в сознание восприятие патриотизма как национальной идеи, «нужно постоянно об этом говорить, на всех уровнях».

9 ноября 2022 года Президент России Владимир Путин утвердил основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей.

Понятие «традиционные ценности» сформулировано там как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

К ним, согласно документу, относятся «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу». Также перечислены «высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов».

Основы госполитики также предполагают формирование на мировой арене образа России как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей. Кроме того, одной из целей станет защита русского языка и противодей-

ствие излишнему использованию иностранной лексики. Среди «угроз традиционным ценностям» названы деятельность экстремистских и террористических организаций, «отдельных СМИ», действия США и других недружественных государств, транснациональных корпораций и НКО. В частности, речь идет о деструктивном влиянии на россиян «культивирования эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений».

Если мы хотим, чтобы у страны было будущее, патриотизм нужно формировать сейчас и начинать с детских садов и школ, продолжая этот процесс непрерывно, вплоть до становления личности гражданина страны. Это является необходимым условием эффективного развития и государства, и общества.

Это определяет необходимость институализации в общественном сознании общенациональной патриотической, государственнической идеологии, утверждения идей государственности и патриотизма в качестве основополагающих императивов общественного сознания, не подверженного конъюнктурным колебаниям и обладающего иммунитетом от внешнего ангажированного воздействия.

Очевидно, что важнейшим трендом современного развития мирового сообщества является битва за умы, за молодежь. Мы не имеем права эту битву проиграть. Между тем, российская система образования, начиная с дореволюционных времен и вплоть до сегодняшнего дня, ориентирована на «европейскость». Мы не десятилетиями, а столетиями изучаем западную философию, социологию, политологию, вариант «норманнской теории» истории России и т.д. Иными словами, мы сами добровольно формируем мировоззрение западноцентричной – нероссийской личности. В то же вре-

мя работы наших отечественных мыслителей Л.Н. Гумилева, Н.Я. Данилевского, А.А. Зиновьева, И.А. Ильина, Н.И. Костомарова, К.Н. Леонтьева, П.Н. Савицкого, Б.Н. Чичерина и многих других ни в вузах, ни тем более в школах не изучаются.

Российская научная мысль фактически изгнана из учебного процесса и является лишь достоянием узкого круга специалистов. В этих условиях говорить о формировании российской ментальности не приходится. Поскольку более чем очевидно, что незнание порождает непонимание, которое, в свою очередь, формирует отторжение.

Еще одним направлением обеспечения внутривнутриполитической стабильности является формирование отечественной интеллигенции. Невнимание к этим процессам способствовало образованию целого пласта представителей русофобствующих представителей интеллигенции, возложивших на себя миссию борьбы с политическим режимом в России, да и с самой Россией.

Примечательно, что, когда в свое время Л.Н. Гумилева спросили, является ли он интеллигентом, он ответил отрицательно, потому что, как ответил Лев Николаевич, «у меня есть профессия, и я люблю Родину». Современная же российская интеллигенция, по его словам, «это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всем судят и совершенно не приемлют инакомыслия». Думается, что проблема не в самой интеллигенции, а в искаженном восприятии той социальной группы, которая себя соотносит с ней. Интеллигенция предполагает ответственность за духовно-нравственное состояние общества и его граждан, а не внедрение деструктивных идеологем, разрушающих социум.

Поэтому интеллигенция – это все же не наш попсовый бомонд, не актеры с актрисами, хотя среди них много интеллигентных людей, не литераторы, написавшие за всю свою творческую жизнь одну единственную книжку, и не отставные политики, позиционирующие

себя в качестве выразителей общественной и гражданской позиции. Интеллигенция – это те люди, которые создают и утверждают духовные ценности. Это учителя, инженеры, врачи, представители иных профессий, воспроизводящих продукцию общественного блага. И именно эта часть должна определять императивы общественного развития, а не представители шоу-бизнеса, готовые за деньги продвигать любые «ценности», в том числе и антироссийские.

Все это – мероприятия долговременного характера. В то же время чрезвычайную актуальность обретают меры оперативного реагирования на формирующиеся риски и угрозы. Речь идет, прежде всего, о предупреждении и нейтрализации реализации технологий дестабилизации внутриполитической ситуации. Решение этой задачи предполагает знание и понимание этих технологий, а также возможностей использования их не на разрушение, а, напротив, на противодействие разрушению. Поэтому в данном случае методичка Дж. Шарпа, а также иные работы по проблематике, связанной с дестабилизацией внутриполитической ситуации, должны сыграть свою роль в противодействии инициированию цветных революций.

Сценарии попыток дестабилизации внутриполитической ситуации повторяются практически в каждой стране с незначительными отклонениями, обусловленными этноконфессиональной спецификой населения. Это позволяет прогнозировать применение технологий дестабилизации внутриполитической ситуации и принимать меры по их нейтрализации на как можно раннем этапе.

Помимо этого, чрезвычайно значимо определение статуса лиц, принимающих участие и готовых принять участие в государственном перевороте посредством цветной революции. Относить их к оппозиции неправомерно. Оппозицией можно считать только тех лиц, которые выражают свое несогласие в рамках существующего правового поля. Если же речь идет о сломе государственной системы или о попытках этого, то расценивать эту деятельность це-

лесообразно как экстремистскую, и именно в этом ракурсе эти процессы и лица, в них участвующие, должны восприниматься государством и обществом. В данном случае примером являются США, где после событий 6 января 2021 года – захвата Капитолия протестующими против итогов президентских выборов более 450 человек были привлечены к ответственности, более 150 человек находятся под арестом с угрозой тюремного заключения от 15 до 25 лет по обвинению в мятеже и других преступлениях.

Еще одним направлением противодействия дестабилизации и попыток цветных революций под патронажем США является контроль за средствами, выделяемых американским бюджетом на финансирование протестных групп в других странах. Наконец, чрезвычайно значимым направлением противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации является дегероизация лидеров подобного рода структур и групп, развенчание их ореола «романтизма».

Это далеко не полный перечень мер, которые можно применить для обеспечения национальной безопасности, в то же время их комплексное и системное использование будет способствовать успешному противодействию дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Российской Федерации, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Литература и источники:

1. Антироссийские санкции: история и современность / Гришин В.И., Гришина О.А., Жидких В.А., Кошкин А.П., Бочарников И.В. Информационно-аналитический вестник / Москва, 2016. Том Выпуск 7.
2. Бочарников И.В. Россия в документах стратегического планирования США и НАТО. В кн. Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах. М., 2015.
3. Бочарников И.В. Украинский «закат» Европы // Геополитический журнал. 2014. № 6. С. 2–6.
4. Грамши А. Тюремные тетради. Избранные произведения в трех томах. М.: Политиздат, 1956–1959. Т. 3.

5. Кара-Мурза С.Г. Управление массовым сознанием: психологическая война. <https://rusrand.ru/analytics/upravlenie-massovym-soznaniem-psiologicheskaja-vojna> (дата обращения: 25.06.2021).
6. Л.Н. Гумилёв об интеллигенции. <https://fabulae.ru>.
7. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.
8. Манойло А.В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3.
9. Овсянникова О.А. Украина. Реализация проекта «АнтиРоссия». В кн. Постсоветское пространство в начале третьего десятилетия XXI века. М., 2021.
10. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955.
11. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М., 2012.

ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ

Петренко Анатолий Иванович

На сегодняшний день как никогда остро стоит вопрос об обеспечении информационно-психологической безопасности подрастающего поколения. Эта проблема, по нашему мнению, пока решается весьма слабо и непрофессионально. Каждый человек – это элемент системы, именуемой государство. А если следовать постулатам надежности систем, то важным и определяющим будет тезис о том, что любая система надежна только тогда, когда она надежна в самом слабом своем звене. Нашими оппонентами делается все возможное, чтобы молодое поколение России стало самым слабым звеном в системе «Государство».

Именно на реализацию этой цели и направлены все информационно-психологические операции по деформации сознания нашей молодежи. Примером того, как важно не допустить этого явления, служит сегодняшняя Украина, где на протяжении более 30 лет велась целенаправленная работа по внесению в сознание подрастающего поколения изменений, необходимых заказчику. Если на Украине эта работа велась, прежде всего, в привитии в сознании молодежи ненависти ко всему русскому и результаты этой работы дают свои плоды, то в России на протяжении многих лет велась активная работа по размыванию у наших детей и молодежи чувства патриотизма. Одним

из показателей результата этой работы является количество выехавших молодых людей за рубеж после начала СВО.

Что же можно и нужно сделать, чтобы грамотно противодействовать информационно-психологическим операциям по деформации сознания нашей молодежи и обеспечить ее информационно-психологическую безопасность?

Рассмотрим лишь некоторые аспекты этой весьма емкой и многоуровневой проблемы. Прежде всего, на государственном уровне необходима разработка и введение в эксплуатацию системы информационно-психологической безопасности подрастающего поколения.

Целями такой системы могут стать:

- создание системы мер, направленной на предотвращение реализации угроз информационно-психологической безопасности подрастающего поколения;
- создание системы мер, направленной на подготовку персонала всех государственных структур к действиям при возникновении угроз информационно-психологической безопасности подрастающего поколения;
- создание системы мер, направленной на защиту подрастающего поколения от вредоносного воздействия информационно-психологических операций.

Задачи, решаемые такой системой, можно представить следующим образом:

- диагностические, связанные с накоплением и анализом новых знаний, информации о потенциальных угрозах;
- проектировочные, связанные с планированием деятельности государства в направлении достижения целей системы безопасности;
- коммуникативные, связанные с установлением взаимодействия между органами, силами и средствами системы безопасности в процессе ее функционирования;

- организаторские, включающие действия по руководству реализацией конкретного воздействия на объекты угрозы информационно-психологической безопасности подрастающего поколения с целью их устранения (парирования, локализации).

Остановимся на некоторых понятиях, которыми мы будем оперировать:

Уязвимость – открытость системы к различным экстремальным внутренним и внешним событиям/воздействиям, которые способствуют развитию катастрофического процесса. Достаточно часто понятие «уязвимость» определяют через связанные с ним характеристики системы. Например, под уязвимостью системы понимают совокупность свойств, являющихся противоположными устойчивости и живучести системы, а также ее способности устойчиво функционировать.

Риск – это действие, совершаемое человеком, в условиях возможной положительной или отрицательной определенности. Цель риска – реализация одной из таких возможностей, т.е. превращение возможности в действительность. Риск выступает как непреодолимость, своеобразный рубеж, к которому при личном устремлении может подойти каждый человек, не зная при этом последствий преодоления этого рубежа. Категория риска ранее использовалась в морской терминологии и служила для обозначения предполагаемого препятствия на пути у моряков: подводной скалы или неизвестного прежде подводного течения и т.п. Здесь скрыт смысл риска как некоторой неожиданности, внезапности, тайны того, что находится под водой, скрыты от взгляда.

В условиях риска многое зависит от того, насколько познан объект, как субъект осознает свое место и роль в сложившейся ситуации, каков профессионализм руководителя и ценностные ориентации человека. Таким образом, риск – это возможная определен-

ность. Применительно к системе информационно-психологической безопасности подрастающего поколения очень важно определить возможные причины деформации сознания молодежи, так как, зная факторы – движущие силы совершающегося процесса – легче предпринять какие-то конкретные шаги по блокированию нежелательных последствий, предотвращая тем самым вызываемый ими отрицательный эффект.

Угроза безопасности – совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства.

Хотелось бы чуть более подробно остановиться на характеристиках такого инструмента информационно-психологических операций, как информационные вирусы.

Информационный вирус – это информация, под воздействием которой у молодых людей могут происходить изменения в сознании, влекущие впоследствии к деструктивному поведению.

Характеристика угроз информационных вирусов, с которыми сталкиваются молодые люди в виртуальной среде:

- информационные вирусы, возбуждающие интерес;
- информационные вирусы, влияющие на деформацию сознания;
- информационные вирусы, стимулирующие деструктивное поведение.

К информационным вирусам, возбуждающим интерес, можно условно отнести:

- реклама;
- броская и красиво оформленная информация;
- информация, сопровождаемая модным аудио или видео рядом;
- необычно поданная информация.

Информационные вирусы, влияющие на деформацию сознания, можно подразделить на:

- мнение авторитетных блогеров;
- информация, содержащая искаженную фактологию;
- информация, противоречащая усвоенной ранее;
- информация, повторяющаяся в различных источниках;
- информация многократно повторяемая.

Информационные вирусы, стимулирующие деструктивное поведение молодежи – это информация, призывающая к конкретным действиям:

- подталкивающие к употреблению наркотиков;
- подталкивающие к употреблению алкоголя;
- подталкивающие к суициду;
- подталкивающие к экстремизму;
- подталкивающие к участию в несанкционированных акциях;
- подталкивающие к убийству других.

Для диагностики степени и направленности влияния виртуальной среды на подрастающее поколение необходимо задействовать определенные диагностические методы, например: мониторинг их виртуальной среды, анкетирование, собеседование и т.п.

Мониторинг виртуальной среды дает возможность понять:

- какие книги читает подросток;
- какие фильмы смотрит подросток;
- какие блоги наиболее часто им просматриваются;
- какими Интернет-ресурсами он чаще пользуется.

Анкетирование может помочь выявить отношение к информации из Интернета.

Поставив перед анкетлируемым такие вопросы, как:

- Какая новость в Интернете произвела на вас наибольшее впечатление за последний месяц?

- Какая новость в Интернете произвела на вас наибольшее впечатление за последнюю неделю?
- Какая новость в Интернете произвела на вас наибольшее впечатление за вчерашний день?

Мы можем попросить сформулировать свое отношение к каждому из них:

- крайне положительное;
- скорее положительное;
- нейтральное;
- скорее отрицательное;
- крайне отрицательное.

Собеседование дает возможность получения более развернутой информации от опрашиваемого, у него появляется возможность порассуждать на заданные темы, более детально сформулировать свое отношение к тем или иным проблемам, поделиться своими сомнениями и т.п.

Эта работа особенно важна еще и потому, что по данным Центра изучения и сетевого мониторинга молодежной среды в настоящее время в российском сегменте социальных сетей зафиксировано примерно 25 миллионов аккаунтов с деструктивным контентом. И это только то, что пока зафиксировано!

По сути своей комплекс виртуальных угроз уже на самом деле трансформировался в такое опасное явление, как киберагрессия. У киберагрессии есть своя специфика по способам выражения: наиболее распространенной «упаковкой» киберагрессии становится визуально-образный формат – фото, мемы, видео и особенности разнообразных онлайн-площадок (личные сообщения, переписки в групповых чатах и комментарии и обсуждения в открытых сообществах).

Киберагрессия становится значимым феноменом, затрагивая, в первую очередь, подростков и молодежь. Среди всех поколений

именно поколение Z (12–17 лет) находится в особой зоне риска по интенсивности столкновения с онлайн-агрессией. Практически каждый подросток и большинство представителей молодежи сталкивался хотя бы с одним видом агрессии, а каждый второй – с более чем тремя видами.

Наиболее распространенной формой киберагрессии с полным правом можно назвать фейки, которые массированно вбрасываются в виртуальное информационное поле.

Модель действия фейков, призванных вызывать деформацию сознания подрастающего поколения, ориентирована, прежде всего, на:

- выбор отрицательного действия;
- гиперболизацию отрицательного действия;
- имплантацию результата в реальность;
- акцент на введенном сообщении;
- порождение следствий.

Характерные особенности фейков как инструмента информационно-психологического воздействия заключаются в том, что:

- они имеют возможность направлять на один объект воздействия большого количества фейков, подготовленных разными авторами, размещенных на различных информационных ресурсах, а сама процедура размещения может носить пролонгированный характер;
- все они не носят спонтанный характер, а четко спланированы и координируются из единого центра управления;
- они весьма просты в изготовлении. Анализ значительного количества фейков показывает, что их авторы не затрудняют себя поиском фактологии, а пользуются одними и теми же информационными клише;
- передаваемая информация активно окрашивается в негативный эмоциональный фон в отношении объекта воздействия;

- каждая серия фейков имеет свой объект (объекты) воздействия и свою целевую группу.

Разоблачение фейков необходимо осуществлять по основным их болевым точкам:

- отсутствие логики;
- игнорирование доказательной базы;
- противоречия в самой фейковой информации;
- откровенная ложь;
- абсурдность утверждений;
- перевод читателя фейка из эмоциональной в рациональную сферу восприятия;
- демонстрация единообразия в выборе одних и тех же информационных клише практически всеми авторами фейков и т.д.

Давно назрела необходимость проведения системной профилактики деструктивного информационно-психологического воздействия на сознание подрастающего поколения.

Нам такая профилактика представляется как система мер по выявлению, предупреждению и пресечению деструктивного информационно-психологического воздействия на сознание подрастающего поколения.

В свою очередь, выявление мы рассматриваем как комплекс действий, направленных на своевременное получение информации о назревающих деструктивных изменениях в сознании молодежи.

Предупреждение – комплекс мер, направленных на своевременное совершение действий, блокирующих возможность деструктивных изменений в сознании молодежи.

Пресечение – комплекс мер, направленных на своевременное совершение действий, ориентированных на побуждение молодых людей к отказу от начавшегося правонарушения и минимизации ущерба от уже совершенных действий правонарушителя.

К сожалению, мы сегодня запаздываем с решением этой серьезной и непростой проблемы. Важно незамедлительно развернуть работу на государственном уровне по срыву планов по промыванию мозгов наших граждан и, в первую очередь, подростков и молодежи!

Литература и источники:

1. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации: теоретические основы и практика реализации. М., ГБУ Московский дом национальностей, 2021. 206 с.
2. Карпович О.Г., Манойло А.В., Стригунов К.С., Петренко А.И. Основные аспекты информационной войны против России в рамках текущего украинского кризиса. с.149–164. Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России. Сборник материалов Академии военных наук. М., «Экон-Информ», 2022, 210 с.
3. Манойло А.В., Фролов Д.Б., Петренко А.И. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Горячая линия – телеком, 2021.
4. Манойло А.В., Петренко А.И., Стригунов К.С., Рожин Б.А. Фейки: анатомия лжи. М.: Горячая линия – Телеком, 2021.
5. Петренко А.И. Технологии информационной войны: просто о сложном. Как помочь школьникам разобраться, где правда, а где ложь // Педагогическое искусство. № 2. 2022. С. 194–207.
6. Петренко А.И. Технологии отражения информационных атак в отношении России // Гражданин. Выборы. Власть. 2022, № 2. С. 163–171.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВА – ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Вишневская Валентина Петровна

Формирование позитивного образа государства является стратегической задачей политики государства в связи с определением и закреплением его статуса на мировой арене.

Проведение в отношении России и Беларуси широкомасштабной информационно-психологической войны актуализирует необходимость формирования позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства.

В ходе информационно-психологической войны проводятся массированные атаки на общественное политическое сознание, включая манипулирование личностью, обществом, профессиональным сообществом, государством. Используются различного рода технологии (информационные, коммуникативные, информационно-психологические, политические и др.), а также технологии деструктивного мифотворчества, направленные как на подмену рационального восприятия политической реальности на иррациональное ее искажение, так и искажение медиа-образов политических лидеров, разрушение позитивного образа России, Беларуси и формирование «образа врага», «образа агрессора», на внутривнутриполитическом, внешнеполитическом и мировом уровне.

Ярким примером попыток психологического программирования, «переформатирования» мирового общественно-политического сознания с использованием технологий деструктивного мифотворчества выступают срежиссированные фэйки о событиях, происходящих в Украине.

В этом же контексте целесообразно обратить внимание на наличие в информационном пространстве, в различных его сферах, политических и социальных мифов.

Миф – не просто фантазия, выдумка, а способ существования мысли, которая непосредственно вплетена в бытие, в поступок человека.

Структура мифа, его содержание и формы, степень воздействия на сознание представлены в публикациях Р. Барт, Л. Беннет, Э. Кассиер, Ф. Кессиди, У. Леви-Строс, М. Элиаде и др.; социологические характеристики явления манипуляции общественным сознанием отражены в работах Г.Г. Воробьева, С.И. Григорьева, Б.А. Грушина, А.В. Толстых, Г.В. Осипова и др.; социально-психологические и психолого-педагогические аспекты мифотворчества изложены в публикациях Э. Вебера, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, М.Г. Макаровой, В.Д. Парыгиной и др.; проблемы СМИ и способы их воздействия на сознания рассматриваются в трудах С.И. Белова, Ю.В. Воронцова, П.С. Гуревича, Е.Н. Карцевой, Е.Д. Павловой и мн. др.

Особенно ярко мифологизация сознания, по мнению Е.Д. Павловой, наблюдается в ходе политических пропагандистских акций, рекламных компаний, когда СМИ превращаются в мощное оружие «психопрограммирования» масс. По мере усложнения этноса, формирования нации происходит и усложнение его мифологии, отмечает автор, в которой начинает выделяться такая ее разновидность, как политическая мифология.

«Политическая мифология – совокупность представлений и идей (о явлениях, процессах, субъектах политической сферы общества), которые не подвергаются критической рефлексии и воспринимаются индивидами на уровне бессознательного. Этот миф – результат сложного иерархического взаимодействия в индивидуальном и массовом сознании архетипических оснований с рациональной интерпретацией политической реальности. Политический миф базируется на архетипе, он связан с глубинными, ведущими потребностями, эмоционально окрашен и служит своеобразным «спусковым крючком» политической активности» [1, 109].

«Посредством политической мифологии нация формирует представление о собственных политико-государственных особенностях, о своем месте в мировом политическом пространстве и истории, о собственном прошлом, настоящем и будущем. Политическая мифология отличается от других форм мифологических представлений активной ролью политических агентов в процессе ее формирования и, следовательно, в значительной степени искусственным происхождением» [1, 109]. Автором также указывается на то, что масс-медиа принимают на себя статус «четвертой власти», обладающей монополией на информацию, которая позволяет расставлять собственные смысловые акценты, задавать нравственно-ценностные ориентиры, активно влиять на общественное мнение. Согласно Е.Д. Павловой, проблема скрытого влияния на сознание личности может стать опасным информационно-психологическим оружием в руках деструктивно настроенных сил. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения автора.

Ограничением деструктивного влияния СМИ, в соответствии с мнением Е.Д. Павловой, может служить медиаобразование – относительно новое направление в педагогике, помогающее молодому поколению изучить законы функционирования СМИ. Автор в контексте медиаобразования цитирует английского психолога Л. Мастермана.

В качестве цели медиаобразования, согласно Л. Мастерману, выступает – «формирование «критической автономии» личности, т.е. ее способности самостоятельно ориентироваться в мире печатной и электронной прессы, познавать медийные тексты, представленную в них отображенную картину действительности и формировать, собственные аргументированные суждения о деятельности СМИ» [1, 194]. Полностью разделяя данную точку зрения автора, необходимо отметить, что проблема медиаобразования не только не потеряла свою актуальность в настоящее время, но и является одной из доминирующих, в связи с широкомасштабным использованием в информационном пространстве информационно-психологических технологий деструктивного характера, представляющих угрозу личности, обществу, профессиональному сообществу, государству.

Несколько иной подход к проблеме политического мифотворчества представлен в работе В.Л. Бозаджиева. На основании анализа публикаций ряда авторов (Дилигенский Г.Г., Кассирер Э, Коршунова Л.С., Лубский Р.А., Щербинина Н.С. и др.) В.Л. Бозаджиев рассматривает политический миф в ракурсе политической психики, включающей такие ее компоненты, как политическое мышление, политическое воображение. Политическая психика, в соответствии с мнением автора, «представляет собой особую форму активного отражения субъектом общественно-политических процессов и явлений, возникающих в социально-политическом взаимодействии этого субъекта с внешним миром и осуществляющую в его поведении (деятельности) регулятивную функцию. Политическая психика открывает субъекту не политическую ситуацию (политические процессы и явления) как она есть, а поле его действия, то есть те объекты политики и те их свойства, которые важны для жизни субъекта» [2, 212]. В.Л. Бозаджиевым указывается на то, что в ходе политико-психологического анализа политическая психика вклю-

чает в себя три основных блока: 1) когнитивный блок (политическое восприятие, политическая память, политическое мышление, политическое воображение); 2) эмоционально-волевой; 3) политического поведения. Автор акцентирует внимание на политическом мышлении как ключевой и определяющей составляющей политической психики, а также на наиболее распространенных формах политического воображения – политические мифы и политические утопии. Психологической основой утопии, также как и мифов, по мнению В.Л. Бозаджиева, выступает склонность людей к иллюзиям [2]. Данная точка зрения автора, безусловно, представляет интерес в рамках рассматриваемой проблемы, в тоже время имеет дискуссионный характер.

Мифологизация массового сознания в соответствии с мнением А.А. Сорокина, реализуется в политическом процессе в виде подмены рационального восприятия политической реальности на иррациональное, в результате которого искажается структура и содержание сознания масс. Мифосознание – синтез политического и мифологического сознания, которое характеризуется упрощенной и схематично конкретизированной картиной мира с дихотомическим разделом на «своих и чужих» и по своей сути является ложным. Сущность мифологизации массового сознания рассматривается А.А. Сорокиным, исходя из воздействия политического мифа на основные (константные, инерционные, динамические) компоненты массового сознания. Автор отмечает, что специфика мифологизации массового сознания состоит в противоречивой природе политического мифа, который стремится как к систематизации знаний о политической реальности, так и фрагментирует, искажает восприятие политического процесса, в связи с его манипулятивной природой [4].

Манипуляция массовым сознанием в Республике Беларусь, по мнению А.А. Сорокина, «представляет собой специфическую политическую деятельность широкого спектра оппозиционных по-

литических сил, направленную на разрушение структуры и содержания общественного сознания жителей Беларуси, замещение исторической памяти ложными политическими мифами, деформацию цивилизационной и национальной идентичности граждан, формирование протестных политических настроений, подрыв легитимности существующего строя и его основных элементов, а также создание, развитие и модерирование сетевых оппозиционных политических сообществ с целью реализации в Беларуси технологии «цветной революции»» [4, 4]. Полностью разделяя мнение автора по обозначенной проблеме, необходимо подчеркнуть факт того, что события последних лет ярко продемонстрировали агрессивный, деструктивный характер манипулятивных информационно-психологических технологий используемых в информационном пространстве в отношении Республики Беларусь, направленных на нарушение суверенитета и государственной целостности.

«Политические мифы действуют так же, как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления. Они побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло» [5, 389].

Целью социального мифа является «формирование готовности человека к определенному действию или бездействию; изменение характера уже существующих паттернов поведения; формирование или искажение взглядов общественности на то или иное явление, событие» [6, 18]. Необходимо отметить, что как политический, так и социальный миф, используемый в информационном пространстве, выступает в качестве эффективного механизма идеологической манипуляции.

Одной из значимых установок манипуляции общественным сознанием выступает предварительное «раскачивание» эмоциональной сферы личности, общества, профессионального сообще-

ства с использованием СМИ, в качестве примеров являются: оказание психологического давления на военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, медицинских работников; толпа, ее психология; акции террористов; крупные военно-политические конфликты и т.п. В целях манипуляции могут использоваться любого рода чувства и эмоции, позволяющие на какое-то время отключить аналитические способности, логическое мышление и здравый смысл личности (группы лиц). Следовательно, личность и/или общество становятся достаточно уязвимыми, в отношении используемых различного рода манипулятивных технологий.

Роли современных СМИ в процессах оказания воздействия на личность, общество, государства отводится ведущее место. Они выступают средством мощной информационной экспансии, целью которой является безраздельное господство механизма манипуляции индивидуальным и общественным сознанием, используя при этом деструктивное мифотворчество, о чем указывалось выше.

В этой связи необходимо обратить особое внимание на своевременное разоблачение деструктивных мифов и применение превентивных мер в отношении мифологизации общественного политического сознания в целях сохранения суверенитета и государственной целостности [7].

В условиях открытой широкомасштабной информационно-психологической войны вопросы формирования позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства являются стратегически значимыми для государства.

Феномен «образа государства» имеет междисциплинарный характер. В зависимости от области научных знаний (психология, политология, философия, социология, культурология, история и др.), в которой он исследуется, вводится специальная терминология («имидж государства», «облик государства», «модель государства»,

«идеальный образ государства», «Я-образа государства», «репутация государства», «государственная идентичность» и др.).

В научной литературе излагаются различные подходы к изучению образа государства, его структурных составляющих, функций и т.д.

Изучению феномена «образа государства» посвящены многочисленные публикации ряда авторов: Е.Б. Шестопал, Т.В. Евгеньевой, Н.М. Ракитянского, Т.Н. Пищевой, К. В. Плешакова, В.Н. Иванова, В.К. Левашова, В.Н. Александровской, В.В. Серебрянникова, Г.В. Осипова, В.Н. Кузнецова, Н.А. Коваленко, Г.И. Марченко, И.А. Носкова, Э.А. Галумова, И.С. Семенченко, Г.Г. Почепцова, А.В. Федякина, А.Н. Киркина, Д.Н. Замятин, И.Ю. Киселева, И.В. Фомина и многих других.

Учитывая многогранность и сложность указанного выше феномена, в научной литературе представлено ряд определений понятия «образ государства».

«Образ государства – совокупность представлений политического руководства страны о национальной идентичности, статусе и роли страны на международной арене» [8, 51].

«Образ государства – динамическая совокупность объективно существующих, целенаправленно формируемых и субъективно воспринимаемых сущностных характеристик политически организованного, территориально оформленного и подчиненного верховной власти общества» [9, 14].

«Образ «Я» государства – совокупность убеждений коллективного субъекта о себе, конструируемая и репрезентируемая политическим руководством государства. Он обладает сложной структурой, состоящей из трех компонентов – идентификационного, статусного и ролевого, и формируется в результате интерсубъективного взаимодействия субъектов международных отношений» [10, 11].

В аспекте изучения вышеуказанной проблемы представляют интерес публикации А.В. Федякина, в которых излагаются основы политики формирования позитивного образа российского государства как внутри страны, так и на международном уровне. Автор указывает на важную роль формирования позитивного образа государства, в связи с развитием отечественной экономики, требующей притока иностранных инвестиций и в целях решения задач политики национальной безопасности, где выбор альтернатив осуществляется на основе формализованных, субъективных экспертных оценок и информационных моделей. Отмечается, что информационное воздействие на потенциальных и реальных противников также требует формирования определенного образа, основанного на репутации, которая способна сорвать агрессивные планы оппонентов.

А.В. Федякиным подчеркивается, что «Россия может позиционировать себя как государство – участник международных отношений посредством использования нескольких образов: государства-союзника (он подразумевает институционализированные политические отношения и всю полноту экономических, научно-технических, гуманитарных и иных связей с другим государством); государства-стратегического партнера (он предполагает неинституционализированные политические отношения и весь спектр иных связей с дружественной державой); государства-партнера (преимущественно торгово-экономические и гуманитарные связи между странами); нейтрального государства (в основном торговые связи стран); государства-конкурента (сочетание взаимодействия государств в различных сферах с их невооруженной борьбой); государства-противника (сочетание минимальных контактов между странами с жестким противоборством во всех сферах)» [6, 41]. В соответствии с мнением автора «организационный механизм формирования позитивного образа государства в России может включать несколько контуров принятия и реализации решений: Совет Безопасности России и Аппарат Сове-

та Безопасности, определяющие миссию, видение и Я-концепцию государства, информационное, правовое и организационное обеспечение данной деятельности; межведомственные комиссии (советы) по позиционированию РФ во внутривнутриполитической и внешнеполитической сферах, разрабатывающие конкретные меры и действия, контролирующие их реализацию. Для отечественной аудитории подобные функции может выполнять межведомственная комиссия, координируемая Министерством культуры РФ. Она может включать представителей министерств культуры, образования и науки, Пресс-службы Президента РФ, Министерства обороны РФ, федеральных телеканалов, специализированных СМИ по патриотическому и духовному воспитанию граждан РФ, печатных СМИ. Исполнительными звеньями на местах могут выступить отделы по реализации программ патриотического и духовного воспитания граждан России в системе образования страны и федеральных ведомств, пресс-службы федеральных органов исполнительной власти с подразделениями по формированию позитивного образа государства в регулируемой сфере общественной жизни, а также указанные средства массовой информации с собственными подразделениями по решению этой задачи. Общий контроль и координацию работы межведомственных комиссий (советов) может взять на себя Руководитель Администрации Президента РФ или Секретарь Совета Безопасности России» [6, 16–17]. Разделяя данную точку зрения А.В. Федякина относительно изучаемой проблемы, необходимо подчеркнуть ее актуальность и значимость в современных условиях информационно-психологической войны.

Учитывая многогранность и сложность феномена «образ государства», а также междисциплинарный характер, о чем указывалось выше, в научной литературе представлено многообразие подходов к его исследованию. В то же время отсутствует единство взглядов ученых на обозначенную проблему.

В этой связи правомерным является предложение авторского подхода к изучению феномена формирования и функционирования позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства, как значимой составляющей политики государства.

Теоретико-методологической основой авторского подхода послужили теории психики как отражение действительности (А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн); психологии образа (А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов, Д.А. Ошанин и др.); психология развития образной сферы человека (А.А. Гостев); концепции – «Я», «профессиональная Я – концепция» (З. Фрейд, К. Роджерс); психологии отношений (А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясищев); деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн); психологии общения (Б.Ф. Ломов, А.А. Бодалев и др.); психологии установки (Д.Н. Узнадзе, А.С. Прангишвили); самосовершенствования личности (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А. Деркач и др.) и др.

Основываясь на теориях вышеуказанных авторов, предлагается следующее определение понятия «*образ государства*» – многомерное психологическое понятие, включающее внешнее и внутреннее информационное поле. Он отражает эмоционально-когнитивное отношение политического руководства страны к национальной идентичности, динамике статуса и роли страны на мировой арене, причинам их изменения, выступает в роли фактора, определяющего: особенности формирования, развития и укрепления международных отношений; прогнозировании перспектив развития и эффективного функционирования государства на всех уровнях (внутриполитическом, внешнеполитическом, мировом); особенности поведения и деятельность руководителя государства.

Как многомерное явление образ государства необходимо рассматривать, на внутриполитическом уровне в ракурсе следующих позиций (отношений) – руководства страны (образ государства у руководства страны), социум (образ государства у общества, профес-

сионального сообщества, семьи), личность (образ государства у личности).

Образ государства у личности – многомерное психологическое понятие, включающее внешнее и внутреннее информационное поле. Он отражает эмоционально-когнитивное отношение личности к динамике внутривнутриполитической, внешнеполитической деятельности государства и статуса страны на мировой арене, причинам их изменения, выступает в роли фактора, определяющего особенности: формирования отношений – личность-государство, личность-социум (общество, профессиональное сообщество, семья); социального поведения, общения и деятельности личности; прогнозирования личностных перспектив (образа жизни).

В аспекте изучаемой проблемы обращает на себя внимание тот факт, что процесс формирования и функционирования образа государства у личности – индивидуально-специфичен и базируется на определенной значимости информационных потоков в осознании личностью («образа Я – гражданин страны»; «образа Я – патриот своей страны», «образа Я – белорус», или «образа Я – русский» и др.; «образа Я – политик», или «образа Я – военнослужащий» и др.), и тесно связан с теорией построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности.

На формирование образа государства у личности существенное влияние оказывают:

- социальный, профессиональный, экономический, религиозный статус личности;
- национальная, этническая принадлежность личности и степень ее идентификации;
- уровень развития государственного, политического, патриотического самосознания; политической, правовой культуры, мировоззрения личности;

- ценностные ориентации, морально-нравственный, культурный, интеллектуальный потенциал личности и др.;
- статус государства на мировой арене;
- внешняя и внутренняя политика государства;
- декларируемые государством ценности и ценностные ориентиры;
- декларируемые ценности других государств;
- достижения государства на внутривнутриполитическом, внешнеполитическом, мировом уровнях;
- декларируемый (излагаемый) политическим руководством страны образ прошлого, настоящего и будущего государства;
- уровень развития профессионального сообщества, его достижения;
- ценности и ценностные ориентации профессионального сообщества;
- ценности и ценностные ориентации в обществе, семье;
- ценности, ценностные ориентации и жизненные установки личности;
- самореализация личности (всесторонняя, частичная, отсутствие таковой);
- сопоставление личностью своего образа жизни с таковым у граждан других стран;
- наличие социальных и других гарантий государством и т.д.;
- осознанное включение образа государства в личный образ жизни, образ мира и реальности, прогнозирование личностных перспектив и их согласованность с образом потенциального развития государства;
- наличие в образной сфере личности образа государства (сформированного образа государства, в основном сфор-

мированного, частично сформированного или его отсутствие; сформированного позитивного или искаженного образа государства и/или включающего деструктивные элементы);

- используемые в СМИ, социальных медиа информационные, информационно-психологические, коммуникативные технологии, включая различного рода технологии деструктивного толка и т.д.

Образ государства на мировом уровне необходимо рассматривать с позиций (отношений) – руководства других стран, народов других стран (этнических групп, профессиональных сообществ), личности.

В ракурсе изучаемой проблемы обращает на себя внимание факт того, что образ государства может выступать в качестве источника мотивации ролевого поведения (руководства страны, социума, личности).

В этом же контексте целесообразно подчеркнуть значимость сформированности позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства на всех уровнях. Неадекватно сформированный (включающий деструктивные компоненты) образ государства на международном уровне может представлять угрозу, в частности экономической безопасности (например, как инвестиционно непривлекательный) и национальной безопасности в целом.

Неадекватно сформированный, включающий деструктивные компоненты, образ государства у личности может оказать негативное влияние на мировоззрение, политическое, патриотическое, профессиональное сознание личности и как следствие, например, послужить поводом неправомерного поведения специалиста в профессионально-значимой ситуации, которое может повлечь за собой угрозу срыва выполнения служебным коллективом задач по предназначению.

Формирование в информационном пространстве образа государства как «образа врага», «образа агрессора» с использованием различного рода технологий деструктивного толка, тем самым оказывая негативное влияние на мировоззрение, политическое сознание личности, общественно-политическое сознание, может послужить поводом возникновения конфликтов на уровне личности, общества, профессионального сообщества, государства.

События, происходящие в мире (гибридная война в отношении России и Беларуси, события в Украине и др.), являются ярким тому подтверждением.

В этой связи важным является предотвращение формирования в информационном пространстве негативного образа прошлого, настоящего и будущего государства на любом уровне.

В рамках изучаемой проблемы сущность авторского подхода заключается в целесообразности учета сбалансированности конвергенции образов: «образ государства у руководства страны», «образ государства у личности», «образ государства у профессионального сообщества», «образ государства у общества», составляющий базис национального единства и обеспечивающий в определенной степени национальную безопасность.

В плане практического использования концепции образа государства предлагается различать такие важные компоненты, как основа (ядро) образа государства, «опорная точка образа государства», уровень сформированности и адекватности образа государства.

Основу (ядро) образа государства составляют «Я-концепция государства», национальный образ, конституция, национальные интересы, национальная безопасность (военно-политический, экономический, научный, ресурсный и другой потенциал страны).

Национальный образ включает ряд структурных компонентов, в частности: национальные символы (национальный флаг, герб,

национальный гимн, национальные герои; символы выражающие идею государственной независимости; символические элементы национальной культуры; национально-религиозные символы и др.); национальная идентичность; национальная «Я-концепция»; национальное сознание, политическое сознание и др.

Опорная точка образа государства представляет собой совокупность объективных данных отражающих историю государства, реальные достижения в области политики, экономики, науки, культуры, спорта и т.д., на внутривнутриполитическом, внешнеполитическом и мировом уровнях.

В контексте изучаемой проблемы целесообразно обратить внимание на правовое, организационное и информационное обеспечение формирования и закрепления позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства на внутривнутриполитическом, внешнеполитическом и мировом уровне [11, 12].

Формирование позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства имеет исключительное значение для национального единства.

Сбалансированность конвергенции образов: «образ государства у руководства страны», «образ государства у личности», «образ государства у профессионального сообщества», «образ государства у общества» – базис национального единства, в определенной степени обеспечивающий национальную безопасность.

Авторский подход формирования и функционирования позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства может быть учтен в качестве составляющей «Я-концепция государства».

Образ государства может рассматриваться в интересах безопасности личности, общества, профессионального сообщества, государства.

Позитивный образ государства является значимым фактором обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны.

Позитивный образ прошлого, настоящего и будущего государства, может выступать гарантом мирных, плодотворных, конструктивных отношений, как на внутривнутриполитическом, внешнеполитическом так и мировом уровнях.

Литература и источники:

1. Павлова Е.Д. Средства массовой информации – инструмент скрытого воздействия на сознание: социально-философский анализ. М.: Наука, 2007.
2. Бозаджиев В.Л. Политическое мышление и политическое воображение как компоненты политической психики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 4. 2014. С. 212–214.
4. Сорокин А.А. Трансформация массового сознания в политическом процессе: сущность, специфика, проблема манипуляции. Минск, 2016.
5. Кассир Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 2001. С. 389.
6. Торгованова О.Н. Миф как вариант манипуляции в области социальных отношений (теоретический обзор) // Вестник Тв ГТУ. Серия «Наука об обществе и гуманитарные науки», 2017. Выпуск 2. С. 18–26.
7. Вишневская В.П. Манипулирование в военно-политической сфере – значимая составляющая феномена «мягкой силы» // Коллективная монография: «Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации: теоретические основы и практики реализации» / Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности; под общ.ред. И.Б. Бочарникова, С.Л. Кандыбовича, В.Б. Тарасова. М.: ГБУ «Московский дом национальностей», 2021. С. 124–149.
8. Смирнова А.Г. Образ государства во внешней политике и международных отношениях: опыт социологического исследования / под ред. проф. И.Ю. Киселева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 240с.
9. Федякин А.В. Политика формирования позитивного образа Российского государства (теоретико-методологические и прикладные аспекты политического анализа): автореф. дис....д-ра полит. наук. М., 2010.
10. Киселев И.Ю. Динамика образа государства в международных отношениях): автореф. дис....д-ра социол. наук. СПб., 2003.
11. Вишневская В.П. Формирование позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства – базис национального единства // «Вестник

ИПС РБ». Научное издание. Минск: ГУО «ИПС РБ», № 1 (10) июнь 2022. С. 27–34.

12. Вишневская В.П. Дискуссионные вопросы психологического обеспечения надежности специалиста // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Международный электронный научный журнал: специальный выпуск материалов XVI Международной научно-практической конференции в 5 частях, 20–21 октября 2022 г. ВВИМО, г. Вольск. Ч. 2 / гл. ред. А.В. Немчинов; ред. С.А. Мокроусов [и др.]. Вольск: Тип. ВВИМО, 2022. № 88. С. 44–53.

13. <https://cloud.mail.ru/stock/9KwzzLc9D4zaPMQMhNNJy2WP>

ОБ АВТОРАХ

Белоконь Сергей Петрович – вице-президент Академии военных наук, доктор технических наук, профессор.

Бочарников Игорь Валентинович – руководитель Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана, доктор политических наук, действительный советник Российской Федерации 3 класса.

Вишневская Валентина Петровна – действительный член Академии военных наук, ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», доктор психологических наук, профессор.

Го Фэнли – аспирантка факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Гончаренко Анна Романовна – студентка магистратуры факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Зеленова Владислава Антоновна – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Катков Олег Николаевич – доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана, кандидат исторических наук, доцент.

Кулаков Андрей Анатольевич – ученый секретарь Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, член-корреспондент Академии военных наук, кандидат философских наук, доцент.

Макашова Валерия Валерьевна – доцент кафедры информационного обеспечения Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, кандидат филологических наук.

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

Овсянникова Ольга Александровна – исполнительный директор Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, член-корреспондент Академии военных наук, кандидат педагогических наук, доцент.

Петренко Анатолий Иванович – руководитель направления журналистских расследований проекта «Вбросам.нет», кандидат психологических наук, доцент.

Поздняков Евгений Игоревич – аспирант факультета политологии Московского государственного университета.

Ремарчук Валерий Николаевич – декан факультета «Социальные и гуманитарные науки», заведующий кафедрой «Информационная аналитика и политические технологии», доктор философских наук, профессор.

Ромачев Роман Владимирович – генеральный директор разведывательного агентства «Р-Техно».

Смутьский Сергей Владимирович – профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор политических наук, профессор

Стригунов Константин Сергеевич – ведущий аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям

Теличко Владислав Иванович – кандидат технических наук, генерал-майор запаса, заместитель председателя Центрального правления Российского Союза ветеранов Афганистана, член контактной группы в Трехстороннем минском переговорном процессе по Донбассу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Белоконь С.П. Информационные аспекты прогнозирования угроз военной безопасности Российской Федерации.....	3
Ремарчук В.Н. Информационно-аналитическая деятельность: проблемы и перспективы	16
Смульский С.В. Методологические аспекты формирования объектно-предметного поля информационной аналитики	26
Катков О.Н. Организация практической подготовки специалистов в области информационной аналитики	38
Бочарников И.В. Приоритетные направления информационно-аналитического обеспечения Специальной военной операции	45
Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине.....	62
Ромачев Р.В. Прокси-разведка и классификация разведывательных акторов на примере США	73
Кулаков А.А. О перспективных формах управляемых политических трансформаций США с использованием информационной сферы и подходах Российской Федерации по противодействию им	82
Стригунов К.С. Технология информационных операций, привязанных к политически значимым событиям (теоретические аспекты)	107
Теличко В.И. Сравнительный анализ основных современных моделей военно-гражданского взаимодействия на примере конфликта на Украине	116

Поздняков Е.И. О необходимости пересмотра подхода к «фейковым новостям» и к методам противодействия ложной информации.....	131
Зеленова В.А. Технологическая революция в сфере информационных войн: до и после Крымских событий 2014 года.....	136
Макашова В.В. Дезинформация в медийном дискурсе: анализ медиатехнологий периода СВО на Украине	146
Гончаренко А.Р. Роль информационной аналитики в деятельности прозападных НКО (на примере Центральной Азии)	163
Го Фэнли Современные гибридные войны: китайский подход	170
Овсянникова О.А. Информационные технологии дестабилизации внутривойсковой ситуации и меры противодействия им в России.....	185
Петренко А.И. Информационно-психологическая безопасность подрастающего поколения России	196
Вишневская В.П. Формирование позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства – важный аспект политики государства	205
Об авторах	223

Для заметок

Научное издание

**ИНФОРМАЦИОННАЯ АНАЛИТИКА
И ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Подписано в печать 23.01.2023 г. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,25. Заказ 3377. Тираж 100 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru